

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

ЭЛИТА ЭЛИТ

Annotation

Имперский гвардеец из будущего, в котором человечество освоило всю галактику и создало космические колониальные державы, попадает в 1941 год, на границу СССР, на уже оккупированную фашистами землю. У имперских гвардейцев большой боевой опыт, хотя сражаться им приходится только с мятежниками. Имперские гвардейцы – «элита элит», люди, умеющие жить, думать и действовать в согласии с понятиями Долг и Честь, Воля Императора и Кысмет. Долг и судьба главного героя – принять участие в начавшейся великой и страшной войне. В его распоряжении лишь уцелевшие бойцы из разгромленных частей Красной армии. Но элитой не рождаются – элитой становятся...

- [Роман Злотников](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [Послесловие](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
-

Роман Злотников

Элита элит

Я очнулся оттого, что меня ударили.

Удар был довольно сильный. Такой, что я упал. И, то ли боль пробилась сквозь темноту, отгораживающую меня от сознания, то ли просто изменение положения тела привело в действие все мои натренированные рефлексy и затем уже сработали они, однако я очнулся.

Я лежал на полу. Комната, в которой я находился, была довольно большой. И уродливой. Этакий пенал с длиной, непропорционально вытянутой по отношению к ширине. Да и высота потолка на фоне той же ширины (которую лучше было бы назвать ужинóй) скорее работала на чувство клаустрофобии, чем на ощущение большего пространства. В торцах комнаты виднелись массивная железная дверь со смотровым окошком и маленькое оконце под самым потолком, забранное толстыми прутьями решетки. Стены помещения были покрыты бетонной шубой, окрашенной в ядовито-зеленый цвет.

Да-а-а, дизайнера, занимавшегося этим интерьером, следовало бы гнать поганой метлой!.. Еще в комнате стоял грубоватый стол — похоже, сколоченный из дерева! — и такой же табурет перед ним, с которого скорее всего меня и сбросили. А также три аборигена, одетые в мешковатую одежду зеленого цвета, состоящую из тужурки с воротником-стойкой и брюк типа бриджей. Один из аборигенов, сидящий с противоположной стороны стола и, судя по всему, на таком же табурете, как тот, с которого меня сбросили, имел какие-то украшения по краям воротника и был подпоясан ремнем. Костюмы остальных, слегка склонившихся надо мной и уставившихся на мою физиономию, украшали только рельефные металлические пуговицы, а рукава тужурок были закатаны. В принципе одежда всех троих была настолько похожа, что навевала мысль о военной форме, но для формы как-то слишком нефункциональна. Я также был одет в нечто похожее, но в отличие от остальных не имел обуви.

— О! Очухался, мразь!

Голос принадлежал как раз тому человеку, который сидел. А язык был общеимперским... Ну может, не совсем, но я таких диалектов наслушался, что для меня он был вполне приемлем.

— Я же говорил, придуривается. А ну наподдайте-ка ему еще раз!

Оба наклонившихся надо мной типа, выпрямились, и левый согнул ногу, судя по примерной траектории, собираясь ударить меня куда-то в район почек. Тело сработало рефлекторно. Я выбросил руку, захватив левого за пятку, и дернул ее, одновременно с этим разворачиваясь на бок и проводя захват ног правого обратной стороной коленного сгиба. Рывок — и оба валятся на пол, причем голову одного из них я едва успел в последний момент отвести на пару пальцев от края табурета. Трупов мне здесь пока не надо. Возможно, ситуация сложится так, что мне пригодится их сотрудничество, а наличие трупа часто сильно затрудняет установление дружественных отношений. Хотя не всегда...

— Ах ты, бл... — Третий вскочил на ноги, лихорадочно расстегивая компактный контейнер, прикрепленный к широкому ремню на правом боку. Логично было предположить, что там находится парализатор.

Я уже стоял на ногах, используя инерцию падения двух массивных тел для придания себе вертикального положения, так что для нейтрализации этой угрозы мне хватило просто тычка пальцем в кадык и простенького разворота кисти руки, в которой уже находилось оружие. Третий рухнул обратно на табурет, хрипло сипя и держась рукой за горло.

Парализатор был какой-то странный. Излишне тяжелый, как будто сделан из металла, громоздкий и совершенно неизвестной мне конструкции. Я пару секунд разглядывал его, несмотря на то что каталог Бреста знал наизусть. А там были представлены все образцы стрелкового оружия гражданского, полицейского и военного назначения за последние пятьсот лет! И он меня ни разу не подводил. А уж с какими только раритетами не приходилось сталкиваться во время операций по усмирению мятежей. Тем более по моему опыту, подкрепленному, впрочем, и выводами сисанов о том, что мятежи чаще всего происходят именно в глухих, отдаленных провинциях, где местные царьки тешат себя иллюзиями, будто находятся так далеко, что Император просто не помнит об их существовании, что сами начинают в это верить. Если бы они знали, какое количество сисанов отслеживает антропосоционику Империи!..

Я положил парализатор на стол и посмотрел на третьего, все еще продолжающего держаться за горло. Похоже, он тут главный. Я окинул его испытующим взглядом. Да-а, местный персонал явно не отличался хорошей подготовкой, и отбор был так себе. Во взгляде сидящего передо мной читались испуг и... недоумение. С умением ориентироваться в условиях резкого изменения обстановки дела у него обстояли не очень. Да и скорость реакции пока не впечатляла, мягко говоря... Я сел, легким щелчком отправил парализатор в его сторону, улыбнулся как можно

дружелюбнее и предложил:

— Поговорим?

Третий несколько мгновений недоуменно смотрел на оружие, а затем... среагировал абсолютно неадекватно. Он схватил парализатор и, направив мне в лицо, заорал:

— А ну к стене, сука! Руки за голову! Панасенко, Баля, возьмите-ка его...

Больше он ничего сказать не успел. Потому что я протянул руку и выдернул парализатор у него из пальцев. Третий осекся и ошеломленно уставился на свою опустевшую руку. Да-а-а, удивительно некомпетентный персонал! Если уж они так реагируют на банальный скачок, то чем же им покажется вьюга? Тут что, вообще не используют антропрогрессию? Нет, не нашу, конечно. (Тем более что, по оценкам сисанов, доля людей, способных к антропрогрессии нашего, девятого уровня, приблизительно соответствует одной десятитысячной процента от общей численности популяции, что относительно численности населения Империи составляет миллион человек, то есть численность Гвардии. Так что все мы здесь — в гвардейских корпусах или действующем резерве.) Но хотя бы элементарных, нижних уровней. В конце концов, на каждом из миров, где мне пришлось побывать (а я побывал на таком их количестве, что большинству обычных граждан и не снилось), антропрогрессия входит в программу подготовки гражданского пилота олэера. Даже для получения прав пилота-любителя. То есть считается, что нижние уровни вполне доступны для каждого человека! А тут представители силовых структур... В какую же дыру я попал?

Третий наконец-то обнаружил свой парализатор у меня в руке и испуганно втянул воздух. Я покачал головой и снова предложил:

— Поговорим? — После чего встал, перегнулся через стол и засунул ему оружие в поясной контейнер. Повторения всех этих па-де-де с тыканьем парализатором в нос мне были совершенно неинтересны.

Некоторое время мы сидели, глядя друг на друга. Двое других, судя по ритмике дыхания, уже полностью пришли в себя, но оставались на полу, угрюмо сверля мою спину тяжелыми взглядами. Похоже, они оценили уровень моей подготовки и совсем не горели желанием еще раз испытать ее на собственной шкуре. Что ж, разумный поступок. Они тут же поднялись в моем рейтинге на одну ступень. А их главный с первого раза не сумел сделать правильных выводов!

— Кхм. — Третий кашлянул, повел плечами, потом опустил руку и ощупал парализатор в контейнере на поясе, однако на этот раз не стал

доставать его и положил руки на стол. — Кто вы такой? — насупив брови, солидно произнес он. Хотя в голосе явно чувствовалась растерянность.

— А вы?

— Я?!

Похоже, вопрос застал его врасплох. Он неуверенно покосился мне за плечо, явно подумывая, не отдать ли команду подчиненным стукнуть меня по затылку чем-нибудь тяжелым... ну или еще какую, потом в сомнении потер подбородок и решил ответить:

— Старший уполномоченный особого отдела семьдесят пятой стрелковой дивизии старший лейтенант Башмет, — сделал паузу, а затем вновь спросил: — А вы кто такой?

Я задумался. Естественно, я помнил, кто я такой, но вот как сюда попал и где находится это «сюда», не имел ни малейшего представления. А значит, самым разумным было действовать в соответствии с двенадцатым разделом наставления по специальным операциям. То есть до выяснения действительного положения дел нужно стараться предоставлять о себе максимально возможный минимум информации.

— Честно говоря, совершенно не представляю. — Я скорчил эту самую виноватую рожу.

— Как это?! — Удивление старшего лейтенанта оказалось таким искренним, что я даже залюбовался. В наше время редко можно встретить столь яркие и незамутненные чувства. А особенно в нашей среде. Гвардейцев вообще зовут гранитными истуканами... Впрочем, если быть откровенным, контроль над эмоциями сыграл в этом прозвище далеко не ведущую роль.

— Понимаете, — начал я, — я помню, что был направлен командованием для выполнения секретного задания. Но как очутился здесь, у вас, а также кто я такой — как отшибло.

Это была импровизация, впрочем, согласно практике логически-компенсаторных построений, вполне стандартная и безопасная. Я говорю на их языке, при контакте продемонстрировал: во-первых, силу и, во-вторых, дружелюбие (поскольку не воспользовался силой в целях, превышающих психологически обоснованные пределы необходимой обороны) и сообщил о задании командования. Ну должно же у них быть какое-то командование? Так что самый простой выход из этой ситуации для любого человека — признать меня за своего.

— А-а, — обрадованно протянул старший лейтенант Башмет, — понятно. Значит, вы наш разведчик?

Я молча кивнул. Психомоторика у них была близка к стандартной

среднеимперской, так что я рискнул предположить, что и основная невербалка также похожа. Хотя с этим нужно держать ухо востро. На западе сектора Глазьева есть несколько миров, где кивок означает «нет», а вращение головы из стороны в сторону как раз «да». А во многих восточных секторах «да» означает поклон, а кивок используется как приказ подойти. Именно приказ, потому что применяется только старшим в отношении младшего. А применение этого жеста в отношении равного или старшего может быть расценено как оскорбление. Но сейчас я, похоже, не ошибся.

Старший лейтенант облегченно опустил руку к контейнеру с парализатором и наконец-то застегнул его, а затем перегнулся через стол и крикнул:

— Панасенко, Баля, а ну — подъем! Чего разлеглись как баре? Баля, быстро чайку нам с... что, совсем ничего не помните, товарищ? Фамилию хотя бы?

Фамилию я помнил. Но старшему лейтенанту знать об этом было совершенно не обязательно. Кстати, а что такое «лейтенант» (слово «старший» затруднений не вызвало)? Звание или должность? Скорее звание, потому что на всех диалектах общеимперского, как правило, при представлении обычно ставится после должности. Знать бы еще, что оно означает. Да и сам диалект, на котором мы общались... Лингвистические способности не стояли в приоритетном блоке моего служебного профиля, поэтому я владел только шестнадцатью официальными языками Империи и полусотней диалектов — вполне средненький показатель для Гвардии. Но этот диалект общеимперского, хотя и был вполне понятен и достаточно просто раскладывался на логико-лексические блоки, благодаря чему я мог пользоваться им совершенно свободно, все-таки заметно отличался от всего, что я знал. Была в нем некая... архаика, что ли?

Дверь за моей спиной бесшумно распахнулась, а затем столь же тихо захлопнулась. И с планировкой у них здесь тоже беда. Очень просто определить состояние и количество дверей от этой камеры до выхода просто по движению воздушных потоков. Даже не задействуя другие способности. А ведь, насколько я понял, мы сейчас находимся в чем-то вроде тюрьмы. С такой подготовкой персонала и столь примитивным обустройством здания у них здесь побег должен идти за побегом...

— А вы, я вижу, из коминтерновских? — поинтересовался старший лейтенант.

Я улыбнулся. Озвученное им слово мне снова ничего не сказало, но улыбка — универсальная гримаса, которую люди оценивают так, как им

кажется логичным. Одни — как согласие, другие — как приветствие, третьи — как призыв к общению, но почти всегда позитивно. Хотя, конечно, есть определенные ситуации, когда улыбка может сыграть и провоцирующую роль. Вот пусть сам себе и объяснит, что я имел в виду, когда улыбнулся.

— Я сразу догадался, — удовлетворенно кивнул старший лейтенант. — Акцентик у вас заметный. Баля, ну где ты там?

— Та я зараз... — послышалось откуда-то, судя по некоторым особенностям, отразившимся в обертонах голоса дошедшей до нас фразы, из столь же узкой каморки, находящейся метрах в семи дальше по еще более узкому коридору.

Ответ старшего лейтенанта удовлетворил. Он откинулся спиной на стенку и потянулся к карману брюк. Я осторожно напряг мышцы, чтобы суметь среагировать в случае чего и чтобы при этом внешне ничего не было видно. Но на этот раз никакого оружия из кармана извлечено не было. На свет божий появилась странная четырехугольная коробочка, слегка надорванная в углу. На обращенной вверх стороне коробочки в нарочито аляповатом стиле, характерном для Тесея Анимiere и его последователей-олдпримитивистов, был изображен силуэт всадника на фоне заснеженных гор. А под ним красовалась крупная надпись «Казбек». Я немного удивился. Казбек был довольно известным миром и входил в Метрополию. Насколько я помнил, там базировался шестой гвардейский корпус. Да и Тай Идигов, лидер двенадцатой монады нашего батальона, был с Казбека...

— Курите? — спросил старший лейтенант, протягивая мне коробочку, через надорванный край которой я разглядел внутри какие-то трубочки.

Я качнул головой. Незачем брать в руки то, с чем не умеешь обращаться. Во всяком случае, пока этого не требует ситуация.

— Не курите? Ну да, вам же нельзя, — понимающе кивнул старший лейтенант.

Интересно, значит, то, что он назвал «курите», похоже, составляет табу для представителей профессии, к которой он меня причислил. Как он ее обозвал, «коминтерновских»?.. Я внимательно присмотрелся к его дальнейшим действиям. Старший лейтенант достал трубочку, смял пальцами один ее конец и засунул его в рот. С противоположного конца трубочка оказалась набита какой-то сушеной травой. Старший лейтенант достал еще одну коробочку, гораздо меньше первой, вытащил из нее деревянную палочку и, чиркнув по боковой стороне коробочки, извлек огонь. Поднеся огонь к набитому концу трубочки, он поджег траву, жадно втянул дым, а затем затушил деревянную палочку и, вытащив трубочку с

тлеющим концом изо рта, выдохнул дым, так и не заметив, с каким ошеломлением я наблюдал за всеми его манипуляциями.

Бог ты мой! Здесь извлекают огонь, используя силу трения, сжигают чудовищно дорогую бумагу, изготавливают из драгоценного дерева совершенно утилитарные столы и табуреты, а не жутко дорогие эксклюзивные экземпляры авторской мебели, и при этом я нигде не заметил ни кусочка лопласта!.. Так куда же я все-таки попал?

Дверь за моей спиной неожиданно скрипнула, и голос того, кого старший лейтенант именовал Баля, радушно произнес:

— А вот зараз и чаек. Я туточка еще и батерфродов зробыл, товарищу старший лейтенант.

— Не батерфродов, а бутербродов, — отозвался тот. — Ну сколько еще тебя учить?

— Та я их кляту немецку мову не розумию, — добродушно повинился Баля. — Вечеряйте.

— Угощайтесь, товарищ коминтерновец, — радушным жестом указал на стол старший лейтенант. — Вы же у нас четыре дня без памяти провалялись. Вас пограничный наряд еще восемнадцатого утром у Буга обнаружил. Совсем без сознания. И голого. Это вас уже здесь в гимнастерку и бриджи обрядили. А сапоги так и не подобрали, размерец великоват. — Он хохотнул, и я машинально также растянул губы в улыбке.

Все, что я увидел и осознал, пока не укладывалось у меня в голове. Потому что все это очень напоминало любимый анекдот сисанов... ну про потерянную колонию. Ничем иным столь низкий уровень развития технологий пока объяснить было невозможно.

— Вы как чаек любите, вприкуску или размешать? — заботливо поинтересовался старший лейтенант.

Я снова улыбнулся, сгреб со стола чашку и отхлебнул. Напиток был горячий, навскидку градусов около девяносто пяти. Язык немного защипало, но, в общем, температура была как раз что надо. На вкус напиток напоминал обычный черный тии.

— Вообще без сахара пьете? — Старший лейтенант уважительно качнул головой. — Видно, с гражданской привыкли. У нас начальник отдела тоже часто без сахара пьет. А иногда вообще зверобой заваривает. Говорит, как на гражданской привык, так до сих пор нравится. А насчет сапог не беспокойтесь. Я завтра Панасенко на корпусные склады пошлю — подберет. Вернее, какое завтра? Завтра ж выходной, воскресенье. То есть... — он задрал рукав своей тужурки и бросил взгляд на что-то типа наручного многофункционала, вселив в меня надежду, что анекдот может

оказаться просто анекдотом, — ...уже сегодня. Почти половина четвертого. — Он смущенно улыбнулся. — У нас неделю как ввели усиление, по ночам обязательно дежурит один сотрудник, так я вот и решил: пока ночь, вами заняться. Мы ж вас за немецкого шпиона принимали. Из особого отдела округа шифровка пришла. Об усилении бдительности. Вот я и... — Он протянул руку, сгреб со стола некое устройство из металла со вставленной внутрь стеклянной емкостью, в которую уже был налит этот тии-чаек, и сделал глоток. — Хух!..

Судя по тому, как его перекорежило, температура напитка в его приспособлении зашкаливала за сто десять градусов. Наверное, это устройство предназначалось для доведения уже готового напитка до необходимой температуры. Просто у него оказался случайно сдвинут регулятор. И эта мысль позволила мне еще на шаг отойти от анекдота. Ну мало ли... Может, добывание огня трением и изготовление мебели из дерева просто местные традиции. На Баскии, например, до сих пор не используют стандартные дозаторы, предпочитая разливать сидр в жутко дорогие стеклянные бутылки и наливать его вручную, держа стакан в опущенной руке, а бутылку в высоко задранной другой. Потому что сидр, видите ли, перед употреблением надо «разбить о стенку стакана». Поэтому сидр с Баскии стоит едва ли не в десять раз дороже любого другого. Я пил и тот, и обычный и могу сказать, что разница никак не соответствует цене.

— Баля, мать твою! — рявкнул старший лейтенант. — Я тебе сколько раз говорил, не наливай мне кипятка!

— Так то ж чайк, товарищу старший лейтенант, — послышался недоуменный голос Бали. — Як же его тепленьким пыти? То ж помои!

Я снова подхватил со стола чашку и глотнул. А затем потянулся за бутербродом. Все услышанное предстояло хорошенько обдумать.

— Как следует покормить вас мы сейчас, ночью, не можем. Но я с утра пошлю Панасенко на кухню столовой комсостава. Он вам чего-нибудь поосновательней принесет. А уж в понедельник доложим о вас по команде...

Я снова кивнул.

— Спасибо, старший лейтенант.

— Разрешите поинтересоваться, — продолжил он, когда его устройство для поддержания температуры напитка опустело почти наполовину, — а вы родом из каких краев будете? Очень у вас акцентик интересный.

Его попытка разговаривать меня выглядела очень неуклюже.

— Я же тебе сказал, лейтенант, — отозвался я, — не помню ничего.

Вот передашь меня по команде, залезут там в базу данных и все узнают.

— В архивы, что ли? — не понял он сразу, а затем важно кивнул. — Это точно. Все как есть установят. У нас с этим строго. Я вот в прошлом месяце одного майора на этап оформлял... скрытым немецким шпионом оказался, сволочь! Так столько бумаги извел — просто ужас. Наш начальник за любую бумажку три шкуры дерет... старая школа!

Я сделал еще один глоток. «Бумаги»... У них здесь что, нет электронного документооборота?! Или опять традиция? Да сколько же здесь тогда традиций получается?

— Да вы ешьте, товарищ коминтерновец, ешьте, — радушно подвинул мне тарелку с бутербродами старший лейтенант. — За четыре дня, верно, шибко проголодались.

— Организм в состоянии отключенного сознания расходует приблизительно в четыре — шесть раз меньше ресурсов, чем обычно, — машинально пояснил я. — А без пищи человек даже в активном состоянии может существовать два... от двух недель до месяца, в зависимости от особенностей метаболизма.

Вот черт, едва не ляпнул «два года»! Это же все равно, что прямо представиться: я — гвардеец. Об особенностях нашего метаболизма и так ходит много легенд, но в данном случае медики утверждают, что это правда. Хотя я не знаю ни одного гвардейца, которому пришлось бы проверить утверждение на собственной шкуре. Дольше всего голодала монада Ига Каллепо из второго гвардейского корпуса, но их нашли и сняли с аварийного транспортника всего после девяти стандартных месяцев. К тому же у них был при себе стандартный полевой недельный сухпай, который вполне способен восполнять расходуемые ресурсы организма, находящегося в медитативном состоянии, на протяжении пяти месяцев. Что с учетом посменного дежурства дает уменьшение фазы пищевого дефицита вообще до четырех с половиной месяцев.

Старший лейтенант уважительно качнул головой:

— Да уж, сколько вы знаете...

Я дружелюбно усмехнулся. Я знаю гораздо больше, молодой человек, но вам пока сообщать об этом не собираюсь. Кстати, интересные у них тут бутерброды. Хлеб из смеси ржи и пшеницы, очень похожий на тот, что подается в наших ресторанах на День тезоименитства, а сверху нечто соленое, белого цвета, на вкус напоминающее концентрированный жир. Да и по реакции организма ясно, что вещь очень калорийная. Съел всего два, а голова уже заметно потяжелела. Чувствуется отток крови к желудку. Похоже, мне предложили продукты из специального пайка,

предназначенного для быстрого восстановления ресурсов ослабленного организма?

— Ну вам теперь отдохнуть надо, товарищ коминтерновец, — спохватился старший лейтенант, когда бутерброды и тии-чаек закончились, — к тому же, — он не смог сдержать зевок и прикрыл рот ладонью, — это мы привычные к ночной работе, а вам, наверное, уже и спать хочется?

Отдыха мне не требовалось. Судя по результатам экспресс-диагностики, которую я провел, попивая чаек, мой организм находился в отличном состоянии. Не учитывая, конечно, синяка на правой скуле, возникшего в результате удара, благодаря которому я и очнулся. Но повреждение периферийных тканей лица не было тем фактором, который стоило принимать во внимание. Тем более что заживление уже шло, и через пару часов от синяка не должно было остаться ни малейшего следа. Однако собранную за этот час информацию стоило обдумать и систематизировать. Поэтому я согласно кивнул.

— Спасибо. Не помешало бы.

— Я бы вам постелил поудобнее, но пока белья взять неоткуда, да и не могу я вас из камеры перевести. Вот начальник в понедельник появится, тогда и... — Старший лейтенант виновато улыбнулся.

— Ничего страшного, — успокоил я его, поднимаясь, — не все ли равно, где спать?

— Это точно, — на его лице явно проступило облегчение. Похоже, он очень опасался, что я начну его психологически прессовать и, как говорится, качать права.

— Панасенко, Баля!..

Спустя несколько секунд дверь открылась, и в проеме нарисовались эти двое из ларца. Причем с лица они действительно были одинаковы. Оба круглолицые, уже слегка лысоватые, с крупными, мясистыми губами и носами картошкой. Только один, которого старший лейтенант называл Баля, был белолиц и конопат, а лицо второго было загорелым.

— Баля, приberi тут. Панасенко, проводишь товарища коминтерновца в его камеру. И брось туда шинель, даже пару брось!..

— Слухаю, товарищу старший лейтенант, — гулко отозвался Панасенко. (Голоса у них все-таки были разные...)

Камера оказалась точно такой же каморкой, как и та, в которой я очнулся. Единственная разница заключалась в том, что прямо под окном стояло помятое металлическое ведро, запах, шедший из него, не вызывал сомнений в его предназначении, а к стене была прикреплена во всю ее

длину деревянная, обитая железом полка. Она была зафиксирована в закрытом состоянии грубой железной щеколдой, запертой на примитивный висячий замок.

— Я зараз, — суетливо отозвался Панасенко и, протиснувшись мимо меня, загремел ключами, а затем торопливо откинул полку, которая повисла на двух вполне прочных на вид цепях. Да уж!.. Получившееся ложе сложно было считать образцом комфорта. Любящие судиться со всеми подряд жители сектора Атлантис, буде предложить им отдохнуть на подобном, пожалуй, тут же выставили бы счет муниципалитету или местному правительству (кто его знает, в чьем ведении тут находятся тюрьмы) за «применение бесчеловечных пыток». Но выбирать особо не приходилось. К тому же гвардейцам, бывает, случается отдыхать и в гораздо более сложных условиях. Так что я спокойно вошел внутрь.

— Сей секунд шинельку принесу, товарищу кохминтерновиц, — извинился Панасенко, выскакивая в коридор. — А вы пока лягайте, лягайте...

Я воспользовался советом и, протиснувшись вдоль стены, до которой при разложенной полке осталось пространство шириной едва ли с полтора моих кулака, аккуратно опустил на это явно неэротическое ложе.

Полка слегка скрипнула, но мой вес приняла вполне благосклонно.

— Ось так, — удовлетворенно закивал Панасенко, вновь появившись в камере и набрасывая на меня шинель.

Но я его уже почти не слышал. Надо было как следует проанализировать информацию, для чего лучше всего подходит состояние разделенного сознания. Когда на первом уровне анализируется то, что принято как факты, на втором — степень достоверности этих условных фактов по косвенным признакам, на третьем — особенности строения речи, языка, невербальные реакции и так далее. Соответственно при такой нагрузке мозга реакция на внешние раздражители крайне затруднена, и находиться в подобном состоянии я могу около полутора часов. И лишь затем наступает время нелинейной логики... Я, конечно, не штатный сисан, но любой гвардеец раз в три года в обязательном порядке прикомандировывается к группе системной аналитики на срок не менее пяти месяцев. Причем группы все время меняются. Я, например, начинал с финансово-экономической. Потом была политико-соционическая, военно-промышленная, торгово-логистическая, эколого-демографическая и многие другие. Так что навыками всего спектра системного анализа я владел. И единственное, что мне сейчас было нужно, это пара-тройка часов свободного времени. Но мне его так и не дали...

- Товарищ командир, а куда тушенку девать?
Я отнял рушник от лица и повернулся к старшине Гарбузу.
— Старшина, я тебе кто?
— Командир, — уверенно отозвался тот.
— А ты кто?
— Старшина, — так же уверенно сообщил Гарбуз.
— Так что ты меня старшинскими вопросами достаешь?
Гарбуз озадаченно почесал в затылке.
— Так ведь... мало ли что?
— Мало тебе будет, когда я разозлюсь, — пообещал я...

* * *

...Нет, ну что за армия? Все, начиная с младших командиров и заканчивая старшими начальниками, о чьих действиях мне удалось хоть что-то узнать, совершенно лишены инициативы. Первое, чем занялось большинство командиров после внезапного нападения врага, которого здесь называли странным словом «немцы» (их можно было назвать кем угодно, но не немцами), так это... впало в оцепенение. Максимум, на что оказались способны командиры среднего звена, это на отдачу приказа: «Без паники. Не поддаваться на провокации!» Ну за исключением тех, по кому непосредственно стреляли. Остальные, совершив элементарные действия, предусмотренные уставами, будто впали в спячку, даже не попытавшись организовать взаимодействие с соседями, связаться со средствами усиления и сделать хоть что-то из того, что должен делать любой командир в армии, подвергшейся нападению. А те, у кого по тем или иным причинам в момент нападения имелся доступ к примитивным средствам связи, называемым здесь телефонами, принялись отчаянно названивать в вышестоящие штабы с сакраментальным вопросом «Что делать?». Адекватно отреагировали считанные единицы. И ведь, насколько мне удалось сравнить в паре уже состоявшихся с моим участием схваток, уровень индивидуальной подготовки и нападающих, и подвергшихся нападению был вполне сопоставим. Вооружения у пострадавшей стороны также хватало. И боевые характеристики вооружения были вполне на уровне. Ан нет! В общем,

яркая иллюстрация любимой пословицы командира нашего батальона: «Стадо баранов, возглавляемое львом, стократ опаснее стада львов, возглавляемых бараном».

Я даже немного подсадовал, что слепой случай привел меня на эту, а не на ту сторону. Присоединиться к победоносной стороне было бы намного приятнее. Впрочем, теоретически возможность сменить сторону существовала до сих пор. Но к перечню обоснований, которые удерживали меня на этой стороне, не так давно прибавилось еще одно — диалект нападавших гораздо дальше отстоял от общеимперского. А я уже как-то привык, что те, кто говорит на диалекте, слишком отличающемся от общеимперского, во-первых, неизменно проигрывают и, во-вторых, чаще всего выступают в качестве противника. К тому же успех в начале войны — еще далеко не победа...

Из разрушенного бомбежкой здания, в котором находился, я выбрался спустя двадцать минут после начала налета. Судя по звуку, противник использовал авиабомбы калибра не более 0,00005–0,0001 килотонн стандартного эквивалента. Причем точность поражения целей была крайне низкой. Подавляющее большинство боезапаса просто наделало воронок в земле, не попав ни в какую значимую цель. И от этого у меня вновь екнуло под ложечкой. Похоже, здесь пользовались неуправляемыми боевыми блоками, а это означало, что степень деградации данного мира дошла до крайних пределов. Дальше был только каменный топор... ну примерно.

Я оглянулся на развалины. Кажется, все трое моих визави оказались погребены под обломками. А ведь возможность успешной эвакуации из разрушенного здания по моим приблизительным подсчетам составляла не менее восьмидесяти процентов. Хотя пятьдесят пять процентов из них приходились на используемый противником тип боеприпаса. Если бы нападающие использовали боеприпасы объемного взрыва или гравиконцентраты, возможность эвакуации упала бы до критических для выживания двадцати пяти процентов. Впрочем, для старшего лейтенанта Башмета и двух его подчиненных она уже и так являлась равной нулю...

Из зенита послышалось странное, вибрирующее завывание. Я поднял голову. На группу зданий, между развалинами которых я сейчас находился, с явно атакующими намерениями заходила группа странных летательных аппаратов. Таких очертаний я еще не встречал. По первому впечатлению для удержания в воздухе они использовали примитивные аэродинамические поверхности. И это был еще один факт в копилку моего негатива. Впрочем, особенно рассуждать было некогда. Похоже, именно эти примитивные летательные аппараты швырялись теми самыми

неуправляемыми боевыми блоками, и сейчас мне на голову должна была посыпаться новая партия.

Я отследил траекторию, прикинул возможный угол разлета блоков, покосился на воронки, на глазок определив радиус поражения взрывной волной и осколками, и неторопливым шагом отошел за угол здания. Едва я присел на траву, как за спиной раздались громкие взрывы. Я прислушался: да, эквивалент посчитан правильно. Чрезвычайно примитивные боеприпасы...

Бомбежка закончилась примерно где-то через полчаса. И спустя несколько минут из развалин домов начали появляться люди. Они выглядели бледными, испуганными и постоянно пялились на небо. Все одеты в разные варианты той одежды, что была на Башмете и его подчиненных. Похоже, это все-таки форма. Я поднялся, выбрал из десятка появившихся наиболее представительного и приблизился на расстояние, когда мне обращаться к нему будет еще рано, а ему игнорировать мое появление будет уже психологически трудно. Поскольку стандартной формы воинского приветствия в армии я не знал, самым разумным было создать условия, чтобы он сам обратился ко мне. Так и произошло.

— Эй, ты кто такой, откуда?

Я молча указал рукой на развалины. Видимо, я нарушил принятые формы обращения, но в данной ситуации мою неадекватность скорее всего спишут на шок или контузию.

— На губе, что ль, сидел?

Я осторожно кивнул. На губе? Хм... Наверное, жаргон.

— Товарищ дежурный по штабу, — подлетел к человеку, с которым я разговаривал, какой-то чрезвычайно мелкий тип с округлившимися от страха глазами и взъерошенными волосами. — Секретную часть разбомбило!

— Да тут весь штаб разбомбило, Журавлев, — раздраженно отозвался мой собеседник, — а ты тут со своей секретной частью!

— Так там это... сейфы вдребезги! — еще больше вытаращив глаза, сообщил Журавлев. — И секретные документы ветром разносит.

— Что-о-о?! — в свою очередь вытаращился мой собеседник. — Так что ж ты стоишь-то? Бегом давай! А ну все сюда! Спасать секретные документы!

И мы побежали за мелким Журавлевым...

Следующие полчаса мы дружно гонялись за разносимыми ветром бумагами и стаскивали их в укромный уголок, между кучей щебня и куском еще стоящей стены. Там сидел Журавлев и запихивал принесенные папки и

кипы отдельных листов себе под зад, усаживаясь на них, словно насадка. Из подобранных бумаг я успел понять довольно много. Хотя времени вчитываться в них у меня не было, да и делать это было довольно неразумно.

В конце концов, они представляли собой секретные документы, и бывший арестант, внимательно изучающий их, явно должен был вызвать вполне обоснованные подозрения. Но мне достаточно бросить один взгляд на подобранный лист, чтобы зафиксировать в памяти не только сам текст, но и фактуру бумаги, тип и глубину шрифта, форму и содержание оттисков печатей и иные структурные элементы документа. Конечно, для того чтобы полностью разобрать и разложить их на составляющие, а также оценить каждую и проанализировать на соответствие с остальными, а также с информацией, полученной из других источников, мне требовались время и более спокойная обстановка. Но зачем сожалеть о том, что в данный момент недостижимо?

Сейчас имелась возможность собирать информацию, ее и следовало использовать, а анализировать будем позже. Тем более что предварительный анализ уже выявил кое-какие новые пробелы, которые необходимо будет восполнить в ближайшее время. Существенную часть секретных документов составляли приказы и планы действий, но пока никакой привязки к местности все эти упоминания населенных пунктов, железнодорожных станций, местных речек и озер в моей голове не имели. Еще следовало отметить, что письменный язык также оказался излишне архаичным и усложненным. Но вполне понятным.

Командир войскового соединения, носящего наименование стрелковой дивизии, прибыл через час. К тому моменту среди развалин, в которых, как мне удалось выяснить, ранее дислоцировался штаб этой дивизии, уже вовсю кипела жизнь. Как, впрочем, и к западу от них. Там даже, пожалуй, жизнь кипела куда как более бурно: слышались непрекращающаяся канонада и те самые завывания, указывающие, что наземные войска постоянно подвергаются атакам летательных аппаратов, подобных тем, что разрушили штабной городок. К моменту прибытия командира мы уже собрали все разлетевшиеся документы секретной части и начали разбирать завалы, извлекая из-под них раненых и убитых, а также всевозможную утварь и предметы, скорее всего являющиеся оружием. Как я понял, местная армия была оснащена оружием, поражающее действие которого было основано на кинетическом принципе. Причем разгон снаряда осуществлялся созданием давления в камере путем сгорания химических веществ с высокой скоростью горения. Да уж... До сих пор я считал, что

самым примитивным ручным оружием, с чем пришлось столкнуться, являются боевые химические лазеры, которыми повстанцы на Латее пытались сражаться с войсками наместника (против нас они их использовать не решились — сразу сдались). Но теперь я понял, что ошибался...

Командир тут же принялся орать, махать руками, в одной из которых был зажат предмет, похожий на оружие старшего лейтенанта Башмета. Я уже не рисковал именовать его парализатором, ибо скорее всего это был ручной вариант стандартного местного оружия. Командир орал на всех, кто подворачивался ему под руку, при этом довольно часто употребляя слова «под трибунал» и «расстреляю». Последнее было мне понятно, так что и первое выражение я решил до уточнения считать неким вариантом казни в полевых условиях. Главная претензия начальства состояла в том, что ему немедленно, срочно, еще час назад требовалась связь со штабом корпуса. При этом он отчего-то заиклился на единственном способе связи, требуя немедленно восстановить «линию», и не удосужился даже хотя бы отправить посыльного. А кроме того, его почему-то не слишком заботила связь с подчиненными подразделениями, с соседями, а также получение оперативных данных о развитии ситуации на поле боя. Я просто не понимал, как столь некомпетентный человек может занимать командную должность столь высокого ранга...

К тому моменту из развалин здания «губы» (как выяснилось, это слово означало не часть лица, а именно здание, в котором меня допрашивали) были извлечены тела всех троих моих недавних знакомых. Старший лейтенант Башмет был еще жив, но, поскольку не обладал способностями хотя бы третьего уровня антропрогрессии (а о существовании полевых регенерационных капсул здесь, судя по всему, даже не догадывались), жить ему осталось очень недолго. Я отнес его к полуразрушенной стене здания, куда сносили всех раненых, и им тут же занялись несколько женщин в странных белых балахонах, ничем не напоминающих обтягивающие тело, будто перчатка руку, комбинезоны наших медиков. Но специальный значок здесь оказался совершенно таким же — красный крест. Баля и Панасенко были мертвы...

Лихорадочная деятельность по разбору завалов оказалась прервана очередным налетом, начавшимся минут через десять после того, как прибыл командир соединения. Похоже, противник использовал станции засечки командирских планшетов... или просто совпало? Едва сверху послышалось завывание моторов, как все бросились врассыпную. Кто куда. Что за дурацкая организация? Я даже закрипел зубами от досады. Ну

ладно, заранее не были подготовлены укрытия (хотя за одно это коменданта и командира группы обеспечения работы штаба уже стоило отстранить от командования), но не выставить наблюдателей из числа способных прикинуть траекторию падения блоков с учетом возможного рассеивания, не определить сектора, не сформировать группы огневого противодействия?! Они же используют неуправляемые боевые блоки! Да три-четыре подготовленных стрелка даже с этим примитивным оружием способны если не подбить (тут я предполагать не берусь, кто знает, какой у этих летательных аппаратов уровень бронирования), то по крайней мере массированным огнем по лобовой проекции сбить с траектории любой подобный летательный аппарат. При продемонстрированной ими маневренности и скорости, в разы не дотягивающей даже до звуковой, — левая задача!

Я прикинул траекторию и быстро отбежал к одинокой воронке шагах в сорока от развалин. Туда попал один блок, взрывной волной переломивший ствол дерева, сильно напоминающего обычный бук. Дерево упало так, что перекрыло половину воронки, создавая дополнительную защиту. Если честно, я заметил это укрытие, еще когда ковырялся в развалинах, прикинув, что, если летательные аппараты появятся с того же направления, что и в первый раз, эта воронка должна попасть либо на границу, либо вообще вне сектора возможного рассеивания. А вот большинство, похоже, руководствовались лишь глубиной укрытия, явно расположившись едва ли не по оси зоны вероятного поражения. Впрочем, когда я последний раз окинул взглядом всю диспозицию, у меня закралась мысль, что они вообще ничем не руководствовались, а просто попрыгали кто куда... Очень странно. Похоже, в этой армии вообще не представляли себе, что существуют методики развития психологической устойчивости и правила оценки обстановки.

Первая серия блоков легла как раз туда, где укрылось от налета большинство народу. Пыль, поднятая разрывами, мгновенно заволокла все вокруг, так что, когда из этой непрозрачной мути выскочил мелкий Журавлев, я не сразу понял, что в нем не так. Он бежал, широко разинув рот, и, похоже, считал, что громко кричит. Но кричать он вряд ли мог, потому что его горло и грудная клетка были вскрыты осколком, будто лазерным скальпелем. А еще у него не было левой руки. Он пробежал три шага и рухнул плашмя на землю.

Я поднял голову. Летательные аппараты заходили на второй круг. Я вздохнул. Наверняка следующим заходом они накроют оставшихся. Следовательно, никакой информации я здесь больше получить не смогу. Во

всяком случае, от живых. Или надо поторопиться?.. Я выскочил из воронки и нырнул в пыльную муть. Через одиннадцать шагов наткнулся на человека, который брел навстречу, шатаясь и держась за голову. Рассусоливать времени не было, поэтому я вырубил его коротким ударом и, подхватив на плечо, ринулся обратно в свою воронку.

Едва успел. Когда мы с моей ношей занырнули под поваленный ствол бука, земля содрогнулась от следующей серии взрывов. Я торопливо скинул тело с плеча и прижал его к земле, накрыв собой. Неуправляемые блоки — это такая гадость, всегда один-два могут выйти за пределы рассчитанного радиуса рассеивания, а у меня регенерационные способности всяко лучше обычного человека. Даже нижнего уровня антропрогрессии. Не говоря уже о местных...

Весь налет длился минут двадцать — двадцать пять. Когда завывание моторов летательных аппаратов стихло в яркой синеве летнего неба (а может, у них сейчас еще весна, осень вряд ли — вон какая листва на деревьях), я выбрался из воронки и осмотрелся. Пыль, поднятая взрывами, медленно оседала на землю. Вокруг валялись изуродованные тела. И их отдельные части. Особенно густо они лежали там, куда мы положили раненых, извлеченных из-под развалин. У меня даже мелькнула мысль, что пилоты этих летательных аппаратов специально целились именно сюда. Уж больно много здесь было воронок. Да нет, не может быть!.. Убийство некомбатантов, раненых и медицинского персонала во все времена являлось одним из тягчайших военных преступлений. Не могут же они одичать настолько, чтобы забыть о базовых этических ценностях. Тогда бы они просто не сумели создать столь сложно структурированное общество. Ведь оно требует слишком высокого уровня сотрудничества и довольно сложной системы разделения труда. А это подразумевает развитые морально-этические системы. Пока сообщество человекообразных существ находится на этапе допустимости каннибализма, оно редко покидает уровень родоплеменного развития...

Откуда-то слева послышался стон. Я пошел на голос. За кучей битого щебня обнаружилась одна из женщин, оказывавших помощь раненым. Я наклонился над ней.

— Пи-ить, — еле слышно попросила она.

Я огляделся. Где тут взять воду? Сквозь оседающую муть кирпичной пыли были видны только груды развалин. Я снова перевел взгляд на женщину. В принципе, вода ей была не нужна. У нее отсутствовала вся нижняя половина туловища, включая ноги, и под тем месивом, которое представлял собой низ ее тела, уже натекла здоровенная лужа крови.

Скорее всего ее желание пить было результатом резкого обезвоживания организма, вызванного столь большой кровопотерей. Пожалуй, самым милосердным будет помочь ей уйти. Я наклонился над ней и ласково погладил по щеке, успокаивая и примериваясь к сонной артерии. Но она уже никак не отреагировала на мой жест. Я убрал руку и выпрямился. Моей помощи не потребовалось...

К своей воронке я вернулся в довольно задумчивом состоянии. Во многих подразделениях территориальных войск женщины служат наравне с мужчинами, но в Гвардии существует принцип: не использовать женщин в боевых подразделениях. И теперь я, кажется, ясно осознал, откуда его истоки. Всегда тяжело, когда у тебя на руках умирает человек, но когда этот человек — женщина...

Спасенный мной уже пришел в себя и выбрался из воронки. Когда я подошел, он сидел на поваленном дереве, уставившись в одну точку, и бормотал:

— Погибли... все погибли... все... погибли...

Да уж, похоже, с тренингами по психологической устойчивости в этой армии дело обстояло совсем швах.

— Эй, как тебя зовут? — тихонько позвал я.

— Побили... всех... все погибли... — продолжал бормотать спасенный.

Я вздохнул, а затем... со всего размаха залепил ему оплеуху. Он брыкнулся на землю, а я тут же выпрямился перед ним, приняв некое подобие строевой стойки, и заорал:

— Встать! Имя, должность, звание? Быстро!

Парень суетливо вскочил на ноги.

— Старший сержант Головатюк, командир второго отделения комендантского взвода, товарищ командир, — бодро отрапортовал он.

Я молча кивнул.

— Хорошо. Ранен?

— Трохи, — испуганно отозвался тот, и его рука дернулась к голове.

— Сядь, — приказал я.

— Есть, товарищ командир. — Парнишка послушно бухнулся на поваленное дерево.

Я осмотрел его голову. Царапина. Хотя может быть контузия. Я осторожно прощупал подушечками пальцев сосуды головы, прослушивая изменения пульса, затем развернул его лицом к себе и оттянул веко, рассматривая роговицу. Вроде бы контузии нет, только сильный стресс. Эх, как сложно с не владеющими хотя бы нижними уровнями антропрогрессии.

— Чепуха. Не помрешь.

— Так точно, товарищ командир, — отозвался старший сержант уже гораздо более бодрым голосом, а затем, помолчав, робко спросил: — А это немцы на нас напали?

Я молча сделал некое круговое движение головой, могущее означать как согласие, так и все что угодно. Пусть сам расценит в соответствии с его собственным видением ситуации.

— Но... как же так? — растерянно забормотал парень. — Товарищ Сталин же говорил, что... у нас с ними договор... что нельзя поддаваться на провокации, что... малой кровью, на чужой территории...

Я некоторое время внимательно слушал его. В этом бормотании, на взгляд обычного человека совершенно хаотичном и бессвязном, на самом деле содержалось немало полезной информации. И если ее сопоставить с теми сведениями, что я запомнил из разрозненных листов секретных документов, которые мы собирали, обрывков разговоров и всего остального, уже можно выстроить кое-какие логические цепочки, способные помочь мне лучше сориентироваться в происходящем.

— Ладно, — через некоторое время прервал я сержанта. Не столько потому, что устал слушать его бормотание, сколько оттого, что ценность получаемой информации резко снизилась: парень начал повторяться. — Нам пора двигаться, старший сержант. Значит, собери и проверь оружие и боеприпасы, а я... — я покосился на свои босые ноги, — подберу себе кое-что из обмундирования.

Это слово я слышал от дежурного по штабу. Насколько я уже разобрался в терминологии, слово «штаб» здесь обозначало командную монаду. Ну а слово «дежурный» и в Империи означало то же самое, что и здесь.

— Есть, товарищ командир.

Рука сержанта снова дернулась к голове, и я подумал, что у него приступ головной боли, даже успел ругнуть свои диагностические способности, но затем сообразил, что это, наверное, был какой-то очередной воинский ритуал. Причем, похоже, парень выполнил его как-то неправильно. Потому что смутился и пробормотал:

— Виноват, товарищ командир, пилотку потерял, — после чего развернулся и, тяжело бухая сапогами, побежал в сторону развалин.

Обувь я себе подобрал как раз с ноги командира дивизии. Его тело лежало шагах в сорока от всех остальных и выглядело почти целым. Только под головой натекла лужа крови. Осколок, пробивший ему череп, оказался довольно маленьким, да и ударил в голову на излете, поскольку выходного

отверстия мне обнаружить не удалось. Размер ноги у командира дивизии оказался практически таким же, как у меня, да и качество обуви по сравнению с остальными парами, которые я пытался примерить, также было заметно выше. Кроме того, тело командира дивизии поделилось со мной ремнем, с лямкой через плечо, поскольку я заметил, ремень являлся неременной принадлежностью местной формы одежды. На ремень также был надет контейнер для оружия, которым командир размахивал перед носом у дежурного по штабу, когда грозил его расстрелять. Самого оружия я не обнаружил. Похоже, командир потерял его во время налета. После чего я перешел к более масштабному мародерству.

Я заканчивал разбирать содержимое карманов убитых, не слишком изуродованных взрывами, когда из-за кучи битого щебня вывалилась погромыхающая фигура. Это оказался старший сержант, буквально увешанный оружием.

— Товарищ командир, — с натугой доложил он, дотащившись до меня, — ваше приказание выполнено. Вот. С ружьарка комендантского взвода взял. У нас третье отделение в субботу в полном составе в местный колхоз отправилось. Для оказания, так сказать, шефской помощи. Так что все их вооружение на месте. Даже «дегтарь». — Он взмахнул массивным устройством с широким круглым блином сверху.

Я молча кивнул, внимательно разглядывая всю эту грудку железа, порядок обращения с которой представлял для меня абсолютную загадку. Впрочем, дело было поправимым.

— Отлично, Головатюк, — одобрительно кивнул я. — Все исправно? Проверял?

— Никак нет, осмотрел только.

— Ну так проверь! — сердито рявкнул я. — Оружие, считай, из-под завалов.

Парнишка дернулся и озадаченно закрутил головой.

— Так ведь это, пулеулавливатель-то разбило...

Я укоризненно вздохнул и ткнул рукой в сторону приближающейся канонады.

— Они что, тоже в пулеулавливатели палят? Эх, Головатюк...

Парень стушевался.

— Виноват, товарищ командир, привык. Я сей момент...

Он шустро сгрузил на землю весь арсенал и, вытащив из кармана аналог ручного оружия, которым размахивал командир дивизии, зажмурил один глаз и сделал несколько выстрелов в грудку кирпича, целясь в верхний. Каждый выстрел сопровождался резким рывком руки и выбросом

маленьких пустотелых металлических цилиндриков.

— Дай-ка сюда, — попросил я и первым же выстрелом расколот кирпич, в который метил сержант, на несколько кусков.

— Эк вы... — удивленно качнул головой он. — Даже не целились.

Я осмотрел оружие более внимательно. Никаких прицельных приспособлений на нем не имелось, только какие-то непонятные выступы на верхней части массивного кожуха, охватывающего ствол. Да и на кой черт прицел на таком расстоянии. Тут камнем докинуть можно.

— Дальше проверяй, — приказал я, укладывая оружие в контейнер на пояс.

Судя по тому, что при выстреле выбрасывались маленькие цилиндрики, боезапас у него был ограниченным и требовал пополнения. Но каким образом это делается, я пока не знал. А демонстрировать свое незнание перед старшим сержантом не собирался.

Головатюк последовательно отстрелял еще семь единиц оружия разного вида, позволив мне собрать достаточно информации о том, как с ними обращаться. Два из них показались мне довольно глупыми. В том числе и тот самый «дегтарь», к которому старший сержант явно испытывал неподдельное уважение. Он даже погладил его по прикладу и ласково произнес: «Добрый пулемет».

«Дегтарь» вел огонь длинными очередями и давал просто чудовищное рассеивание. Причем, судя по демонстрируемому невербальному комплексу реакций и особенностям интонаций сержанта, именно свойство вести огонь очередями отчего-то считалось главным преимуществом данного образца. Что было мне совершенно непонятно. Выпускать чудовищное количество боезапаса не в цель, а в, так сказать, сторону цели в надежде, что какие-то доли процента его куда-нибудь попадут?! Да при таком подходе эта армия должна быть просто связана по рукам и ногам линиями снабжения.

Впрочем, благодаря такому подходу именно «дегтарь» имел наиболее адекватный боезапас и систему автоматической перезарядки. А отсекать по одному-двум выстрелам несложно было, просто контролируя время нажатия на спусковой крючок. Поэтому «дегтарь» я забрал себе, оставив старшему сержанту второй образец скорострельного вооружения под названием ППД. Он был предназначен под боеприпас с гораздо меньшей дульной энергией, и поэтому его поражающие элементы имели явно более параболическую траекторию и заметно меньшую убойную дальность.

Кроме того, мы вооружились длинноствольным образцом с ручной перезарядкой, дающим гораздо большую кучность, под названием

«винтовка», и двумя одноручными образцами, имеющими такое техногенное обозначение ТТ. Старший сержант также принес наспинный матерчатый контейнер под названием «сидор», наполненный пачками с боезапасом, именуемым «патроны», и десятком метательных осколочно-фугасных зарядов, именуемых «лимонки». Их он, естественно, испытывать не стал, но пока возился с винтовкой, я быстро осмотрел заряды. На первый взгляд все было понятно, хотя и излишне усложнено. Для использования этого вида оружия нужно было разогнуть усики проволочного фиксатора предохранителя, выдернуть его за кольцо и бросить заряд в противника. Далее «лимонка» скорее всего срабатывала от удара, поскольку никакого таймера задержки срабатывания я не заметил. Да и регулятора радиуса поражения тоже. Однако на всякий случай решил уточнить:

— А ну-ка, Головатюк, доложи мне тактико-технические данные данного образца оружия.

— Так это... — с готовностью начал он, — оборонительная граната Ф-1, в просторечии «лимонка». Вес — 600 граммов. Разлет осколков до 200 метров. Время горения замедлителя — 3,2–3,8 секунды.

Хм... значит, взрыватель не обладает ударным действием. Крайне примитивный вариант, хотя разлет осколков и вызывал некоторое уважение. Впрочем, если данный вид оружия построен на той же технологии, а ожидать иного пока никаких оснований не было, радиус сплошного поражения явно был меньше как минимум на порядок.

Еще Головатюк приволок два примитивных стальных шлема, не способных защитить от прямого попадания большинства образцов даже местного стрелкового оружия, и два устройства, которые он назвал «противогаз». Судя по названию, они должны были защищать от воздействия агрессивной внешней среды, но когда я ознакомился с их конструкцией, то понял, что они нам вряд ли пригодятся. Даже Головатюку. Ибо по моим прикидкам данный образец сохранял фильтрующую способность в случае использования против нас веществ первого класса токсичности в лучшем случае минут на двадцать — тридцать. Да и защищал только органы дыхания, а также кожу и слизистые оболочки в области лица. Я же мог задерживать дыхание на срок порядка двадцати минут, причем при полной нагрузке, а за это время был способен преодолеть по среднeperесеченной местности расстояние почти в двадцать километров. Что по моим прикидкам позволяло покинуть любую зону заражения, которая могла быть создана при данном уровне технологического развития.

К тому же метаболизм гвардейца позволял разлагать до шестидесяти средних летальных концентраций веществ высшего класса токсичности без потери боеспособности. А до двухсот — с частичной потерей. А для того чтобы такое количество токсинов могло проникнуть в организм через слизистые, двадцати минут явно мало. Так что противогаз мне был не нужен. Но, похоже, он также входил в состав боевого комплекта снаряжения бойца местной армии, и я решил не спорить с правилами.

— Ладно, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Пора двигать.

— Я извиняюсь, товарищ командир, — подал голос старший сержант. — А куда?

Я задумался. Поскольку противник наступает с запада, или какие тут местные обозначения сторон света, то отступать лучше всего на восток. Но как? Вместе с отступающими войсками или в одиночку? В одиночку я всяко боеспособнее и мобильнее, но куда тогда девать Головатюка? А с ним лучше прибиться к какому-нибудь подразделению. Конечно, я мог бросить старшего сержанта и разбираться в обстановке дальше самостоятельно, но это если рассуждать совсем уж абстрактно. С того момента, как мне было пожаловано право принести присягу гвардейца, моей жизнью руководили три ценности — Долг и Честь, Воля Императора и Кысмет. Все они находились в сложном и не всегда однозначном соотношении друг с другом, чаще всего ведя меня по жизни вместе, но иногда отступая друг от друга, а случалось, и противореча друг другу. Но сейчас этого не было. Кысмет привел меня на эту сторону. Долг и Честь обязывали защищать тех, кто в данный момент считался своими. А Воля Императора повелевала разобраться, куда же все-таки я попал и как мое присутствие здесь может послужить на благо Империи.

— Пока двинемся туда, — ткнул я в сторону востока, — а там посмотрим...

* * *

— ...ну, так я это, — задумчиво начал Гарбуз, — тушенку велю по вещмешкам разобрать и картоплю частью тоже, а частью запечем.

Я никак не отреагировал на вопросительные интонации в его голосе. Если буду влезать во все мелочи, находящиеся в ведении старшины, времени на исполнение командирских обязанностей — оценку обстановки, организацию разведки и связи, принятие решений — у меня не останется. Нет, я понимаю, иногда приходится влезать в компетенцию подчиненных,

если видишь, что они не справляются с обязанностями в той мере, которая уже создает угрозу выполнения задачи, но первейшая обязанность командира — повышать компетенцию подчиненных до уровня как минимум на один выше ныне занимаемой должности. Я был совершенно уверен, что в моей монаде все действительные гвардейцы со сроком службы не менее пяти лет полностью готовы к исполнению обязанностей лидера монады. Как и в том, что наш командир батальона полностью уверен в компетенции восьмидесяти процентов командиров монад. Остальные командовали монадами менее трех лет и в линии старшинства не состояли.

Старшина бросил на меня еще один тоскливый взгляд и отошел. А вот так вот, дружок, привыкай сам принимать решения. Ты в линии старшинства — второй после меня и Головатюка. И хотя убить меня местным оружием довольно трудно, но мало ли! И в случае чего тебе придется возложить на себя бремя командования. Учись!

— Товарищ командир, там еще двое прибились, — подбежал с докладом Головатюк.

Я кивнул. Значит, наш маленький отряд разросся уже до десяти человек. Еще трое — и мы сравняемся численностью со штатной монадой. Наша команда, начавшаяся всего с двух человек, постепенно разворачивалась в серьезное подразделение, а значит, надо было подумать об организации системной боевой подготовки. Ибо святое правило Гвардии — боец должен исходить потом до боя, но не кровью во время. А тот уровень боевых навыков, который демонстрировали прибившиеся ко мне бойцы, меня совершенно не устраивал. Нет, гвардейцев из них я сделать никак не смогу, но довести их подготовку хотя бы до уровня приличных территориалов мне вполне по силам.

— Кто? — уточнил я у старшего сержанта.

— Артиллеристы.

Я молча застегнул воротник, опоясался ремнем и двинулся знакомиться с пополнением...

* * *

Перед тем как покинуть разрушенный штабной городок, мы с сержантом стащили все целые тела и некоторые более-менее крупные части разорванных в большую воронку, образовавшуюся на месте двух попаданий неуправляемых боевых блоков, что для данного типа

боеприпасов являлось большой редкостью, а затем закидали их щебнем и битым кирпичом. Из собранного мной содержимого карманов решено было взять только документы погибших и кое-какие полезные вещи, типа раскладного ножа, зажигалки и механических наручных часов. Именно их я принял за наручный многофункционал.

В Империи механические часы присутствовали, но только как бешено дорогой аксессуар, служащий не столько для измерения течения времени, сколько для собственного позиционирования в социуме. Впрочем, некоторые экземпляры действительно вызывали уважение мастерством своего изготовления. Я сам видел один подобный образец у Кая Александрии, тоже лидера монады, но стоящего в линии старшинства на пять позиций выше меня. И даже подумывал приобрести нечто похожее для себя. Но потом это желание как-то затерлось. Тем более что выше нас в социуме Империи все равно никто не стоял и стоять не может, мы — элита элит, а открыто демонстрировать принадлежность к Гвардии было не принято. Ну а если такая необходимость возникала, то способов дать понять окружающим, что перед ними гвардеец, в нашем распоряжении имелось великое множество...

Кроме того, старший сержант спросил у меня разрешения изъять для собственного использования все собранные трубочки с сушеной травой, дым из которых вдыхал старший лейтенант Башмет. Парень аргументировал тем, что пополнить запасы в ближайшее время ему вряд ли удастся, а «без курева уши пухнут». Похоже, в составе травы, являющейся наполнителем этих трубочек, присутствовал некий наркотик, используемый в качестве легкого релаксанта. И это вызвало вопрос, почему старший лейтенант Башмет посчитал пользование курительными палочками табу для «коминтерновца». Кстати, я так пока и не выяснил, что это такое. Ну а самым главным моим приобретением оказалась довольно тонкая книжица в бумажной обложке под названием «Боевой устав сухопутных войск. Часть III. Взвод, отделение, танк», обнаружившаяся в сумке одного из убитых командиров. Для меня это был прямо-таки бесценный кладёзь информации, особенно в области терминологии.

Физическая подготовка в этой армии также оставляла желать лучшего. Мы двинулись в путь через лесок. Первые три километра мы преодолели в относительно приемлемом темпе, а затем старший сержант сдох. Он хрипло дышал и то и дело останавливался «трохи отдышаться». Так что скорость передвижения снизилась с не слишком впечатляющих десяти километров в час до максимум трех-четырех. Впрочем, скорее всего я придираюсь. Для человека, не достигшего даже первого уровня

антропрогрессии, старший сержант держался очень неплохо. К тому же у меня вследствие снижения темпа появилась возможность пролистать найденную книжицу и почерпнуть оттуда немало интересного.

Спустя полтора часа очень, на мой взгляд, неторопливого марша мы вышли к проселочной дороге. У обочины стояло наземное транспортное средство, вокруг которого бегал командир со странным приспособлением на носу, представлявшим собой два круглых стеклышка в металлической оправе. Поначалу я принял их за некий облегченный, полугражданский вариант блока визуальной разведки. Я все еще воспринимал окружающее по собственным меркам, забывая о сильной технической отсталости этого мира.

— Стой! — заорал он, тут же хватаясь за контейнер на поясе, в котором, как я уже знал, хранился ручной вариант местного оружия под названием ТТ. — Кто такие?

Поскольку я в отличие от старшины засек его присутствие еще шагов за двадцать до того, как мы вышли на дорогу, «дегтярь», с первого взгляда продолжавший по-походному висеть на моем плече, уже смотрел стволом в сторону этого командира. Так что это не он представлял для нас угрозу, а я для него. Но открыто демонстрировать ее я пока не собирался.

— А вы? — ответил я вопросом на вопрос, добавив в голос повелительных обертонов. В том психологическом состоянии, в котором сейчас находился этот командир, волевой посыл, содержащийся в моем голосе, должен был сработать на сто процентов.

— Младший политрук Иванюшин, — отозвался тот, — следую из штаба корпуса в расположение своего полка... То есть следовал. — Он растерянно опустил руку с ТТ и покосился в сторону транспортного средства. — Немецкий самолет, и вот... — Он кивнул в сторону транспортного средства, передний капот которого и кабину пересекала строчка пулевых отверстий.

Водительская дверь была открыта, а сам водитель лежал на траве в нескольких шагах впереди и хрипло дышал, держась за грудь. Форменная рубаша, которая, как я теперь знал, здесь называлась гимнастеркой, была снята, а из нижней, когда-то белой, а теперь побуревшей от крови, была сделана примитивная повязка. И что? Этот командир не умеет водить машину? Или повреждения данного транспортного средства настолько фатальны, что оно не способно двигаться? Почему он торчит здесь, не пытаясь ничего сделать?

— Как давно был налет?

— Так это... часа полтора назад, наверное.

Я стиснул зубы. Полтора часа раненый водитель транспортного средства загибается на обочине, а этот... младший политрук ничего не делает?! Непонятно. Как, ну скажите мне, как можно готовить офицеров, не умеющих принимать решения в условиях резких изменений обстановки? Это же армия! Она *предназначена* выполнять задачи в условиях войны. А любая война — это непрерывные и резкие изменения обстановки, и военнослужащие обязаны уметь не только принимать решения в таких условиях, но и добиваться их реализации, причем при постоянном давлении предельно жесткого набора сбивающих факторов (куда уж жестче, если тебя все время пытаются уничтожить?). Или я чего-то в жизни не понимаю?..

— Головатюк, — коротко приказал я, кивнув в сторону поворота дороги.

Тот послушно потрусил туда, перехватывая поудобнее свой ППД. В другом направлении дорога просматривалась почти на полкилометра, так что если бы там появилось нечто угрожающее, я бы всяко успел среагировать. Я же направился к лежащему на траве водителю. Опустившись на колени, несколькими быстрыми движениями я освободил его от уже заскорузлой, в засохшей крови примитивной повязки и... тяжело вздохнул. Не жалец. Причем во многом из-за своего бестолкового командира. Единственная пуля пробила солдату легкое. В принципе ранение операбельное, даже в полевых условиях и подручными инструментами. В моем профиле медицинская подготовка находилась всего лишь в блоке ограниченно доступных способностей, но даже я бы смог провести эту операцию, не говоря о штатных медиках. Но сейчас легкие водителя оказались заполнены кровью, которая к тому же успела свернуться. И помочь ему в полевых условиях, без специального оборудования, я был не способен. Как, впрочем, вероятнее всего, и здешний медперсонал. Но попытаться надо.

— Насколько исправна техника?

— Я... не знаю, — растерянно ответил младший политрук.

Я зло скривился. Какой он, к черту, офицер?!

— Как далеко до ближайшего населенного пункта, в котором можно получить помощь?

В ответ младший политрук только дернул головой.

— Я... это водитель знал. Я с ним старшим машины... первый раз...

Я покачал головой. Да уж, подготовочка! Да кто ж тебя выпустил такого за пределы дислокации без отработки местности хотя бы по основным линиям передвижения и реперным точкам?

— Что хоть везли-то?

— Тираж, — пробормотал младший политрук.

— Чего? — не понял я.

— Ну... свежий тираж дивизионной газеты.

Я опять не понял, но сообразил, что, чем расспрашивать у Иванюшина, лучше посмотреть самому. И двинулся в сторону кузова.

В кузове сиротливо жались в углу пачки бумаги с напечатанными текстом и черно-белыми изображениями крайне низкого качества. Я распотрошил одну и углубился в чтение. Спустя сорок секунд я отложил газету и задумался.

Текст этого средства массовой обработки сознания произвел на меня удручающее впечатление. Если бы не отсутствие специфически детского словарного запаса типа «бо-бо», «а-та-ташки» и «бьяка», я бы посчитал, что данные тексты рассчитаны на детей младшего школьного возраста. Бравурные рапорты о том, как младший сержант Пудовкин отлично освоил вверенную ему боевую технику или подразделение капитана Стеблова отстрелялось на «отлично», перемежаемые репортажами с дивизионной партконференции, на которой коммунисты соединения как один поклялись «поднять», «повысить», «выжигать каленым железом» и «сомкнув ряды в едином строю», как завещали уже упоминаемые Головатюком «товарищ Сталин и сталинский нарком товарищ Тимошенко», или сообщениями о том, как красноармейцы Н-ского полка помогают колхозникам в заготовке кормов, на любой мало-мальски развитой ум производили крайне гнетущее впечатление.

Нет, то, что в любой армии необходимо присутствует элемент психосоционики, непреложный факт. Ибо любая армия в первую очередь инструмент построения государства. Не только и не столько как военная сила, хотя и это тоже, но и, во-первых, как некий инструмент постановки задач. Какую следует иметь промышленность, чтобы оснастить армию необходимой техникой и оружием? Каков уровень физического и интеллектуального развития призывного контингента, чтобы они освоили эту технику и оружие? Какие научные направления развивать, чтобы оставаться на пике военного превосходства? Какие из других государств обладают необходимыми сырьевыми, промышленными или демографическими ресурсами, способными восполнить имеющиеся дефициты?.. Ответы на эти вопросы во многом формируют промышленную, образовательную, научную и внешнюю политику государства. Или не формируют.

Но в этом случае страна лишается существенной части своего

суверенитета, обрекая себя на необходимость обменивать его на гарантии со стороны той страны, которая готова учитывать *некоторую часть* ее интересов при формировании *своей* экономической и внешней политики.

Ну а, во-вторых, причем это едва ли не наиболее важно, армия еще и самый мощный инструмент для формирования как базовых мировоззрений гражданина, так и всего комплекса качеств, требующихся для создания управленческой элиты государства. Храни Бог страну, в которой основная часть управленческой элиты не имеет школы военной службы. Храни... потому что только ты и можешь ее сохранить, ибо сама она себя сохранить не в состоянии. Если, конечно, это не находящийся на отшибе и слабозаселенный Рейкьявик II и имеющиеся у него ресурсы — от демографических до промышленных и сырьевых — хоть кого-то интересуют.

Это уже даже не аксиома, а теорема, не один десяток раз доказанная большой кровью. Но! Раз армия — инструмент построения государства, то что же за государство можно построить с помощью армии, в которой инструменты, подобные этой... (как он ее назвал — «тираж дивизионной газеты»), являются действенными? Делать из военного узкоспециализированный и оболваненно-ограниченный персонал для обслуживания образцов вооружения и боевой техники и настойчиво вдалбливать ему, что именно в этом и состоят его единственный долг и задача, — это... все равно, что использовать двусторонние гравизацепы для пуска «блинчиков» по воде. Страшно ресурсозатратно и крайне неэффективно. Здесь что, ничего не слышали даже о базовых принципах соционики?

— Товарищ командир...

Занятый столь грустными размышлениями, я как-то выпал из общего контроля обстановки, так что голос Головатюка, вернувший меня в действительность, резко включил и остальные рецепторы моего организма. Поэтому уже в следующую секунду я выпрыгнул из кузова и большими скачками устремился к повороту, из-за которого доносился непривычный уху стрекот, чем-то напоминающий работу используемых на местных транспортных средствах химических двигателей. Похоже, задача доставки раненого в место, где ему может быть оказана помощь, близилась к своему решению. Если, конечно, приближающееся транспортное средство не принадлежало армии нападающей стороны...

Последнее предположение оказалось верным. Потому что не успел я достичь поворота, как Головатюк открыл огонь. Я досадливо сморщился, на ходу перехватывая свой «дегтярь» в положение для стрельбы.

Вероятность того, что нам удастся захватить исправное транспортное средство, несколько понизилась, но, судя по звукам, оно там было не одно. А значит, шансы оставались.

Я перепрыгнул через Головатюка, устроившегося за кустом на самом повороте, и приземлился уже в передней стойке. Выстрел, выстрел, выстрел... выстрел. Я выпрямился.

— Ух ты! — восхищенно выдохнул Головатюк за моей спиной. — Как вы их!.. На каждого по одной пуле. И не целились даже...

Я ничего не ответил. А что тут говорить? Попасть в голову практически неподвижного человека (скорость у этих транспортных средств после выстрелов Головатюка упала километров до трех-пяти в час) на дистанции около полусотни метров... тоже мне достижение! Да в стандартном курсе тактической стрельбы Гвардии как минимум треть упражнений выполняется с отключенным прицельно-навигационным комплексом. В том числе и на штатную дальность стрельбы всем комплексом встроенного вооружения боевых лат. А это в пределах примерно сорока километров. Мы гвардейцы или ополченцы в конце концов?

Транспортные средства оказались трехместными. Что-то вроде наземного варианта легких гравибагги, используемых для разведки местности в условиях низкой вероятности организованного сопротивления противника. Одно из них оказалось повалено набок, а другое просто съехало с дороги и уперлось в дерево, продолжая вхолостую молотить двигателем. Я присмотрелся. Органы управления мне были совершенно незнакомы, но с тем уровнем координации движений, которым обладали гвардейцы, освоение любого из местных транспортных средств не должно было представлять особых сложностей. Если разобраться с органами управления.

— Умеешь пользоваться? — спросил я подошедшего Головатюка.

— Никак нет, — мотнул головой тот.

— Тогда зови младшего политрука, — вздохнул я. Особенной надежды на его навыки у меня тоже не было. Если уж тот не смог пользоваться стандартным транспортным средством своей армии, надеяться на то, что у него есть навыки управления специализированным, да еще и чужим, было глупо.

Так и оказалось.

— Никак нет, товарищ командир, — виновато доложил Иванюшин, — мотоцикл водить не умею.

Я вздохнул. Что ж, придется осваивать методом «тыка». Окинув то,

что младший политрук обозвал мотоциклом, внимательным взглядом и отмечая выступы, кнопки и рычажки, могущие оказаться органами управления (таковых набралось около дюжины), я осторожно развернул управляющие рога мотоцикла и вывел его на дорогу.

Спустя десять минут я смог подъехать к лежащему на обочине водителю и остановиться. Головатюк и Иванюшин уже ждали меня рядом с ним.

— Грузите, — приказал я.

Они неуклюже ухватили его за руки, за ноги.

— Да осторожнее же! — рывкнул я, когда они начали впихивать несчастного в то, что младший политрук называл коляской. — У него же все легкие в крови.

Но вышло еще хуже. Оба задержались, водитель застонал, а я прикусил губу, чтобы не заорать на них снова. Судя по первой попытке, ни к чему хорошему это бы не привело. У них что, здесь вообще нет медицинской подготовки, что ли? Или она настолько примитивна, что включает в себя самые простейшие навыки типа накладывания повязки. Тогда вообще непонятно, как и чему учат в этой армии. И к чему ее готовили.

Спустя пять минут мы наконец-то тронулись в путь. Я ехал на самой маленькой скорости, чтобы Головатюк и Иванюшин, загрузившие на заднее сиденье и верхнюю поверхность коляски не только наше, но и собранное на месте боя оружие и припасы, а также несколько пачек пресловутого «тиража дивизионной газеты» (политрук настаивал почти до истерики), могли следовать за мной, придерживая поклажу.

До ближайшей деревни мы добрались минут через двадцать. Если бы младший политрук озаботился не охраной пресловутого «тиража дивизионной газеты», а поиском помощи, он бы успел спасти водителя. А так... Когда мы остановились и я перевел взгляд на своего пассажира, мне сразу стало ясно, что он умер. Но младший политрук не поверил. Он еще некоторое время тормозил мертвое тело, припадал к груди, пытаясь уловить биение сердца. А потом растерянно перевел взгляд на меня.

— Что же это, товарищ командир... как же так?

Я молчал. Что толку обвинять человека, которого *абсолютно* не подготовили к войне, в том, что он не умеет делать самых элементарных на этой войне вещей. Это не его вина.

Деревню мы покинули через полчаса, после того как в нее вошли. Крестьяне обещали позаботиться о похоронах нашего товарища, а также снабдили нас кое-какими продуктами и веревками. Но, в общем, особенного дружелюбия с их стороны я как-то не заметил. Что было

странно. Все-таки на их землю напал захватчик, а мы являлись представителями их собственной армии. Или нет?..

Перед началом движения я занялся изготовлением простейших контейнеров для оружия и снаряжения, чтобы максимально использовать транспортные возможности нашего мотоцикла. Ибо никаких контейнеров и грузовых площадок на нем почему-то не было. Головатюк и Иванюшин с некоторой оторопью наблюдали, как я с помощью нескольких кусков палки толщиной чуть меньше черенка лопаты и веревки увязал в несколько тюков все имеющееся у нас вооружение, снаряжение и припасы и закрепил их на мотоцикле. После чего махнул им рукой:

— Садитесь.

Мы втроем взгромоздились на мотоцикл, я дал газ, и машина, буквально взвизгнув своим весьма маломощным для навьюченного на нее груза мотором, выехала на деревенскую улицу.

Километров через пять я уловил сквозь стрекот мотора посторонние шумы двигающейся навстречу техники и резко затормозил, выключив двигатель. Оба моих соратника уставились на меня.

— Навстречу едет что-то тяжелое, — коротко проинформировал я их, — надо разгрузить мотоцикл и укрыться.

От того места, где мы остановились, до ближайшей опушки было около двадцати пяти метров, так что едва мы успели скрыться, как на дорогу выехал странный механизм, представлявший собой угловатый коробчатый корпус, поставленный на гусеничный ход. Впереди торчал короткий оружейный ствол. Похоже, это было некое самоходное орудие. Сразу за ним двигалось еще одно транспортное средство, отдаленно похожее на то, у которого мы встретили младшего политрука. Только его кабина и грузовой кузов оказались сделаны из металла и составляли единое целое. А следом за ним ехало несколько транспортных средств третьего типа, отличающихся от иванюшинского только некоторыми не слишком значительными деталями. Вся колонна остановилась у брошенного нами мотоцикла, после чего из транспортного средства, следовавшего вторым в колонне, выбрались несколько человек и, подойдя к мотоциклу, принялись что-то оживленно обсуждать. И в этот момент Иванюшин открыл по ним огонь из пулемета, который мы сняли с коляски мотоцикла.

Это было настолько глупо и неожиданно, что я на долю секунды оцепенел, а затем, наклонившись к Головатюку, пальцами разорвал горловину его сидора и, глубоко засунув руку, торопливо выгреб со дна десяток лимонок. К тому моменту по нам уже открыли ответный огонь, так что вокруг повсюду свистели пули и сыпались срезанные ими ветки кустов,

под которыми мы укрылись. Так что разгибать усики фиксаторов предохранителя мне пришлось лежа на земле и практически на ощупь. Когда я покончил с этим делом у последней лимонки, огонь, ведущийся в нашу сторону, стал таким плотным, что пришлось слегка приподняться, чтобы оценить обстановку.

Результат оценки меня не порадовал. В транспортных средствах третьего типа, столь похожих на транспорт младшего политрука Иванюшина, перевозили солдат, и сейчас они выпрыгивали из кузовов, практически сразу же открывая огонь в нашу сторону. Навскидку мы ввязались в бой с десятком монад, то есть с сотней с лишком солдат, да еще со средствами усиления. Я зло оскалился: ну младший политрук!.. Впрочем, клясть бестолкового подчиненного времени не было. Я быстро ухватил первую лимонку и резким, без замаха, движением швырнул ее в кузов ближайшего транспортного средства, из которого еще выскакивали солдаты, вторая отправилась чуть дальше, поскольку выскочившие заняли позицию на обратном скате дороги, третья влетела в кузов второго, четвертая, пятая, шестая, седьмая... Взрывы следовали один за другим, сразу добавив в какофонию боя свою внушительную ноту. Со стороны противника, часть сил которого уже начала обходить нас с флангов (вполне грамотная тактика), послышался истошный вопль:

— Ахтунг! Цурюк! Гранатверфер! Гранатверфер!

Последнее слово мне что-то напомнило, но что, я пока не понял. Да и по поводу самого языка я уже был не столь уверен. Какие-то ассоциации он у меня вызывал. Но точнее в этой суматохе я ничего вспомнить не мог. Так что решил считать это слово названием некоего средства огневой поддержки.

Я сделал паузу, оценивая обстановку на поле боя. Похоже, продвижение групп флангового обхода замедлилось. Оно и понятно. Наличие средств поддержки означало, что устроившее засаду подразделение достаточно сильно и организовано, так что попытка перетянуть буром может выйти нападающим боком. Ибо наша, судя по количеству задействованных стволов, явно малочисленная группа могла оказаться всего лишь приманкой, предназначенной для того, чтобы завести подразделения, совершающие маневр обхода, в ловушку, например на подготовленное минное поле или в заранее пристрелянный огневой мешок...

— Отходим! — рявкнул я. — Немедленно!

Головатюк тут же прекратил огонь и принялся, лежа на брюхе, пятиться назад, волоча за собой разорванный сидор, а вот младший

политрук никак не отреагировал на мою команду, продолжая самозабвенно давить на гашетку своего пулемета. Я с большим удовольствием отвесил ему подзатыльник.

— А? — ошалело дернулся он, уставившись на меня.

— Отходить, я сказал! — прорычал я, делая зверское лицо.

— Но...

— Быстро! — возвысил я голос. — Куда?! — дернул я его за шиворот, когда он попытался подняться на ноги. — Ползком!

Иванюшин двинулся следом за Головатюком, правда, гораздо более неуклюже. Я снова развернулся в сторону противника, и в этот момент выстрелило самоходное орудие.

Выстрел оказался не слишком удачным. Мы находились ниже уровня дороги, так что снаряд прошел гораздо выше, не задев никого из нас, но его психологическое воздействие оказалось гораздо более эффективным. Иванюшин дернулся, вместо того чтобы продолжать двигаться ползком, ожидая момента, пока между ним и противником, ведущим огонь, не окажется достаточного количества стволов и веток, способных защитить от поражения летящих в нашу сторону пуль, испуганно вскочил на ноги и бросился наутек. Теперь он мог рассчитывать только на удачу. Я зло выругался, но ничего уже поделать было нельзя. Оставалось только надеяться, что Головатюк окажется психологически более стойким и не последует его примеру. А если нет... что ж, в таком случае придется снова положиться на удачу.

Я швырнул три оставшихся лимонки в сторону левой из обходящих нас с флангов групп, постаравшись положить их в геометрические центры наибольших скоплений личного состава, а затем подхватил «дегтярь» и принялся прореживать правую группу. После полутора десятков выстрелов пулемет вхолостую щелкнул: закончился боезапас. Я досадливо сморщился и, подтянув к себе наш веревочный контейнер, быстро извлек из него еще один пулемет, снятый с коляски второго мотоцикла, который мы бросили на дороге. Питание боезапасом у него осуществлялось путем использования ленты емкостью навскидку патронов в пятьдесят, уложенной в металлическую коробку. А таких коробок у меня было аж четыре, так что должно было хватить...

* * *

— ...Здравствуйте, товарищи бойцы, — поприветствовал я двух

новичков.

Один тут же вскочил на ноги и, разгладив гимнастерку, попытался принять строевую стойку. А второй окинул меня равнодушным взглядом и не пошевелился. Все понятно. Я сделал шаг вперед и со столь же равнодушным лицом отвесил ему сильную оплеуху. Он кувыркнулся и вскочил на ноги, держась за щеку, на которой наливался багровым цветом след от моей ладони.

— Ах, ты... — Он бросился ко мне, отводя руку назад для размашистого удара.

Я поймал его кулак, устремившийся к моей переносице, и, чуть закрутив запястье, легким толчком правой руки развернул бойца, используя для этого его собственную инерцию, после чего взял на болевой прием. Жестко зафиксировав его руку, я несколько секунд держал бойца в полуподвешенном состоянии, а затем отпустил и сделал шаг назад. Он шумно выдохнул, повернулся, вытер пот, от боли выступивший на лбу, и уставился на меня. Я сказал:

— Попробуем еще раз. Здравствуйте, товарищи бойцы!

На этот раз передо мной вытянулись оба.

— Здрав... жел... тарщ командир.

Я по-прежнему был в той самой гимнастерке без знаков различия, в которую меня обрядили еще в особом отделе, поэтому обратиться ко мне по званию было для них несколько затруднительно. Хотя звание я себе, так сказать, присвоил...

* * *

...От немцев мы оторвались. Большую часть оружия и припасов пришлось бросить, но хозяйственный Головатюк уволок-таки порванный мною сидор. Я же, расстреляв все патроны, выбросил пустой пулемет и, подхватив также пустой «дегтярь», патроны к которому в сидоре у Головатюка, как я помнил, имелись, быстрым скользящим шагом двинулся за своими подчиненными.

Вслед не стреляли. Последнюю сотню патронов из трофейного пулемета я использовал как раз на то, чтобы отучить оставшихся в живых высовываться. Так что ответный огонь практически затих. В принципе, если судить по этим пятнадцати минутам боя, я был способен уничтожить все вражеское подразделение, включая самоходное орудие. Ну не полностью, хотя расстрелять приборы наблюдения и сбить гусеницу я был

способен даже с учетом того рассеивания, которое давало местное оружие. Но в данный момент делать этого совершенно не следовало. Да и проверять было все-таки рискованно. Несколько попаданий местных тяжелых пуль, и у меня серьезно снизится подвижность, а при нынешнем соотношении сил меня вполне можно нашпиговать свинцом, как каплуна изюмом. И все. С сотней пуль в жизненно важных органах никакой метаболизм не справится. Так что оторвались, и ладно...

Головатюка и Иванюшина я догнал где-то метров через четыреста. Сержант довольно грамотно занял позицию на противоположной стороне небольшого овражка, а младший политрук со своим пулеметом залег шагах в десяти справа от него. Но крайне неудачно. Я поморщился: дал Бог бойца!.. Если судить по результатам только что состоявшегося боя, оружием он владеет крайне слабо, физически не подготовлен, тактически неграмотен, психологически неустойчив... и при этом командир! Интересно, какие функции возложены в этой армии на младших политруков?..

Я обошел овраг и приблизился к залегшему Иванюшину, безотрывно пялящемуся в том направлении, откуда мы пришли. Он не замечал меня до того момента, пока я не присел на корточки рядом с ним.

— Ой!.. Товарищ командир... — он оторопело покосился в прежнем направлении, — а как вы...

— Как ты меня назвал? — негромко прервал я его.

— Това... товарищ командир, — тихо повторил он, уже понимая, к чему я клоню.

— Тогда почему ты открыл огонь, не дожидаясь моей команды?

Младший политрук сглотнул.

— Я... это... товарищ Сталин... беспощадно уничтожать врага...

— Ну про это я уже читал. Как раз в том тираже дивизионной газеты, оставшимся там вместе с кучей крайне полезных вещей, которые пришлось бросить, — покачал я головой.

Иванюшин набычился. Да уж, с дисциплиной тут как-то не очень.

— Скажи мне, младший политрук, — вкрадчиво начал я, — а сколько врагов ты собирался уничтожить, прежде чем уничтожат тебя?

Он гордо вскинул голову:

— Столько, сколько удалось бы!

— Ну примерно?

Младший политрук снова дернул головой.

— Там их было достаточно.

Я вздохнул:

— Судя по результатам твоей первой очереди, выпущенной с тридцати метров по неподвижно стоящему противнику, тебе это не помогло бы.

Иванюшин погрузился и насупился. Действительно, его первая очередь, выпущенная почти в упор по довольно тесной группе из трех человек, привела в лучшем случае к легкому ранению одного из них. Большая часть пуль бесполезно пробарабанила по броне транспортера и самоходного орудия.

— Благодаря твоей недисциплинированности мы ввязались в бой, не изготовившись к нему, потому что и мое оружие, и оружие старшего сержанта Головатюка находилось в походном положении, на неподготовленной позиции, против превосходящих сил противника. Это почти неминуемо должно было привести к нашему уничтожению, причем при крайне низких потерях со стороны противника.

— Ну не привело же? — огрызнулся младший политрук.

Я заинтересованно посмотрел на него. Он что, действительно настолько тупой или просто притворяется?

— Благодаря тебе?

Иванюшин нахохлился.

— А вот благодаря тебе мы потеряли большую часть вооружения и припасов. И сейчас, вместо того чтобы уже через несколько часов присоединиться к нашим линейным частям и вступить в бой в составе полноценного подразделения, вынуждены будем эти несколько часов отрываться от преследования.

Последнее утверждение могло быть и неправдой, все-таки моя последняя серия могла очень сильно отбить охоту у противника к дальнейшему преследованию, но я все равно предпочел бы как можно дальше удалиться от места только что состоявшегося боя. Да и слегка погонять этого туповатого героя тоже следовало.

На ночевку мы остановились часа через три, хотя до темноты, судя по положению местного светила на небосводе, оставалось еще несколько часов. Но мои подчиненные уже были на последнем издыхании. Поэтому я скомандовал привал и приказал обустроить лагерь, а сам отошел подальше в лес и забрался на высокое дерево.

Леса здесь были знатные — густые, смешанные, по всему видно, реликтовые. И отчего-то состояли в основном из терранских пород. Похоже, ресурсы на терраформирование этой колонии были затрачены ну просто немыслимые. Как на Троне и еще десятке миров Метрополии...

Особо много мне разглядеть не удалось, но, судя по хвостам пыли на севере и востоке, нападающие уже глубоко обошли нас и теперь

неотвратимо продвигались вперед. А это означало, что шансы на встречу с линейным подразделением или частью становились весьма малы. Я быстро спустился с дерева и двинулся в обратный путь.

До поляны осталось около сорока шагов, когда до меня донесся нервный голос Иванюшина:

— ...тебе говорю, не все здесь так чисто!

Я остановился и, присев на траву, немного напряг слух. В принципе, даже на пятом уровне антропрогрессии человек способен сознательным волевым усилием увеличивать чувствительность основных рецепторов организма в несколько раз, а у меня их чувствительность даже в штатном расслабленном состоянии и без того превосходили среднестандартную биологическую раза в три. Так что, несмотря на шум леса и птичий гомон, разговор я слышал прекрасно.

— Так чего тут не чисто-то, товарищ младший политрук? — спросил в ответ Головатюк.

— А подозрительно, что наш товарищ командир в гимнастерке без знаков различия. Да и гимнастерочка-то уж больно новая, необмятая.

— И что? Мало ли чего бывает?... Может, только получил, не успел всю фурнитуру пришить, а как немец напал — схватил первое, что под руку попало. Немец-то эвон как попер — и не ждал никто.

— А все равно, я бы бдительности не терял!

Я усмехнулся. Типичная ситуация: аутсайдер группы пытается настроить остальных против лидера. Ну-ну, посмотрим, как у Иванюшина это получится.

— Вот ты, к примеру, знаешь, какого он звания, из какого подразделения? — вновь подал голос младший политрук.

— Так это... нет, — несколько озадаченно отозвался Головатюк, — но я как-то и не спрашивал.

— Во-о-от, — удовлетворенно заявил Иванюшин, — и чего это он нас отослал, когда бой начался? Отходите, мол... а сам остался. Может, он там потихоньку от нас вступил в контакт с врагом?

— Так там же всю дорогу стрельба шла мама не горюй! И он же это... столько гадов положил гранатами, — повысил голос Головатюк, как видно приведенный в изумление фактом подобного обвинения.

— Ничего. Для пользы дела фашисты могут и своих положить, — авторитетно заявил младший политрук.

— Да какая тут польза делу? — горячо вскинулся старший сержант.

— Втереться в доверие.

— К кому? К нам, что ли? Тоже мне, важные цацы!

— Ну... сначала к нам, а затем с нашей помощью и...

— С какой нашей помощью? Да нас самих в особый отдел упекут, только появимся. Почему, мол, да как, не дезертиры ли? Какое тут доверие?

— Ну мало ли, — уже неуверенно отозвался Иванюшин. — А может, мы героически выйдем к нашим. С боем!

— Так чтобы нам героически с боем к своим выйти, — развил успех Головатюк, — надобно командира слушать! А иначе так и сгинем не за понюшку табаку. Я вам так скажу, товарищ младший политрук, нам сейчас нашего командира надо ой как держаться. Он один нас к своим вывести сможет. Это уж мне поверьте! Я таких командиров еще никогда не встречал — оченно сурьезный боец. И командир хоть куда.

Младший политрук помолчал некоторое время, а затем, судя по интонации уже признавая свое поражение, все-таки добавил:

— Но все равно бдительности терять не следует. И это мое вам, товарищ Головатюк, партийное поручение...

Они замолчали. Я еще немного посидел, размышляя над их словами, а затем понял, что незачем заниматься любительством. В конце концов с вершины того дерева я не заметил никаких признаков не только погони, но и вообще присутствия людей в радиусе где-то около восьми километров. А это, при наглядно засвидетельствованном мной темпе передвижения местного населения по пересеченной лесистой местности давало как минимум три часа безопасного времени, которое можно потратить на аналитику. Если, конечно, я приступлю к ней прямо сейчас. Поэтому я поднялся и двинулся вперед.

Да уж!.. Лагерь они разбили из ряда вон плохо. Ветви для лежаков были срублены прямо с деревьев, окружавших поляну, причем не по веточке, прореживая крону, а сплошняком, с одной стороны. Если бы здешний противник использовал даже очень устаревшие и примитивные станции оптовизуальной разведки, засечь наш лагерь для него не представило бы никакого труда. Просто по изуродованным кронам. Не говоря уже о том, что костер они развели прямо посередине поляны, не приняв никаких мер маскировки. Засечь его был способен даже простейший инфракрасный маркировщик, входящий в систему обеспечения безопасности движения гражданских олэеров.

Я покачал головой, но ничего говорить не стал. Позже. Сейчас анализ обстановки гораздо важнее. А просто выказать неудовольствие, не заставив все переделать, — бессмысленная трата времени. Первое правило командира: не можешь заставить сделать правильно — не заметь, а если уж публично зафиксировал недостаток — добейся его устранения.

— Головатюк, дежуришь первым. Потом Иванюшин. Младший политрук будит меня. Время дежурства — четыре часа. Все понятно?

— Так точно, — дружно отозвались оба, но Иванюшин не выдержал и задал-таки вопрос:

— Товарищ командир, а можно узнать какого вы звания?

— Капитан. Капитан Куницын, — отозвался я, снимая ремень и устраиваясь на подстилке. Я выбрал это звание поскольку, как я теперь знал, оно приблизительно соответствовало уровню моей подготовки... то есть если бы речь шла о Гвардии. Ну и еще потому, что среди найденных мной документов оказался один как раз с таким званием и фамилией. — Мне надо подремать. Людей поблизости нет, но все равно не шумите. Понятно?

— Так точно, — вновь хором отозвались они.

Я проснулся в тот момент, когда Иванюшин уже протянул руку, чтобы потрясти меня за плечо. На этот раз меня никто не беспокоил, так что и этап разделенного сознания, и этап использования нелинейной логики прошли вполне удачно. После чего я просто заснул. И вот теперь младший политрук будил меня, для того чтобы я заступил на дежурство.

— Ну как обстановка, товарищ Иванюшин? — спросил я, поднимаясь с кучи веток, служившей мне постелью.

— Все тихо, товарищ командир, — отозвался младший политрук.

Я кивнул и поднялся на ноги, перепоясавшись ремнем. Иванюшин молча улегся на свое место и спустя несколько минут мерно засопел. Похоже, он сидел с Головатюком, а спать улегся только сейчас. Я прошелся вокруг поляны. Костер уже потух. Над головой висели крупные звезды. Лес тихо шумел. Я прислушался к мерному дыханию своих соратников, а затем подхватил пустой «дегтярь», вытащил из разорванного сидора Головатюка несколько пачек патронов и присел на краю поляны. Надо было осваивать попавшее в руки оружие...

* * *

— ...Кто такие? Должность, звание, фамилия?

— Сержант Коновалов, командир расчета 45-миллиметрового противотанкового орудия второго огневого взвода третьей батареи отдельного противотанкового дивизиона войсковой части 45 756, — доложил драчун.

Вслед за ним представился второй, оказавшийся заряжающим

соседнего расчета.

— Как здесь оказались?

— Отступаем, — отозвался Коновалов. — Во время нападения немцев были в летних лагерях. Без боеприпасов. Поэтому при появлении противника вступили в бой со стрелковым оружием. Но много не навоевали. Орудия просто подавили танками. И ребят... — он всхлипнул, но быстро взял себя в руки, — вот с тех пор и бежим. Сначала нас шестеро было, но Казакевич и Баюшкин исчезли в деревне, когда пошли в разведку. Может, просто по-тихому слиняли, а может, местные захватили. Ну чтобы перед немцами выслужится... — Он мрачно стиснул зубы, так что налились желваки.

Я понимающе кивнул. Как я уже знал, армия, в строю которой я так неожиданно оказался, действовала, по существу, на оккупированной территории, занятой только два года назад. Впрочем, что еще считать оккупацией... Эти территории стали самостоятельной страной всего около двадцати лет назад, а до тех пор входили в состав державы-предшественницы. Так что оккупацию двухлетней давности вполне можно было назвать возвращением территорий... Но, к сожалению, за прошедшие два года новая держава успела довольно гнусно зарекомендовать себя на вновь присоединенных территориях, так что предположение сержанта вполне имело право на существование.

— Остальные?

— Пашкевич погиб, когда мы напали на мотоциклистов. А Бакрушев... — сержант покосился назад, — тогда же ранен был. Еще сутки мучился. С километр отсюда отошел. Так что только мы с Гибаньшиным остались. Из тех, кто после первого боя выжил. — Тут он снова всхлипнул. — Как же так, товарищ командир? Говорили же малой кровью, на чужой территории...

Я протянул руку и сжал его плечо. Тяжело видеть, как крепкий, здоровый мужчина молча давится слезами.

— Ничего, боец, теперь вы не одни. Теперь вы в составе подразделения. И мы им еще покажем!..

* * *

...На первую группу отступающих мы наткнулись спустя четыре часа после того, как тронулись в путь. Головатюка и Иванюшина я поднял через два часа после рассвета. За это время я успел обдумать основной план

действий. Как ни анекдотично это звучало, после изучения имеющихся фактов или того, что с достаточной долей вероятности можно было считать таковыми, наиболее приемлемой версией я решил считать то, что меня действительно занесло на одну из затерянных колоний.

Как сюда попал, я не помнил, и в этом случае то, что я рассказал младшему лейтенанту Башмету, было правдой. Последние доступные воспоминания — это постановка задачи моей монаде в десантном отсеке гвардейского крейсера. Мы должны были десантироваться на Куке-14, где, по информации службы технической разведки, творилось нечто непонятное с гравитацией. Почему сюда прислали нас, а не исследовательские рейдеры? Просто сисаны вычислили несколько разрозненных рейсов из трех секторов с присвоенной оранжевой степенью опасности мятежа, пунктом назначения которых вполне бы мог быть Куке-14.

Причем это были одни из самых технологически развитых секторов, такие, как Атлантис и Бажда. И, по расчетам сисанов, все эти оранжевые сектора должны были перейти в красные еще года три-четыре назад. Но почему-то задержались...

Империя — вообще очень интересный соционический организм. Всем известна расхожая фраза: все империи когда-нибудь разрушаются. И это действительно так. Но для правильно организованной Империи это «когда-нибудь» наступает спустя столетия и столетия спокойной и счастливой жизни сотен миллионов и миллиардов людей. Это не означает, что везде, на всей территории Империи в каждую минуту ее существования царят тишь да благодать. Нет! Где-то бушует мятеж, где-то рыскают пираты, где-то территориальные войска штурмуют их базы, где-то просто произошел природный катаклизм или экономический кризис. Ибо сектора в Империи довольно сильно разнятся по уровню экономического развития и промышленной динамике.

Впрочем, совершенно то же самое происходит и в масштабах сектора или даже отдельной планеты. Но в каждый момент времени все эти беды непосредственно затрагивают доли процента ее населения. Остальные живут, мучаясь своими горестями и радуясь своим счастливым минутам, создавая литературные и голографические шедевры о неразрешимых проблемах маленького человека в этом пустом и холодном современном мире. О его одиночестве. О равнодушии окружающих. О несравненных душевных муках...

Но это — не зная голода, не сталкиваясь с насилием иного, более масштабного, чем бытовое, порядка, имея возможность свободно передвигаться по чудовищно огромным территориям, без проблем выбирая

место, где можно остановиться и начать строить свою жизнь. И не просто зная, что, если что-нибудь случится, Империя тут же придет тебе на помощь миллионами солдат, гигантскими крейсерами, полевыми госпиталями, сотнями тяжелых краулеров с навесным оборудованием для разборки завалов, станциями успокоения землетрясений, то есть всей своей чудовищной мощью, а... считая, что только так и можно жить. Что все это в порядке вещей и просто... ну так устроен мир.

Но лучше бы он был устроен эдак, чтобы налогов было поменьше, чтобы имперские сисаны не совали нос в твои дела, чтобы на улицах было еще меньше полицейских, мусорщиков и иных, не ласкающих твой взор, личностей. Чтобы вообще зона твоей ответственности — налоговой, гражданской, политической — заканчивалась бы сразу за дверью твоего дома. Именно на этих настроениях и играют местные царьки, премьеры и президенты, исподволь внушающие подданным, что жизнь устроена несправедливо, что Империя — гигантский монстр, сосущий из них все соки, что, если бы не Империя, его жизнь была бы устроена гораздо лучше, легче... И если им удастся убедить в этом существенную часть своих сограждан, сисаны присваивают такому сектору оранжевую степень.

Так и происходило сейчас в тех секторах, из которых сисаны и вычислили эти разрозненные и на первый взгляд ничем между собой не связанные рейсы. И предположили, что на Куксе-14 находится нечто, что позволят премьерам и президентам ставших оранжевыми секторов надеяться на успех в противостоянии с Императором. То есть некое оружие или устройство, способное оказаться таковым. И они нарочно затягивают начало мятежа, ожидая, пока это нечто будет доведено до рабочей готовности.

Поэтому на Куке-14 и направили Гвардию. Наши гвардейские крейсера обладают комплексом разведывательно-аналитической аппаратуры, не уступающей исследовательскому рейдеру. Так что если имеет место природный феномен, то весь комплекс исследований будет выполнен, а если предположение сисанов окажется близким к истине, то возможность нейтрализации угрозы уже будет находиться в необходимой точке. Судя по тому, что монады десанта были подняты по тревоге и выстроены для постановки боевой задачи, сисаны не ошиблись...

* * *

Сначала я услышал разговор. Вернее ругань. Один орал громко,

надсаживаясь, с истеричными нотками в голосе. А второй отвечал ему, но эдак с ленцой, небрежно, через губу. Спустя десяток шагов насторожился и Головатюк. Он сделал еще шаг, остановился, прислушался и обернулся ко мне.

— Товарищ командир...

Я кивнул, показывая, что тоже слышу.

— Оставайтесь тут. Займите позицию и изготовьтесь к бою. — Я повернулся к Иванюшину: — Еще раз откроешь огонь без приказа — пристрелю лично. Понятно?

Младший политрук торопливо кивнул:

— Так точно.

Я двинулся вперед, слыша, как мои подчиненные торопливо расходятся по сторонам и залегают за деревьями. Я поправил «дегтярь» на плече так, чтобы он висел наиболее удобно для немедленного открытия огня, передвинул под руку контейнер, который, как я узнал, назывался кобурой, и вышел на поляну.

На поляне присутствовали шестеро. Трое сидели на траве, устало и безразлично посматривая по сторонам, а трое стояли. Один из стоящих был худеньким, но жилистым пареньком лет двадцати по среднеимперскому исчислению, а двое других заметно старше. Ругался как раз паренек.

— ...должны уничтожать врага там, где мы его увидим! Это же фашисты! Товарищ Тимошенко...

— Достал! — прервал его один из двух старших и этак лихо сплюнул. — Кончай свою политинформацию. Твой товарищ Тимошенко с самим товарищем Сталиным могут хватать винтовки и идти уничтожать врага там, где они его увидят. А с нас хватит! Навоевались.

— Да как вы можете такое говорить? — возмутился парень. — Да я...

Второй старший вдруг подался вперед и, ухватив паренька за щеку, вывернул ему голову.

— А ты сейчас засунешь язык в жопу и заткнешься! Понял? Кончились твои комсомольские штучки! Все. Просрали ваши!..

— Ы-ы-ытпусти! — с трудом просипел паренек, но второй только ухмыльнулся и еще больнее завернул кожу.

А первый глумливо усмехнулся и, сплюнув еще раз, заговорил:

— Значит, так, братва, кому еще не надоело за просто так гробить свою жизнь, могут оставаться с этим цуциком и дальше нарываться на немецкие пули. А у кого есть голова на плечах — айда с нами. Мы больше ни за кого воевать не намерены. Только за себя. Понятно?

Я сделал шаг вперед и слегка небрежно заметил:

— Нет.

Мое появление оказало эффект разорвавшейся бомбы. Непонятно почему, но до сего момента меня никто не замечал. А теперь на меня уставилось шесть пар глаз. Паренек, которого в момент моего появления отпустили, блыкнул глазами и обрадованно вскрикнул:

— Товарищ командир!

Я молча отдал честь и двинулся к ним. Когда до группы оставалось шагов семь-восемь, тот, что разговаривал с пареньком, выхватил из кармана ТТ и направил на меня:

— А ну стой!

Я замер. Он некоторое время разглядывал меня, а затем снова картинно сплюнул.

— Шел бы ты, дядя, обратно, туда, откуда пришел. Нам здесь никаких командиров не надобно. Мы теперь без командиров решили жить.

Я качнул головой, выказывая удивление.

— Вот как? А насколько мне видно, на вас — форма. И это означает, что вы давали присягу и подчиняетесь законам государства, которые требуют от вас выполнения воинского долга и подчинения приказам. Или я не прав?

— А нам на законы теперь наплевать, — заявил вооруженный ТТ, — и государства того теперь тоже нет. Все. Кончилось! И посильнее нашего с немцем драться пытались, а ничего не вышло. Так что и Союзу теперь капут! Доигрался товарищ Сталин в мировую революцию...

Я с интересом слушал его сентенции. Как все тут интересно устроено. Да уж, не зря затерянная колония всегда была анекдотом. И не только потому, что до сих пор считалось, будто установлена судьба не только всех переселенческих транспортов, но и девяноста пяти процентов исчезнувших исследовательских рейдеров. Хотя, по расчетам сисанов, экипаж исследовательского рейдера был слишком мал, чтобы образовать полноценную саморазвивающуюся колонию. Затерянная колония была еще и стандартным начальным заходом социомоделирующих задач, которыми так любили развлекаться сисаны. Ох и экзотические социомодели у них получались!..

— ...так что вали-ка ты отсюда, туварищ камандир, — специально коверкая слова, заявил мой визави, — пока цел. Понятно?

Я... улыбнулся. На моего собеседника это произвело ошеломляющее впечатление. Он озадаченно уставился на меня и еще сильнее стиснул свой пистолет.

— Что ж, — миролюбиво начал я, — вижу, вы находитесь в состоянии

психологического шока. Он вполне объясним, ибо, на ваш взгляд, наша армия потерпела сокрушительное и необъяснимое поражение в приграничном сражении. Поэтому вы демонстрируете мне сейчас неадекватные послешоковые реакции. Я могу их принять и простить. Если... — Я сделал паузу и обвел взглядом всех присутствующих, которые оторопело пялились на меня, разинув рты. Из всей речи они поняли едва ли половину. А то и меньше. Не говоря уж о том, что, как видно, никто из них не ожидал таких пассажей из уст обычного командира местной армии, которого они видели перед собой. — ...вы найдете в себе силы вновь вернуться в строй.

Несколько мгновений все продолжали озадаченно разглядывать меня, а затем вооруженный тряхнул головой, будто скидывая оцепенение, вызванное моими словами, и зло ощерился:

— Тебе че, неясно было сказано? Вали отсюда, пока...

— Ты можешь попытаться меня убить, — тихо и уже совершенно другим тоном произнес я, — три раза. Если ты остановишься на двух и признаешь себя подчиненным, я тебя прощу. После третьей попытки я тебя убью. Вопросы есть?

— Че?!..

Слишком резкий переход от теоретических рассуждений на конкретику часто действует на неподготовленную аудиторию ошеломляюще. Чего я и добивался. Пока весь разговор полностью соответствовал тому, как я хотел его провести. Нужен был еще один, завершающий штришок. Поэтому я нагло в усмехнулся и демонстративно сложил руки на груди.

— Ах ты, сука! — взвился вооруженный и вытянул руку с пистолетом в мою сторону. Но в тот же момент на ней повис худой паренек.

— Стой, что ты делаешь?!

Мужик злобно развернулся к нему и с размаху заехал парнишке по голове рукояткой пистолета. Тот упал. Вооруженный направил ствол пистолета ему в голову... А вот это уже не входило в мои планы.

— Эй! — позвал я его. — Я сказал, меня! Если ты попытаешься убить кого-то еще, я не буду ждать трех попыток.

— Да — на! — зло отозвался мужик, разворачивая ствол пистолета в мою сторону и дважды нажимая на спуск.

Пули свистнули у левого уха и под мышкой. Для остальных это выглядело так, будто я как-то неестественно дернулся всем телом, но, в общем, остался на месте. И отчего-то невредимый. Для создания подобного эффекта пришлось опять использовать скачок.

— Первые две попытки ты использовал, — холодно констатировал я. — После третьей я тебя убью. Вернее, если быть точным — казню. За отказ подчиниться приказу командира, нарушение присяги и дезертирство в военное время.

Вооруженный, остолбенело смотревший на меня, сглотнул и недоуменно покосился на пистолет. Потом снова ощерился и слегка охрипшим голосом скомандовал:

— Кабан, а ну-ка обойди его сбоку.

Второй, который хватал паренька за щеку, хмуро покосился на приятеля и... отрицательно качнул головой:

— Не, Косой, я погожу.

— Че?! — тот, которого обозвали Косым, свирепо развернулся к нему. — Ты че несешь? Ты че, собираешься опять в кабалу к товарищам?

— А ты у меня перед носом волюной не махай. У меня и своя есть. Давай решай свои дела, а я пока погожу, понял?

Косой несколько мгновений разглядывал кореша, а затем его голос дрогнул:

— Да ты че, брат? Мы ж вместе зону топтали, да я ж за тебя всегда...

— И когда Никифор меня со своей сворой метелил, тоже? — ехидно сморщившись, отозвался Кабан.

Как видно, приведенный факт оказался для Косого веским аргументом. Потому что он тут же поник, но, развернувшись в мою сторону, сразу же вновь завелся. Он переложил пистолет в левую руку, правой выхватил из кармана нож и, слегка присев и отведя руку с ножом чуть в сторону, направил пистолет мне в голову и зло прошипел:

— Ну командир, молись...

Я молча кивнул и сделал шаг вперед, рывком входя в состояние *вьюги*.

Он успел выстрелить всего один раз. После чего я вырвал у него пистолет и слитным движением ладонь-локоть выбил из руки нож. Косой отчаянно рванулся, но я уже захватил его запястье, поэтому он успел сделать только шаг, а затем рухнул на колени спиной ко мне. Я еще сильнее вывернул его руку и приставил ствол пистолета ему к затылку, а затем, продолжая удерживать противника в этом положении, повернулся к остальным. Кабан смотрел на меня спокойно и... я бы даже сказал одобрительно. Похоже, он был из тех, кто уважает в первую очередь силу и способность ею пользоваться. Паренек глядел, разинув рот, и где-то даже восторженно. Остальные трое — серьезно, напряженно и... с надеждой.

— Это война. — То, что я собирался сказать, должно было прозвучать пафосно. Но сейчас и требовался пафос. Правды жизни все они уже

хлебнули полной мерой. — И никто не может гарантировать, что вы останетесь живы. Вы можете погибнуть в окопе, в цепи, во время атаки, в блиндаже или доме, во время сна и даже в самой глубокой дыре, в отхожей яме, в которую вы попытаетесь забиться, чтобы выжить. Война есть война. И единственное, что действительно в ваших силах, это выбрать, КАК вы можете погибнуть. Он — выбрал. — И я, добавив в голос некую толику торжественности, начал: — Именем Союза Советских Социалистических Республик...

Тело мы закопали здесь же, на поляне. После чего я провел ревизию своего увеличившегося войска. Из пятерых новичков вооружены были четверо. Трое — винтовками и один, Кабан, — револьвером. Так называлась та система ручного оружия, которая была у Башмета. От ТТ она отличалась некоторыми деталями, например барабанным магазином несъемного типа, но, в общем, имела сходные боевые свойства. Однако патронов к винтовкам не было. Пятый был минометчиком и свою винтовку потерял еще вчера утром, когда на позицию их минометной батареи с тыла ворвались немцы.

Вообще, судя по рассказам, нападающая сторона в первую очередь отличалась хорошим уровнем подготовки младшего и среднего командного состава. Старшего, вероятно, тоже. Но у меня пока была слишком маленькая выборка, чтобы делать обобщающие выводы. Еще у них имелось несколько банок консервов и краюха хлеба, прихваченные одним хозяйственным ефрейтором, и медицинская сумка. Сумку я сразу же забрал себе. Еще у младшего сержанта Римозова, того самого худенького паренька, оказавшегося комсоргом роты, была свежая сегодняшняя газета. Ее я также конфисковал в свою пользу.

После того как закончилась ревизия, я вызвал из леса Головатюка и Иванюшина и велел старшему сержанту выдать бойцам по пачке винтовочных патронов. А минометчику — вооружиться ТТ Косого. После чего устроил привал.

Пока бойцы снаряжали винтовочные магазины, я быстро просмотрел медицинскую сумку. Да-а-а, с такой организацией медицинского обеспечения в боевых порядках они должны были нести просто чудовищные потери! Только дезинфицирующие и внешние кровоостанавливающие средства. Никаких стимуляторов и обезболивающих препаратов, а также ни одного субликанта и иных препаратов, ускоряющих регенерацию. Похоже, здесь ничего не слышали ни о «золотом часе», ни о «бриллиантовых минутах».

Отложив медицинскую сумку, я занялся газетой. Много информации

она мне не принесла. Этакий более профессионально сделанный вариант дивизионной газеты. Удивительно пустое издание... Впрочем, кое-что было. Например, я обнаружил еще несколько фамилий высшего руководства страны, а также названия крупнейших городов, расположенных в зоне боевых действий либо как минимум в радиусе досягаемости вражеской авиации. Их бомбили.

После того как личный состав вновь оказался вооружен и, ну слегка, опасен, я велел сделать короткий перекус. Поскольку, благодаря младшему политруку у него и Головатюка со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было, мои орлы набросились на тушенку с хлебом, как голодные крокодилы на невнимательную антилопу. Я же, для вида съев тонкий ломтик со шматком тушенки, снова забрался на дерево.

За утро мы с Головатюком и Иванюшиным успели довольно далеко отойти от места стоянки, и теперь до ближайшего поселения нам оставалось всего около двух километров. Там я собирался окончательно разобраться с местностью, в которой мы находились, и принять решение, куда дальше двигаться. План ближайших действий был таков: сформировать максимально боеспособное подразделение, выйти к действующим войскам, желательно громко, с шумом и гамом, легализоваться и двинуться вверх по иерархической лестнице. Дальнейшие планы зависели от того, с чем я столкнусь на высших этажах власти. Но сначала надо было определиться на местности, сбить команду, запастись боеприпасами и продовольствием.

— Значит, так, товарищи бойцы, — начал я, встав перед коротким строем своих подчиненных. — Мы с вами — действующее подразделение Красной армии. Напоминаю, что наша армия подверглась вероломному нападению...

Я оперировал фразами, вычитанными мной из газет, стараясь, однако, не слишком зарываться. В принципе, если их центральные СМИ заполнены подобными фразами, значит, они должны были быть вполне привычны для их ушей. Но, вполне возможно, столь откровенная трескотня настолько приелась, что уже вызывала эффект отключения. А мне этого было не надо.

— Итак, слушай приказ, — перешел я к конкретике, закончив вступление, — своим заместителем я назначаю старшего сержанта Головатюка. Старшина Гарбуз принимает на себя обязанности начальника хозяйственной части. Остальные пока в ранге рядовых бойцов. Ближайшей задачей считаю обеспечение нашего отряда более адекватным вооружением и увеличение носимого запаса продовольствия. Есть предложения?

Мои бойцы переглянулись. Потом старшина Гарбуз откашлялся.

— Дозвольте, товарищ командир?

— Говорите.

— Туточка недалече корпусные склады есть. То есть сейчас они, конечно, под немцем уже, но наша рота в прошлом месяце там караул несла, так я помначкаром ходил. Со старшим лейтенантом Писаненко. Два раза. Там все, что надо, имеется.

Я удовлетворенно кивнул. Отлично. Как раз на нечто подобное я и рассчитывал. Ну не могло у подвергшейся нападению армии, существенная часть подразделений и частей которой в первый же день боев оказалась разгромлена и отброшена далеко от своих мест дислокации, не остаться никаких нетронутых складов, тем более при опросе большая часть бойцов показала, что в момент нападения они оказались с весьма ограниченным боезапасом.

— Дорогу знаешь?

— Так точно.

— Показывай...

К расположению складов мы добрались уже в сумерках. Охрана действительно была солидной. Я насчитал как минимум восемь постов. Кроме того, еще до полусотни солдат шлялись вокруг одинокого здания, в котором, по информации старшины Гарбуза ранее располагался караул. Естественно, на такое количество людей данного помещения не хватило, так что существенная часть личного состава устроила себе лежаки из шинелей и ранцев рядом со зданием, у костров. Что было необычно. У наступающей армии ресурсы, как правило, чрезвычайно ограничены. Впрочем, возможно по округе бродило еще немало групп, подобных нашей, а то и более многочисленных, и немцы опасались, что этот склад может быть захвачен ими. У здания стоял уже знакомый мне бронетранспортер. На его крыше был закреплен пулемет, возле которого дежурил пулеметчик, занудно пиликавший на губной гармошке.

Увиденная картина привела моих бойцов в полное уныние.

— Мертвяк, — зло бросил Кабан и исподтишка покосился на меня.

После психологического этюда с Косым мой авторитет в команде был совершенно непререкаем. Я усмехнулся и мотнул головой, давая команду отойти.

Планирование операции мы осуществили в полукилометре от ограждения склада, на бережку лесного ручейка. Я разровнял суглинок, обломал веточку и наскоро набросал довольно точную схему склада. Гарбуз даже удивился, как это я сумел все запомнить с первого раза, ибо кое-что из того, что было мной нарисовано, не помнил даже он.

Я ничего не ответил. А что тут скажешь? Человеческий мозг способен запомнить все, на что человек бросил даже мимолетный взгляд, или, например, целые страницы текста на совершенно незнакомом языке, где-то когда-то услышанном. На заре изучения возможностей мозга нередко были случаи, когда люди, находящиеся в довольно взрослом возрасте, после случайного возбуждения определенного участка коры головного мозга начинали часами цитировать тексты на мертвых языках, о существовании которых даже не подозревали. А потом выяснялось, что эти тексты были случайно услышаны ими один раз, в раннем детстве, когда старшие братья-сестры учили урок, а младшие играли рядом. Так что мы не просто способны запомнить все, что хоть на миг коснулось нас, на самом деле мы не способны это забыть. Если, конечно, мы умеем пользоваться своей памятью...

Вкратце план был следующим. Как мы установили, смена часовых осуществлялась по четным часам. Поэтому начинать следовало в районе перехода нечетного часа. Сначала я проникаю на территорию склада и снимаю двух часовых, находящихся на обратной стороне главного пакгауза. После чего вскрываю ворота склада № 7 и запасуюсь ручными гранатами. Затем все остальные занимают позиции на территории склада либо у ограждения и берут на мушку оставшихся часовых, после чего мы с Кабаном снимаем дежурного пулеметчика. Одновременно с нашей атакой остальные расстреливают часовых. Мы же с Кабаном открываем огонь из пулемета по тем, кто ночует у здания караула и в самом здании, а остальные со старшиной вскрывают склады №№ 4, 5 и 11 и выносят вооружение, боеприпасы, обмундирование и продукты. Все это должно быть сделано в течение двадцати-тридцати минут, чтобы к немцам не успела подойти помощь.

Когда я закончил, все оторопело смотрели на меня. По их мнению, план был не просто авантюрным, он был невыполнимым. Я же спокойно смотрел на них.

— Вопросы?

— Э-э... товарищ командир, я, конечно, извиняюсь, — осторожно начал Головатюк, — но мне кажется...

— ...что мы не сможем это сделать? — закончил я.

— Так точно, — облегченно выдохнул он.

— Почему?

— Да нас тут же засекут, — горячо начал Кабан. — У них часовых понатыкано, что твоих тараканов!

— Двое часовых у обратной стороны пакгауза большую часть времени

скрыты от глаз остальных, — возразил я, — шанс снять их незаметно есть. А если их убрать, подобраться скрытно к бронетранспортеру относительно легко, ибо образуется довольно большой неконтролируемый сектор.

— Да как их снимешь? — кипятился Кабан. — Они ж друг у друга на глазах!

— Это буду делать я, — с нажимом ответил ему, — причем в тот момент, когда все вы будете находиться еще по эту сторону ограждения. Так что если мне не удастся, вы сможете спокойно отойти в лес.

— Никак нет, товарищ командир, — влез Римозов, — мы вас не бросим! Мы...

— Бросать меня пока и не требуется, младший сержант, — умерил я его горячность, — потому что пока мы рассматриваем варианты на случай провала моей части плана. А я уверен, что провала не будет. Поэтому следующий вопрос: кто сомневается в том, что после того как я сниму тех часовых, он не сумеет нейтрализовать своего?

Все молча переглянулись. Их мысли читались у них на лицах: «Сомнительно, конечно, но если уж командир уверен, что справится аж с двумя, то что ж, я одного не сниму?»

— Отлично, — я повернулся к Кабану, — теперь ты. Как, способен составить мне компанию в одном веселом деле? — и лихо подмигнул.

Кабан осклабился.

— Так это мы завсегда пожалуйста, командир. Сделаем в лучшем виде.

— Ну вот и ладушки. Значит, сейчас всем спать. Подъем за два часа до рассвета...

К ограждению склада мы подобрались в полной темноте. Все были напряжены. Один из присоединившихся с утра бойцов шумно дышал, то и дело утирая пот. Я молча покачал головой. Успех операции всецело зависел от внезапности и согласованности действий, а человек в таком взвинченном состоянии просто обречен на ошибку. Я наклонился нему и, полуобняв за плечи, проникновенно прошептал:

— Боец, у тебя самый важный противник, его пост ближе всех к нам, и именно у него наибольшая вероятность поднять тревогу. Поэтому я определил его тебе. Я знаю, что ты меня не подведешь.

Солдатик сглотнул и согласно кивнул. Я сжал ему плечо и скользнул вперед. Когда я, разорвав пальцами пару нитей колючей проволоки, проскользнул в образовавшуюся дыру и оглянулся, он уже лежал на довольно удачной позиции и, стиснув зубы, вел своего часового сквозь прорезь прицела. На что только не способно выказанное человеку доверие!..

Открытое пространство я преодолел, даже не входя в состояние скачка. Просто дождался, когда взгляды всех трех часовых, следивших за участком, оказались направлены в другие стороны. Три быстрых широких шага, и я присел за штабелем ящиков. Теперь предстояло преодолеть еще несколько метров по открытому пространству, прежде чем я займу позицию, удобную для атаки. А также определиться с оружием. Ну с этим-то проблем быть не должно. Я наклонился и подобрал с площадки, усыпанной щебенкой, на которой стоял штабель ящиков, пару камней наиболее правильной формы. В принципе, если бы цели находились метров на сорок дальше, можно было бы снять ремень и использовать его как пращу, но, по моим расчетам, в момент броска обе цели должны были находиться метрах в пятнадцати-двадцати, так что вполне хватит и обычного броска. Тем более что праща гораздо менее скорострельна.

Мне пришлось подождать минут двадцать пять, прежде чем часовой, скусающий у дальних ворот пакгауза, повернулся и что-то сказал своему соратнику. Тот молча оторвался от своих ворот и двинулся к первому, который, в свою очередь, также устремился навстречу. Они сошлись почти на середине длинной стороны пакгауза, у такого же штабеля ящиков, как и тот, за которым прятался я. Я бросил быстрый взгляд в сторону дежурного пулеметчика. Тот обвис на пулемете, глядя куда-то в сторону. Я выскользнул из-за штабеля и легким, неслышным шагом бросился вперед, выходя на наиболее выгодную линию броска. Оба часовых меня не видели. Один стоял ко мне спиной, подняв руки, к которым наклонился другой. Что они там делали, мне стало ясно спустя мгновение, когда второй начал разгибаться, и я увидел, что у него во рту торчит курительная трубочка. Возможно, он успел меня заметить, но было уже поздно. Я метнул первый камень...

Камень вошел часовому, стоящему ко мне спиной, под каску, раздробив затылок. От удара его бросило вперед, он упал на своего приятеля и начал съезжать по нему на землю. Как только его каска опустилась на несколько сантиметров, открывая переносицу оторопевшего напарника, я метнул второй камень, который раздробил переносицу второму и вошел ему в мозг. Солдата отбросило на штабель ящиков, укрытый брезентом, и он также не рухнул, а сполз на землю, почти не наделав шума. Я замер, прислушиваясь. Почти не значит совсем... Но все вокруг было тихо. Шум частично экранировал пакгауз, а то, что все-таки донеслось, похоже, было расценено как допустимо-обыденное. Ну мало ли — задел ящик сапогом или чиркнул по воротам прикладом.

Я поднял руку, вызывая к себе Кабана. Я специально взял его с собой.

Во-первых, в нем читались некая лихость, кураж, так что можно было надеяться, в критический момент он скорее выматерится, а не оцепенеет. Ну и, во-вторых, похоже, он был из адреналиновых наркоманов, а значит, надо создать в его мозгу психологическую сцепку по поводу того, что вместе со мной куда круче, чем против меня. И более преданного подчиненного у меня не будет.

До пакгауза Кабан добрался, когда я уже вскрыл примитивный замок и осторожно приотворил ворота. Заметив, что они уже открыты, Кабан возбужденно оскалился.

— Сами справились, товарищ командир, — возбужденно прошипел он мне в ухо, — а я думал, шо вы меня захватили, шоб я вам замочек вскрыл.

— Да что тут вскрывать, — усмехнулся я, — лучше створку поддержи. Тут петли очень скрипучие.

— Ага, — закивал он, хватаясь за створку, — не волнуйтесь, все будет чики-чики!

Я проскользнул внутрь.

Гранаты были упакованы в деревянные ящики отдельно от запалов, лежащих в тех же ящиках — завернутыми в промасленную бумагу. Я быстро свинтил дюжину лимонок и рассовал их по карманам. На первое время хватит. Кабан ждал меня у ворот, крепко держа створку. Я выскользнул наружу и кивнул ему, веля осторожно прикрыть створку.

Следующий этап был наиболее важным. Стоило одному бойцу промазать по своей цели, и мы с Кабаном получили бы огневую точку в своем тылу. Стоило нам спугнуть часовых раньше, чем их сняли бы наши соратники, и мы получили бы несколько таких точек. Стоило нам не успеть нейтрализовать дежурного пулеметчика или провозиться с ним, и мы получим против себя десятки проснувшихся вооруженных людей, оставаясь сами вооруженными только ТТ и наганом да дюжиной лимонок. Свой «дегтярь», чтобы не мешался, я оставил с той стороны забора.

— Значит так, — притянув к себе ухо Кабана, начал я, — твоя задача — пулеметчик. Как только его снимешь, ныряй вниз, за броню. Я начну работать гранатами. И будь внимательнее! В бронетранспортере вполне может оказаться еще кто-то. Так что, снимешь пулеметчика — не расслабляйся.

— Будь спок, командир, — прошептал в ответ Кабан. Его глаза лихорадочно блестели, а руки возбужденно стискивали револьвер.

И мы двинулись вперед.

Кабан не подвел. Он двигался, конечно, не так тихо как я, но вполне приемлемо. Только на самом подходе к БТРу его занесло на усыпанную

гравием дорожку, и один из часовых, насторожившись, двинулся в нашу сторону. Но было уже поздно. Я положил Кабану руку на плечо и тихонько толкнул его. Он зло ощерился и с резким выдохом выметнулся из-за угла здания караула, одним движением взлетев на борт бронетранспортера. Дежурный пулеметчик в последний момент что-то почувствовал и заполошно дернулся, но Кабан взревел:

— Куда, сука? — засветил ему в висок рукояткой нагана, и немец опрокинулся назад.

Похоже, в БТРе действительно был кто-то еще, потому что Кабан вдруг опустил руку и несколько раз выстрелил внутрь коробчатого корпуса. Одновременно с ним и чуть раньше затрещали выстрелы остальных. Я повел глазами, контролируя ситуацию. Попали все. Но двое часовых были только ранены. Один валялся на песке, зажав руками простреленное горло, а вот второй полз, держась за бок и подволакивая за собой винтовку. Этот мог оказаться опасен. При таком соотношении сил даже пара удачных выстрелов может опрокинуть чашу удачи. Но волновался я зря. По ползущему тут же грянуло еще два выстрела. Что ж, пора и мне вступать. Пока мои глаза шарили по сторонам, руки уже вывалили из карманов лимонки и начали быстро разгибать усики фиксаторов предохранительных рычагов, которые, как я теперь знал, назывались «чека».

— А-а-а, сука! — слышался сверху прямо-таки полный восторга рев Кабана, почти мгновенно заглушённый длинной очередью из пулемета.

Нет, он точно адреналиновый наркоман. Но так он мне всю обедню сорвет.

— Кабан — вниз! — рявкнул я, одновременно с легким оттягом перебрасывая через корпус бронетранспортера первые две гранаты. Похоже, все-таки мой авторитет уже стал для Кабана достаточно веским, потому что он тут же нырнул под броню. А я метнул следующую пару, покрывая гранатами площадь, занятую спящими на улице солдатами в квадратно-гнездовом порядке.

Взрыв, взрыв, взрыв...

Бронетранспортер закачало, а по его броне дождем забарабанили осколки. Я продолжал методично метать гранаты. Восемь на бивуак, остальные четыре были предназначены для караульного помещения, у которого из-за жары оказались настежь распахнуты и металлические ставни, и сами окна. Да и чего было бояться при столь многочисленной охране?..

Но я успел зашвырнуть внутрь только две. В наиболее сложные для броска дальние окна, чьи проемы перекрывал корпус бронетранспортера.

Для того чтобы попасть в самое дальнее, пришлось воспользоваться рикошетом. В десяти шагах с той стороны бронетранспортера стояло дерево, от удара о которое граната влетела в окно. Иначе попасть в окно не получалось никак, а подгадать подрыв к тому моменту, как граната падала мимо окна, с таким типом взрывателя не было никакой возможности, замедление было слишком нестабильным...

Когда же я протянул руку за последней парой, из ближайшего окна в меня выстрелили. Я впрыгнул в состояние *вьюги*, качнулся в сторону и рывком выдернул ТТ из заранее расстегнутой кобуры. Патрон был уже дослан в патронник, но механизма самовзвода на этой модели не было, так что пока я взводил курок, мне пришлось качнуться обратно, уходя от еще одной пули. А потом я вогнал свою пулю стрелявшему в правый глаз, после чего левой рукой отправил две последние гранаты в два оставшихся окна.

Сразу после взрывов я крикнул:

— Кабан, работай! — и тут же из нижней стойки нырнул в окно, развороченное взрывом, держа ТТ наготове.

В караульном помещении живых не было. Все-таки эти «лимонки» не такие уж и плохие штучки. Хотя до «Граве марк VII» им, конечно, далеко. Снаружи молотил пулемет Кабана, я быстро проскользнул по длинному коридору, протянувшись из конца в конец караульного помещения, и, выпрыгнув из дальнего окна, завернул за угол.

Как я и предполагал, уцелевшие после нашего нападения солдаты прятались именно здесь. Их было четверо. ТТ рывкнул четыре раза, решив и эту проблему. Да, скорость перезарядки у этой машинки маловата, перед последним выстрелом мне пришлось качнуться вправо, уходя от выстрела из винтовки. Ну да ничего, Гвардия воюет тем, что у нее в руках, ибо опасно не оружие в руках гвардейца, а он сам!

Пулемет замолчал. Я быстро обвел взглядом пространство склада, затем сделал еще шесть шагов вперед, выходя на другую точку обзора. Похоже, все.

Все отработали с огоньком. Победа, еще несколько часов назад казавшаяся моим подчиненным просто немыслимой и, по существу, продавленная моим авторитетом, настолько воодушевила людей, что они буквально летали.

Первоначальный план был изменен. Как выяснилось, шины у бронетранспортера оказались полнотелыми, несмотря на изуродованные осколками гранат боковины оных, и машина вполне способна к передвижению. А младший сержант Римозов, как выяснилось, умел водить. В результате сейчас мы грузили оружие, обмундирование и боеприпасы

именно на БТР.

Старшина Гарбуз, казалось, был готов вывезти весь склад, так что мне пришлось немного попридержать его. Тем более что я счел необходимым позаботиться о том, чтобы данный склад не попал снова в руки противника. Это было вполне выполнимо, поскольку на складе обнаружилось несколько десятков ящиков со взрывчаткой и минами. Со здешними минами я пока обращаться не умел, а разбираться времени совсем не было. Поэтому я быстро сформировал из брусков местного взрывчатого вещества несколько сосредоточенных зарядов и воспользовался в качестве взрывателей уже неплохо освоенными мной лимонками, изобразив примитивные конструкции с отсрочкой взрыва с помощью отыскавшихся на складе свечей и бечевки. А еще я рассредоточил несколько ящиков со взрывчаткой в кустах вдоль дороги, расположив их один от другого на полторы-две длины грузовой машины, и соединил в последовательную взрывную цепь с помощью тех же лимонок и мотка проволоки. Наша стрельба должна была переполошить соседние гарнизоны, и скоро здесь стоило ожидать появления вражеских подкреплений. Конечно, созданная мной конструкция выглядела крайне примитивной, и ее вполне можно было обнаружить даже в зыбком свете разгорающегося рассвета, но кто его знает... Насколько мне удалось убедиться, здесь не было людей, прошедших даже нижний уровень антропрогрессии, а обычный человек, как правило, так невнимателен...

Мы были уже где-то в километре от склада, когда прогремел первый взрыв, произошедший, судя по отзвуку, на открытом пространстве. Похоже, мои расчеты оправдались.

Услышав взрыв, все возбужденно загомонили, но не прошло и пяти минут, как жажнуло во второй раз. На ближайшем к въезду складе я сделал еще один дополнительный взрыватель-ловушку, аккуратно закрепив лимонку со снятой чекой на верхнем обрезе чуть приоткрытых ворот. Лишь только створка открывалась еще на пару пальцев, лимонка падала вниз, в уютную конусообразную ловушку, которую я сложил из нескольких килограммов взрывчатки, на лету отстрелив рычаг предохранителя. Насколько я теперь разбирался в устройстве местных вооруженных сил, большинство военных специальностей здесь было узкоспециализировано. И разминированием (как и минированием) занимались специалисты под названием саперы. Так что этот взрыв практически гарантировал, что больше никто из прибывших до появления этих самых саперов в остальные склады не полезет. И мои конструкции из бечевки и свечей, которые я насторожил с довольно большим запасом по времени, должны были благополучно сработать в свой срок.

Я обернулся и посмотрел на своих бойцов. Их лица выражали восторг, глаза сияли, а руки крепко сжимали оружие. Что ж, с такими бойцами можно было побеждать...

Спустя полтора часа мы были вынуждены бросить бронетранспортер. Дальше он проехать не мог. В принципе, я был удивлен и тем, что он добрался хотя бы сюда. Поразительно неуклюжая техника! Впрочем, похоже, остальным она казалась верхом совершенства. Во всяком случае, Римозову точно. Он управлял ею с нескрываемым большим удовольствием и покинул водительское место с явным сожалением на лице. Но мы забрались по лесным дорогам в такую глушь, что двигаться дальше на каком-нибудь транспортном средстве стало совершенно невозможно.

Я приказал бойцам разгружать бронетранспортер, а сам занялся волокушами. Судя по возросшей влажности и немного изменившемуся типу растительности, а также еще по некоторым признакам, скоро должны были начаться болота, так что, если за нами и организовали преследование, у нас были все шансы оторваться. Впрочем, насчет преследования я сильно сомневался. Склад мы разгромили весьма впечатляюще, и если при оценке ситуации противник будет руководствоваться продемонстрированным уровнем подготовки и тактической грамотностью местных вооруженных сил (а так оно и будет), то вероятнее всего сделает вывод, что здесь поработало сильное подразделение численностью до роты.

А это ведь только в голофильмах поблизости от охраняемых объектов располагаются находящиеся в полной боевой готовности, но бездельничающие крупные силы, которые могут лихо попрыгать на всякие транспортные средства и с шумом и гамом броситься в погоню за киногероями. На самом деле обычное положение дел у любого командира — где бы он ни находился, в тылу или на передовой, и какие бы задачи выполнял — это жуткий дефицит сил и средств. И максимум, что противник сейчас сможет собрать, учитывая, что часть сил, находящихся в распоряжении коменданта и старшего по гарнизону, мы благополучно уничтожили на складе, четыре-пять монад, то есть по-местному — пару взводов. Я бы с такими силами нас преследовать не рискнул...

— Все готово, товарищ командир, — лихо вскинув руку к обреза пилотки, доложил Головатюк. Его лицо сияло.

Я кивнул.

— Отлично. Кабан — в головной дозор. Направление движения — по солнцу. Через пару-тройку километров начнутся болота — там остановишься и подождешь меня.

Кабан так же лихо козырнул, отпустил жердь волокуши, которую

держал вместе с Иванюшиным, и, сдвинув на грудь новенький ППД со склада, нырнул в заросли. Я махнул рукой:

— Вперед!..

До болот мы добрались через полтора часа. Я объявил привал и забрался на дерево, чтобы осмотреть местность. Вокруг, насколько хватало глаз, расстился лес и болота, а далеко впереди, почти у горизонта, в небо тянулись почти неразличимые дымы и еле слышно даже для меня погромыхивало. Похоже, там еще кто-то дрался...

* * *

Дорога через болота оказалась неожиданно легкой. Впрочем, только на мой вкус. Остальные вряд ли бы настаивали на подобном утверждении, которое на самом деле основывалось просто на полном отсутствии у них опыта маршей в подобных условиях. Впрочем, не у всех. Головатюк, судя по всему, такой опыт имел, хотя и он раньше вряд ли передвигался по болотам, таща за собой тяжело нагруженную волокушу. Поэтому уже где-то к двум часам пополудни мои подчиненные извозились в грязи чуть ли не по макушку и окончательно вымотались. А значит, пришло время остановиться на очередной привал и основательно перекусить. Тем более что после налета на склад у нас было чем.

На привал мы расположились на длинном, метров триста, и узком острове посреди болот, густо поросшем лесом. Судя по рельефу местности и тому, что я увидел с очередного дерева, мы двигались через довольно узкий болотный язык, далеко вдававшийся в местные леса. И мы его почти пересекли. Во всяком случае, в том направлении практически не было видно открытой воды — только торфяники, поросшие кустарником. Так что теперь между нами и противником раскинулась широкая полоса болот, и, значит, погони можно было не опасаться. Поэтому, едва выбравшись на остров, все сразу расслабились, каковое состояние в условиях боевых действий практически всегда приводит к печальным последствиям. И потому я, когда заметил кое-что, что могло бы мне помочь преподать своим людям наглядный урок, не стал торопиться. Сцену надо было обставить подобающе.

Как только все собрались на узкой полянке у обреза воды, которую отыскал Кабан, чрезвычайно довольный этим фактом и даже обустроившийся на бережку, сняв сапоги и развесив по кустам портянки, я негромко скомандовал:

— Головатюк, построь личный состав.

— Слушаюсь, товарищ командир!

Несмотря на мой авторитет, на лицах большинства бойцов, занимающих место в строю, явственно читалось разочарование. Мол, и так сил уже никаких не осталось, а командир вздумал в строевую подготовку поиграть. Какого черта?!

— Кабан, как твоя фамилия? — с явной благожелательностью в голосе поинтересовался я.

— Шабарин, командир, — расплылся в улыбке Кабан, решив, что я собираюсь объявить ему благодарность или поощрить неким иным образом.

— Рядовой Шабарин, два шага вперед!

Кабан лихо бухнул по траве изгвазданными в грязи сапогами.

— Товарищи бойцы, какое наказание в боевых условиях следует применить к вашему сослуживцу, нерадиво выполнившему боевой приказ и этим поставившему под угрозу не только ваши жизни, но само выполнение боевой задачи? — спросил я, расстегивая кобуру и извлекая ТТ.

Улыбка с лица Кабана сползла, будто старая кожа со змеи. Несколько мгновений над поляной висела тишина, а затем Кабан придушенно просипел:

— Командир, да ведь я...

— Почему вы, рядовой Шабарин, будучи назначены в головной дозор, не выполнили поставленную задачу и не осмотрели остров? А если бы здесь были немцы?

— Так ведь нет же никого! — отчаянно воскликнул побледневший Кабан.

— Никого? — Я повернулся в сторону кустов, на которых еще висели его портянки, поскольку он встал в строй, просто засунув ноги в сапоги, и негромко приказал: — Эй, вы, двое, выйти из кустов!

Несколько мгновений ничего не происходило, а затем ветки зашевелились, и сквозь них продрались две фигуры в такой же, как и у нас, форме и не менее грязные.

Местная форма изготавливается из слабообработанных естественных материалов, которые в моем мире стоили бы буквально целое состояние, но здесь это щегольство приводило к тому, что форма мгновенно загрязнялась. Я повернулся к Кабану и повторил вопрос:

— А если бы здесь были немцы?

Шабарин побледнел. Я коротко скомандовал:

— На колени. Руки за голову!

Кабан сглотнул, напрягся, но затем его плечи опустились, и он выполнил приказ. Я шагнул к нему, взвел ТТ и, приставив ствол пистолета к его коротко стриженной макушке, несколько мгновений держал его там, жестким, но спокойным взглядом обводя напряженные и побелевшие лица остальных, а затем чуть сдвинул дуло ТТ влево и нажал на спусковой крючок. От выстрела Кабан содрогнулся всем телом. Я согнул руку, направив ствол пистолета вверх, и поставил курок на предохранительный взвод.

— Встать, — негромко приказал я.

Кабан тяжело поднялся, зажимая рукой простреленное ухо.

— Будем считать, что здесь и сейчас я промахнулся, — сообщил я подчиненным, убирая ТТ в кобуру. — Но это произошло в первый и последний раз. Если я еще раз уличу кого бы то ни было в пренебрежении долгом — больше сотрясать воздух не буду. Всем понятно?

— Так точно! — громко и слаженно грянул строй.

— Отлично, — одобрительно кивнул я, — тогда... Головатюк, раздать мыло и организовать помывку личного состава и стирку обмундирования. Обед — после окончания хозяйственных работ. Вопросы?

— Никак нет!

— Приступайте. — Я повернулся к вновь прибывшим: — Кто такие, откуда?

После увиденного никому из них и в голову не пришло продемонстрировать мне что-то, кроме браво-молодцеватого вида истых служак.

— Старшина Гарбуз и рядовой Побегало, товарищ командир! — гаркнул один.

Я одобрительно кивнул. Старшина — это хорошо. В здешней структуре старшина выполнял обязанности, возложенные в Гвардии на командира монады обеспечения. Я собирался сделать таковым Головатюка, но тогда возникала проблема — кого ставить сержантом. А так, если этот Гарбуз окажется толковым и исполнительным, все поворачивается очень удачно...

* * *

Следующие несколько дней мы двигались вдоль обреза болот, не приближаясь к опушке. Самой большой проблемой для меня постепенно становилось отсутствие командирского планшета. Все-таки, несмотря на

всю нашу подготовку, мы, гвардейцы, чрезвычайно избалованные люди. Нет, мы, конечно, способны использовать в качестве оружия любое подручное средство и выживать там, где любой другой десять раз откинет копыта, но отсутствие нормальной связи и возможности ориентироваться на местности в любых условиях меня напрягало едва ли не больше, чем полное непонимание того, где я нахожусь и как сюда попал.

Непосредственных трудностей это непонимание пока не создавало. К тому же я воспринимал это не как неудобство, а как задачу, а вот незнание местности, окружающей обстановки и крайне ограниченные возможности в анализе и планировании эти самые трудности как раз и создавали.

Впрочем, поймав себя на этих мыслях, я мысленно улыбнулся и сделал простейший психологический ход. Перевел данные трудности из раздела проблем в раздел задач. Что сразу же подсказало решение. Мне нужна возможность ориентироваться на местности. Командирских планшетов здесь скорее всего нет. Значит, нужно раздобыть то, что помогает ориентироваться местным командирам. А именно печатные карты. Каковые можно раздобыть в каком-нибудь штабе, уровня не менее батальона. И там же взять языка, способного просветить насчет обстановки.

Тем более что с языком наступавшей армии я с помощью документов и кое-каких печатных материалов, захваченных у погибших мотоциклистов и на месте боя с охраной складов, более-менее разобрался. Это был вариант довольно распространенного в Метрополии диалекта дэйч. Хотя в быту этот диалект использовался довольно слабо, скорее его нишей была культурная идентификация — на нем пели застольные песни, на нем разговаривали на этнографических праздниках и иных подобных мероприятиях. А в обычной жизни все носители данного диалекта, как правило, отлично изъяснялись на общеимперском. Поэтому его изучение в Гвардии не было в числе приоритетных, так что я сразу после ознакомительного курса тут же перевел его из зоны оперативной доступности памяти куда подальше. Поэтому сейчас потребовалось некоторое усилие, чтобы восстановить его в памяти. Единственное, что меня несколько смутило, так это то, что люди, изъясняющиеся на диалекте дэйч, отчего-то атаковали людей, чьим родным был диалект общеимперского, поскольку в Империи и те, и другие считались едва ли не двумя основными ее столпами. Ну да мало ли причудливого мне еще здесь предстоит увидеть?..

- Имя?
- Вилора.
- Фамилией?
- Сокольницкая.
- Званий?
- Лейтенант.

Толстый расплывшийся фриц в черном мундире стянул с носа круглые очки и протер их извлеченным из кармана платочком, после чего водрузил обратно и аккуратно промокнул тем же платочком потную лысину.

— Какой должность занимать?

— Военфельдшер медсанбата 22-й танковой дивизии...

Голос Вилоры звучал устало и слегка надтреснуто. Прошедшая неделя окончательно разрушила и уничтожила все, что было дорогого или хотя бы важного в ее жизни, сожгла все эмоции и вообще выпила ее без остатка. И неделя эта стала всего лишь кульминацией бед и несчастий, обрушившихся на Вилору в последний год. Жизнь кончена, и никакого будущего для нее больше нет, как ни горько это констатировать в двадцать один год...

Вилора родилась в стране, только что сбросившей оковы тысячелетнего гнета и открывшей всему человечеству прекрасное будущее. Народ, веками прозябавший в плену косности и суеверий, темный, забитый, нашел в себе силы сбросить тяжкое ярмо и повернуться к свету знания и свободы. И что с того, что страна, только что вместе с союзниками выигравшая первую из мировых войн, не только не получила ни грана из доли победителей, но и оказалась ввергнута в пучину еще более тяжелой гражданской войны, разбушевавшейся не на узкой линии фронта Первой мировой, а по всей ее территории, в каждом городе, селе и деревеньке. Не просто избороздив ее просторы десятками извилистых и кровотокающих, будто щрамы, новых линий фронтов, но и проведя их внутри почти каждой семьи, поставив отца против сына, а брата против брата.

Это лишь маленькая толика того, что допустимо, если речь идет о свободе и счастье человечества. Ведь даже само ее, Вилоры, появление на свет оказалось возможно только благодаря тому, что свершилась самая светлая и великая из всех революций. Потому что если бы свежий ветер перемен не взметнул со своих насиженных мест и не разметал по городам и весям, по полям сражений и поездкам миллионы людей, токарь с

Путиловского завода не имел бы никаких шансов не то что добиться руки дочери земского врача из Иркутска — они бы просто не встретились. А так, одним осенним стылým утром на пороге добротного особнячка появились четверо мужчин, вооруженных винтовками, одетых кто во что горазд и с красными повязками на рукавах и папах. Хозяин дома открыл дверь и посмотрел на пришедших поверх пенсне. Стоящий впереди молодой парень в рабочей тужурке окинул его жестким взглядом и сурово произнес:

— По постановлению Совета рабочих и солдатских депутатов в вашем доме проводится уплотнение. Вот мандат.

Так и появился в доме земского врача новый постоялец. Слава богу, всего один. Потому как выяснилось, что этот суровый молодой человек оказался особым уполномоченным Петроградского совета, командированным в Иркутск для оказания помощи местным товарищам.

Свадьбу сыграли через год. К тому времени стало ясно, что новая власть пришла всерьез и надолго и что она вроде как умеет не только разрушать, а начинает находить вкус и в созидании.

Отец невесты, человек едва ли не самой мирной из профессий, поначалу пришедший в ужас от обрушившихся на страну и него самого бедствий, также начал понемногу отмякать. И хотя о частной практике теперь не могло быть и речи, но поскольку с врачами повсеместно наблюдался жуткий дефицит, немногих сохранившихся власти оберегали, выдавая им мандаты, ограждавшие от неприятностей, и подкармливая усиленными пайками. Но когда зятя после двух лет семейной жизни затребовали обратно в Петроград, тесть переезжать с семьей дочери в бывшую столицу отказался категорически.

Вилора родилась еще в Сибири. И столь необычное имя было результатом настойчивости ее отца, решившего в имени ребенка увековечить вождя и кумира: Владимира Ильича Ленина — организатора Революции. Он считал, что, поскольку теперь все строят новый мир, все, в том числе и имена, теперь должно быть новым, ранее невиданным.

Отец вообще был очень прост и прям, почти до наивности. Несмотря на то что сумел окончить Промакадемию и со временем вырасти в крупного руководителя производства. Заводская закалка помогала там, где не хватало теоретической базы, а стойкая идеологическая убежденность и заслуги времен гражданской выручили там, где не сработало ни первое, ни второе.

Уже учась в институте, Вилора осознала, что, несмотря на свой высокий пост и диплом академии, ее папка в большой мере так и остался малограмотным токарем с Путиловского, решающим производственные

вопросы во многом благодаря природной сметке и собственному авторитету, а не потому, что он действительно в них разбирался. Но от этого он совершенно не перестал быть ее любимым папкой. Пока его не арестовали...

Вилора росла, ничем не отличаясь от миллионов других детей молодой Страны Советов. Носилась по коридору коммунальной квартиры в старом доме на Фонтанке, комнату в которой выделили отцу, когда он вернулся на родной Путиловский, играла во дворе с ребятами, в основном в «красных» и «белых».

А еще ходила с родителями на демонстрации, сидя у отца на плечах и поблескивая во все стороны любопытными глазенками. На демонстрациях было здорово. Люди шли в нарядных одеждах с кумачовыми флагами, разными красивыми транспарантами и красными гвоздиками. Пели песни. Она и сама пела. Так весело было вопить в синь небес о том, что «от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее!», или о «вихрях враждебных», которые «веют над нами», и «темных силах», которые нас непременно «злобно гнетут». Тем более что немного позже, когда Вилора вступила в комсомол, выяснилось, что это не просто красивые слова.

Вихри действительно веяли, а темные силы притаились рядом, тщательно замаскировавшись. Буржуазия всего мира, тесно сплотившись, ополчилась на гордую Страну Советов, не желая лишаться своей власти и всячески вредя стране — надежде всего прогрессивного человечества. А ее злобные пособники делали все, чтобы остановить победную поступь молодой советской державы.

В стране разворачивались первые пятилетки, и недобитые остатки старого мира и выкормыши буржуазных разведок не упускали случая, чтобы не устроить аварию, диверсию или еще какое-то вредительство. Вилора горячо осуждала подобных недобитков, выступая на комсомольских собраниях, посещая митинги и вместе со своими товарищами помогая своей стране на субботниках и воскресниках. Тогда она, по примеру героических Марины Расковой и Полины Осипенко, мечтала стать летчицей. Но через год, после того как она записалась в парашютный кружок ОСОАВИАХИМа, умерла мама...

Она была на девятом месяце. Как Вилора потом узнала, это была вторая попытка ее родителей завести очередного ребенка. Первую они предприняли, когда Вилоре исполнилось четыре года. Она смутно помнила, что тогда мама сильно заболела, так что ей даже пришлось лечь в больницу. Из больницы мама выписалась спустя две недели, и после того случая в уголках ее рта поселилась горькая складка. И вот теперь они решили

попробовать еще раз.

Отец почернел от горя. На похороны из Иркутска приехал дед. Отец деда недолюбливал, но на похоронах рыдал у него на плече, забыв про свою неприязнь. А дед, несколько суетливый, толстенький старичок, которого Вилора за свою жизнь видела всего два раза, обнимал отца за широкие плечи и успокаивающе похлопывал по спине.

— Ну будет, будет, у тебя ведь еще дочка. Чего случилось — не вернешь. Ежели святую душу Господь прибрал — значит, так оно на роду было написано...

И отец, который всегда при упоминании Господа вскидывался и начинал горячо доказывать, что никакого Бога нет, что все это враки и опиум для народа, только молча кивал, глотая слезы. А дед чуть погодя подошел к Вилоре, которая тоже окаменела от горя, и, обняв ее, горестно вздохнул.

— Вот ведь оно как бывает... — Он покачал головой. — Ведь просил же, как срок подойдет — отправьте ко мне. Ну откуда с таким классово устроенным образованием у вас тут могут случиться хорошие врачи?

Как потом выяснилось, роды у мамы принимала советский врач новой формации, дочь председателя комбеда, поступившая в мединститут по направлению уездного ревкома. Большую часть времени учебы она занималась комсомольской работой и иными общественными нагрузками, поэтому по окончании, несмотря на весьма посредственный диплом, получила распределение в больницу, обслуживавшую советскую элиту, где сразу же была избрана в члены парткома. Зная ее квалификацию, на дежурство ее обычно не ставили, но в этот вечер все сошлось. Врач, который должен был дежурить, заболел, а «светоч советской медицины» вдрызг разругалась с мужем и решила успокоить нервы, подменив прихворнувшего коллегу. А тут поздние роды, осложнение и...

После смерти мамы Вилора твердо решила, что станет врачом. Причем врачом хорошим, а не как эта... А небо... ну не всем же быть летчицами!

Школу она окончила на круглые пятерки и, как и собиралась, поступила в мединститут. Правда, не на факультет акушерства и гинекологии, а на хирургию. Хотя дед, с которым она после смерти матери сильно сблизилась и который всячески поддерживал ее в этом начинании, против хирургии выступал категорически, заявляя, что не дамское это дело.

Он вообще теперь стал чаще приезжать в Ленинград и жить у них по две-три недели. Возможно, это было вызвано тем, что отец после смерти матери начал совсем пропадать на работе, так что Вилора оказалась почти полностью предоставленной сама себе. Несмотря на сцену на похоронах,

дед и отец не только не сблизились, но еще больше отдалились друг от друга. Так что, когда дед у них гостевал, отец частенько даже не приходил ночевать... а потом уже и не только во время приездов деда. Впрочем, так даже было лучше. Потому что, несмотря на немалую общественную нагрузку, которую взвалили на Вилору в комитете комсомола, она и в институте училась на одни пятерки. Хотя в первую очередь это было вызвано навсегда врезавшимся в ее память бледным лицом матери в гробу, засыпанном цветами...

Все трудности первого курса Вилора преодолела довольно успешно. Даже страшную анатомичку. Отец тоже быстро продвигался по службе. Они переехали в отдельную квартиру, где на Вилору легли все обязанности хозяйки. Впрочем, готовить на собственной кухне и не стоять по утрам в очереди в общий туалет было приятно.

А на втором курсе Вилора влюбилась. Предмет ее страданий звали Колей, и он был заместителем секретаря комитета комсомола института. Пламенный комсомольский вожак и заводила, всегда первый, если нужно было выступить на митинге или собрании, организовать субботник или съездить с агитбригадой в подшефный колхоз. Говорили, что он на первом курсе даже писал заявление, чтобы его направили на помощь сражающейся республиканской Испании.

Вилора бегала за ним хвостиком, горячо поддерживала все его начинания и пялилась на него восторженными глазами. Похоже, такое поведение не способствовало сохранению в тайне ее чувств не только от многочисленных окружающих, но и от самого Коли. Так что он однажды подошел к Вилоре и, сурово поздоровавшись, предложил «на данном этапе» ограничиться дружбой. Потому как международная обстановка серьезно осложнилась, германский фашизм поднимает голову и думать о любви и семье в подобной обстановке он считает несвоевременным. Вилора энергично пожала протянутую руку, полностью согласившись с политическими оценками товарища Николая, а потом весь вечер проплакала в подушку.

Впрочем, официально объявленная окружающим дружба между ними теперь позволила Вилоре на законных, так сказать, основаниях проводить с товарищем Николаем гораздо больше времени. Каковое она с извечным женским коварством, присущим любой женщине с самого рождения, решила не терять зря. И использовать все доступные ей, девушке из вполне обеспеченной семьи советской номенклатуры, средства привлечения внимания. Надо сказать, ее усилия мало-помалу начали приносить плоды. Товарищ Николай понемногу смягчал, начал даже время от времени

предлагать проводить ее домой, а однажды поздно вечером, когда они стояли под аркой старого петербургского двора, даже соизволил неуклюже ткнуться губами в ее мгновенно разгоревшуюся щечку.

А затем арестовали отца.

Сам арест Вилора запомнила смутно. В дверь позвонили посреди ночи, квартира заполнилась какими-то людьми в форме и без, среди которых девушка узнала только дворника. Люди перерыли все шкафы, перетряхнули вещи и исчезли, забрав с собой отца и оставив после себя совершенно разгромленную квартиру.

Первое время отца держали в большом доме на Литовском. Вилора быстро привыкла сразу после занятий бежать туда и занимать очередь в надежде на то, что удастся передать передачу или, что было бы уже совсем невероятным, получить разрешение на свидание.

О том, что отец арестован, в институте узнали спустя десять дней. Коля сам подошел к ней и, сурово насупясь, спросил:

— Сокольницкая, это правда, что твой отец арестован?

Вилора замерла, а затем, сглотнув мгновенно образовавшийся в горле ком, гордо вскинула голову:

— Это ошибка! Скоро во всем разберутся и его выпустят.

Товарищ Николай недоверчиво качнул головой:

— Все так говорят. Но я тебе скажу, Сокольницкая, наши советские органы безопасности ошибаются чрезвычайно редко. Так что будь готова к тому, что твое дело будет разбираться на комитете комсомола. Детям врагов народа не место в Ленинском комсомоле. И должен тебя предупредить, что, если ты считаешь, что наши с тобой отношения хоть в чем-то повлияют на то, как я буду голосовать, ты глубоко ошибаешься. Чувства — буржуазный пережиток, и настоящий комсомолец не имеет права позволять им оказывать на себя тлетворное влияние, понятно?

Вилора молча кивнула, изо всех сил сдерживая слезы. Она держалась все то время, пока он, развернувшись, шел от нее по коридору. Она держалась, пока сама, гордо вскинув голову, шла по коридору до женского туалета, и только там, запершись в кабинке, горько расплакалась.

Дед приехал через две недели. Откуда он узнал, что отец арестован, для Вилоры осталось полной загадкой. Впрочем, она не особенно и хотела ее разгадывать. Ей не было до этого никакого дела. Она чувствовала, что внутри у нее как будто вырос ледяной комок, который с каждым днем становился все больше и больше. Дед по приезде развил бурную деятельность. Кому-то звонил, куда-то ходил, с кем-то встречался, а однажды появился в квартире, размахивая какими-то бумажками.

— Собирайся, девочка моя, я оформил тебе перевод в Новосибирск. У меня там в ректорах старый университетский приятель, так что я обо всем договорился.

Вилора на несколько мгновений вынырнула из своего ледяного кома и удивленно воззрилась на него.

— Дедушка, ты что? Как мы можем бросить папу? К тому же я уверена, скоро все разъяснится и его выпустят. Он же ни в чем не виноват!

Дед вздохнул и покачал головой.

— Бедная моя... не выпустят твоего папу, уж можешь мне поверить. Они ведь утверждают, что советские органы безопасности не ошибаются. Так что даже если твой папа и ни в чем не виноват — ничего уже не изменишь. Раз арестован — значит виноват.

— Нет! — Вилора прикусила губу. — Этого не может быть!..

— Может, — дед снова вздохнул, — а вот о себе стоит позаботиться. Я вообще удивлен, что ты еще на свободе и живешь в этой прекрасной квартире. Я-то думал, что у них все решается быстро, и тот, кто написал донос на твоего отца, уже вселился в вашу квартиру. Когда ехал — очень волновался, как буду тебя разыскивать. Петербург — большой город.

Последнее время он всегда говорил так, словно противопоставляя себя — *они, их, ним*. И, как ни странно, Вилора, которая раньше бросалась в жаркий бой даже при малейшем намеке деда на критику самой свободной и счастливой страны, «где так вольно дышит человек», сейчас никак не реагировала на эти, прямо скажем, враждебные, вредительские слова, как будто теперь признавала за дедом право на такое противопоставление.

— К тому же очень может быть, — продолжил дед, — что он на самом деле виноват.

— Да ты что?! — взвилась Вилора.

Дед вскинул руки:

— Нет-нет, я не говорю, что та авария, в организации которой его обвиняют, на самом деле была сделана им специально. Это, несомненно, полная чушь, но... — Он пожевал губами и, решившись-таки, продолжил: — Мне тут порассказывали старые приятели... Знаешь ли ты, девочка моя, что такое групповая сдача экзаменов?.. Не знаешь? Ну это просто. Это когда готовится ну вроде как вся группа, а сдает только один. И как сдает! Профессор Кивелиди рассказывал: входит этакий комиссар в кожанке, с маузером на боку, садится напротив, достает из кобуры маузер, передергивает затвор, кладет его перед собой на стол и заявляет: «Ну, давай, сволочь недобитая, принимай экзамен!» Более-менее прилично обучать стали только ваше поколение, да и то до прежнего уровня вам ой

как далеко. А те, кто сейчас, как их называют, командиры производства... — Он покачал головой и закончил: — Вот отсюда и аварии.

Замолчал. Некоторое время в комнате висела густая тишина, а затем Вилора глухо произнесла:

— Я не оставлю папу. И я верю, что его оправдают.

Дед несколько мгновений напряженно смотрел на нее, а потом его плечи опустились, и он шаркающей походкой ушел в гостевую комнату.

Через два дня, когда Вилора, отстояв угрюмую, молчаливую очередь, сунула в окошко узелок с передачей, дюжий мордатый охранник-приемщик, проведя заскорузлым пальцем по замызганной амбарной книге, брезгливо оттолкнул передачу.

— Нет такого.

— Как нету?! — вскинулась Вилора. — Ведь вчера еще...

— Вчерась был, а нынче — нет. Знать, по этапу ушел. Выйдешь на улицу, зайдешь во второй подъезд и — к девятому окну.

— 3-зачем? — не поняла Вилора.

— Копию приговора получишь, дура... Следующий!

Войдя в прихожую, Вилора без сил опустилась на пол. В руке ее была зажата бумажка с печатным текстом, растоптавшим все ее надежды. «Особое совещание... признать виновным... десять лет без права переписки...» Она с трудом продралась через всю эту казенную вязь. Но главное поняла. *Они* не разобрались.

На следующее утро она с колотящимся сердцем подошла к доске объявлений в фойе института. К ее огромному облегчению, объявления о рассмотрении персонального дела комсомолки Сокольницкой она там не обнаружила, зато... ее внимание привлекло другое объявление — о наборе добровольцев среди студентов выпускного курса в армию для укомплектования 103 переформировывающихся и вновь формирующихся частей и соединений Красной армии. Несколько мгновений она задумчиво рассматривала объявление. Дед говорил, что надо уехать, но то, что он предлагал, больше напоминало бегство, а это...

В комитете комсомола ее встретил сразу же нахмурившийся Николай.

— Чего пришла? — неприязненно поинтересовался он.

Вилора с вызовом вскинула подбородок:

— За характеристикой.

— А мы характеристики детям врагов народа не выдаем, — отрезал Николай. — Их уже наши органы охарактеризовали.

У Вилоры на мгновение сжалось сердце, но затем она поняла, что на самом деле он еще ничего не знает. И говорит просто на всякий случай,

чтобы лишний раз продемонстрировать окружающим, что не имеет к ней совершенно никакого отношения.

— А для чего вам характеристика, Сокольницкая? — поинтересовался сидевший за соседним столом секретарь комитета комсомола института, с которым в той, прежней жизни они часто пересекались на ниве общественной работы. Подружка Наташка, сейчас также благополучно исчезнувшая с горизонта, даже утверждала, что он тайно в нее, Вилору, влюблен. Но секретарь ей не особенно нравился — полноватый юноша с серьезным лицом и в круглых очках. Не то что Коля — красавец, спортсмен, трибун... Вот кто, как ей тогда казалось, должен был бы быть секретарем комитета.

— Я... — Голос на мгновение предательски дрогнул, но она тут же сумела взять себя в руки. — Я записалась добровольцем в Красную армию.

— От ответственности бежишь? — тут же вскинулся Николай.

— Товарищ Сокольницкая, осознавая серьезность современной международной обстановки и возросшую опасность агрессии со стороны немецкого фашизма, приняла решение откликнуться на призыв партии и комсомола и вступить добровольцем в Рабоче-крестьянскую Красную армию, — наставительно произнес секретарь.

— Да ведь все же знают... — возмущенно начал Николай.

— А остальное, пока нет официального решения, ваши домыслы, — еще более дидактически произнес секретарь. — Или вы хотите присвоить себе право подменять партийные, комсомольские и государственные органы?

Николай осекся. Секретарь перевел на Вилору взгляд своих показавшихся ей из-за толстых стекол очков чрезвычайно добрыми глаз и спокойно сказал:

— Комитет выдаст вам характеристику, Сокольницкая. Зайдите ко мне в шестнадцать часов.

Формальности, связанные с посещением военкомата, ускоренным выпуском и оформлением диплома, заняли почти неделю, во время которой Вилора каждое утро с замирающим сердцем подходила к доске объявлений. Дед, узнав о решении внучки, немного поворчал, но затем вздохнул:

— Ну... пусть так. Бог даст, все обойдется. — Он покачал головой, а затем обнял ее и прошептал: — Ну ты не забывай старика-то. Одна ты у меня осталась...

Дед уехал в субботу, а во вторник Вилора в новенькой, необмятой форме с еще чистыми петлицами (присвоение звания что-то

задерживалось) закрыла на ключ входную дверь, поправила солдатский сидор, висевший за спиной, подняла чемодан и двинулась на Октябрьский вокзал. Так и не узнав, что следующей ночью наряд НКВД, не дождавшись, чтобы им отворили, выбил дверь и долго ходил по опустевшим комнатам, недоумевая, куда это подевались лица, указанные в ордере. А наутро худой мужчина с желчным лицом, появившийся на лестничной клетке вместе с женой, маленьким ребенком, тремя чемоданами, саквояжем и переносной швейной машинкой «Зингер» в деревянном футляре, долго ругался с дворником, грудью вставшим на защиту опечатанной «органами» двери, утверждая, что у него ордер именно на эту квартиру и что он не собирается снова оплачивать такси и непременно будет жаловаться, более того, дойдет до самых высоких инстанций...

* * *

Допрос длился около часа, после чего немец снова снял очки, протер их своим уже изрядно замызганным платочком и величественно кивнул маячившему за спиной Вилоры конвоиру. Тот лениво ткнул «фройляйн лейтенант» в плечо, Вилора устало поднялась и, зябко обхватив себя за плечи, двинулась обратно в тюремную камеру. Вернее в прачечную. Женский персонал, вследствие его подавляющего преобладания в штате, держали именно там. Мужчин заперли в подвале...

* * *

В медсанбат 22-й танковой дивизии Вилора приехала уже под вечер. Их эшелон прибыл в Брест, где она отметилась в санитарном управлении корпуса, а затем долго ждала попутки до штаба дивизии, каковая появилась только часа в три пополудни. Затем она, еще три бойца и молоденький лейтенант (он всю дорогу косился на Вилору, в смущении отворачиваясь, если она сама направляла на него взгляд), по какой-то служебной надобности приезжавшие в штаб корпуса, долго тряслись в кузове. Место рядом с водителем было занято толстым майором интендантской службы, при взгляде на которого сразу становилось ясно, забраться в кузов тот не способен ни при каких обстоятельствах. И только около восьми часов Вилора наконец постучалась в избу, где, как сообщил ей молоденький солдатик-санитар, набравший воду у колодца, размещалось руководство

медсанбата.

— Открыто, заходите, — раздался в ответ зычный голос, половую принадлежность Вилора даже затруднилась бы определить. Он был сипл, груб, но какие-то обертоны не позволили ей классифицировать его как однозначно мужской.

Войдя внутрь, Вилора остановилась и, вскинув руку к пилотке, прищурилась. На улице еще было довольно светло, и прямо в лицо ей били лучи заходящего солнца, а в избе света уже не хватало. Но, несмотря на это, большая керосиновая лампа типа «летучая мышь», стоявшая на столе перед сидящим за ним человеком, пока не была зажжена.

— Нет, ты посмотри, Кирилл Петрович, опять бабу прислали! — возмутился тот же самый голос. — И опять смазливую! Ну и что мне теперь делать? И так от лейтенантов отбоя нет, так еще и эта...

Вилора наконец разглядела человека, сидевшего за столом. Это оказалась женщина, чей зычный голос никак не вязался с ее размерами. На ее петлицах Вилора обнаружила знаки различия военврача второго ранга.

— Товарищ военврач второго ранга, — бодро начала она, — лейтенант Сокольницкая...

— Фух ты... да потише, милочка! Мы с вами врачи, а не эти бравые молодцы-танкисты, не стоит так шуметь.

— Должен вам заметить, дорогая Ольга Порфирьевна, что по поводу шума с вами здесь мало кто сравнится, — добродушно посмеиваясь, сообщил совершенно очевидную вещь пожилой мужчина, одетый в грязноватый белый халат, вследствие чего установить, кто он по званию, Вилоре не удалось. — Что же касается приятной внешности, то я в данном случае скорее за сей факт, чем против него. Несмотря на все трудности, каковые нам вами обещаны, — он довольно старомодно, очень похоже на то, как это делал дед, поклонился и церемонно сообщил: — Разрешите представиться, Кирилл Петрович Подушный, заместитель, так сказать, нашей дорогой Ольги Порфирьевны по лечебной части. А вы какую специальность по диплому имеете?

— Хирургия... — несколько растеряннотозвалась Вилора, которой армия до сего дня представлялась несколько в другом ракурсе.

— Пыф! — презрительно фыркнула громогласная Ольга Порфирьевна. — Ординатуру проходила?

— Не-эт...

— Ну милочка, в таком случае в операционную я тебя еще очень долго не допущу. Минимум год, а то и два, — решительно заявила Ольга Порфирьевна, даже не подозревая, как скоро жизнь внесет коррективы в

это казавшееся ей столь логичным и верным решение.

На постой Вилору разместили в избе, располагавшейся через три от той, где она представлялась руководству (назвать суровую, но совершенно штатскую Ольгу Порфирьевну и столь же штатского милейшего Кирилла Петровича командованием как-то язык не поворачивался). Поселили вместе с девушкой Лидой, так же, как и она, ушедшей в армию с последнего курса мединститута, только московского. Именно ее Ольга Порфирьевна имела в виду, когда заявляла: «И опять смазливую». Лида была настоящей красавицей с большой, рельефно обрисованной грудью, сильными ногами и длинной черной косой. Настоящая кубанская казачка.

Кроме медсанбата, в этой же деревне квартировали еще и дивизионные артиллеристы, а также кое-какие тыловые службы. Так что не успела Вилора разобрать чемодан и разложить вещи на выделенную ей полку, как в дверь деликатно постучали.

— Войдите, — отозвалась она, гадая, кто бы это мог быть.

Дверь тут же распахнулась, и на пороге появились три бравых офицера.

— Разрешите представиться, — гордо заявил первый из них, — старший лейтенант Колодяжный... АНП доложил, что в расположении медсанбата появилось новое и весьма симпатичное лицо, поэтому я, как старший по гарнизону, поспешил представиться и предложить свою помощь в разведке местности. — И старлей Колодяжный лихо подбросил ладонь к обрезу фуражки, громко брякнув каблуками об пол.

— Кто доложил? — недоуменно переспросила Вилора.

— АНП, — с готовностью повторил старший лейтенант, — артиллеристский наблюдательный пункт, в лице вот, — он обернулся и кивнул на еще одного офицера, в котором Вилора признала молоденького попутчика, — лейтенанта Рузого...

* * *

Добредя до угла, где валялась ее шинель, Вилора устало опустилась на пол. Сима, операционная сестра, лежавшая рядом, положив голову на полено, чуть приподнялась.

— Ну что спрашивали?

Вилора зябко передернула плечами.

— Так... ерунду всякую.

Сима понимающе кивнула, но не удержалась и спросила:

— А кто из ребят выжил, не знаешь?

Вилора понимала, почему Сима задает этот вопрос. За последний месяц у той очень серьезно закрутилось с Пашей, тоже военфельдшером, который, однако, был кадровым и служил в медсанбате с самого первого дня. А когда они уходили — Паша остался в деревне вместе с танкистами Толубеева. Они знали от местных, что из ребят Толубеева погибли не все, оставшиеся заперты вместе с мужчинами из медсанбата. Так что шанс, что Паша выжил, был. Но пока Симе не удалось выяснить, так ли это на самом деле. Мужчин содержали более строго, чем их. Даже еду им носили сами немцы.

Вилора мотнула головой:

— Нет.

Сима вздохнула и, ткнув в полено рукой, будто оно было подушкой и его требовалось взбить, вновь опустила голову...

* * *

Следующие два с половиной месяца оказались для Вилоры самыми счастливыми за последний год. Внешняя суровость Ольги Порфирьевны скрывала добрую душу вечной няни, находящей особое удовольствие в возне с сопливой молодежью. Тем более что для этого были все условия. Медсанбат развернули по штатам военного времени, поэтому на то количество личного состава работы, которая была в наличии, оказалось чрезвычайно мало. Раненых не было вообще, а со скудным ручейком больных и травмированных вполне справлялись полковые медицинские пункты. Так что Ольга Порфирьевна, дабы личный состав окончательно не обленился от безделья, затеяла что-то вроде курсов повышения квалификации. К преподаванию на которых, к немалому удивлению Вилоры, привлекли и ее. Сказалась отличная учеба в институте.

А вообще все было замечательно. Вечером молодежь собиралась у мельницы, где прежний владелец специально выровнял площадку для разворота подвод с зерном, допоздна пели песни, а часто и танцевали, если адъютант гаубичного дивизиона капитан Мокрушенко, оказавшийся счастливым обладателем новенького патефона с набором самых модных пластинок, не был на дежурстве или артиллеристы в полном составе не убывали на стрельбы.

Они с Лидой оказались в положении местных королев, но, поскольку девушек их возраста было немного, а молодых парней наблюдался явный

переизбыток, особенного соперничества не возникало. Тем более что Лида напропалую кокетничала со всеми, а Вилора держалась несколько отстраненно. За ней сразу же начал активно ухаживать тот самый старший лейтенант Колодяжный, носивший очень милое имя Костя. Но у нее в душе еще кровоточила рана, нанесенная Николаем, поэтому Вилора принимала ухаживания неохотно, предпочитая отношения ровно-дружеские и никак не показывая, что выделяет его среди других. Костю подобное явно обижало, но он не сдавался, продолжая планомерную осаду, то прокрадываясь рано утром к ее окну и втыкая между рамами букетики полевых цветов, то привозя ей после однодневной командировки в город флакончик жутко модных и дорогих духов «Красная Москва» и ревниво следя за тем, чтобы во время танцулек «на мельнице» Вилора не танцевала ни с кем, кроме него.

Между тем жизнь шла своим чередом. На страну накатывало лето. По вторникам в деревню приезжала кинопередвижка, и тогда на бревенчатой стене старой конюшни развешивали простыни, а на выгоне усаживалось все население деревни, от военных до гражданских, и смотрело новые советские фильмы. А также кинохронику. Когда демонстрировали «Если завтра война», деревенские девки восторженно пялились на молодых офицеров, а те смешно пыжились и выпячивали грудь.

На политинформациях медиков настойчиво призывали «не терять бдительности» и «не поддаваться на провокации». А местные бабы, набранные в штат в качестве прачек и санитарок, шушукались то о черной корове с одним рогом, повадившейся шастать по окрестным лесам, то о безногом двухголовом младенце, народившемся у лесничихи из соседнего района, то о курице, несущей черные яйца. Слухи все время менялись, но выводы из них повторяли друг друга, как однояйцовые близнецы. Мол, не к добру это все — быть беде. Но у Вилоры, как и у всех остальных из компании молодежи, что собиралась по вечерам «на мельнице», все эти слухи вызывали только смех. Ну и придумают же глупые, суеверные бабы!..

Однажды вечером, когда они с Костей возвращались с посиделок «на мельнице», лейтенант внезапно остановился у ветлы, растущей на самой окраине, и, взяв Вилору за руку, прижал ее ладонь к своей груди.

— Чувствуешь, как бьется?

— Да.

— А оно, Вилора, бьется не просто так. Оно так бьется, потому что ты рядом, понимаешь? — Он смотрел на нее, ожидая ответа.

Но Вилора только растерянно молчала. Костя... он был хороший.

Сильный, добрый и честный. Но она пока была не готова к новой любви...

* * *

Вечером в прачечную принесли похлебку. Санитарки, кухарки и прачки из местных баб были отпущены практически сразу. Вернее, плавно перешли в подчинение уже немецких тыловых служб. То есть для них особенно ничего не изменилось. Они также кухарили, готовили и прибирались, вот только на солдатах и офицерах, за которыми они ухаживали, теперь была другая форма, да язык был менее понятен.

Котелок Вилоры пропал где-то там, вместе с вещами в разбомбленной избе, поэтому она ела из треснувшей глиняной миски. Миска слегка подтекала, из-за чего Вилоре доставалось где-то на четверть меньше, чем остальным. Но ей хватало. Она уже давно привыкла есть мало, к тому же заняться в прачечной было совершенно нечем. Только лежать и спать...

* * *

Медсанбат подвергся налету в первые же часы. А может, немцы метили вовсе не медсанбат. В конце концов, на другом конце деревни располагались артиллеристы. Однако досталось всем и по полной.

Ольгу Порфирьевну убило сразу, когда она, на ходу надевая белый халат, бежала через улицу в сторону старых господских конюшен, где у них были оборудованы палаты и процедурные. Хищный остроносый самолет с неубирающимся шасси, освободившись от груза бомб на дальнем конце деревни, не стал отворачивать в сторону, а пронесся над деревней на бреющем, поливая улицу из пулеметов. То ли он не заметил белый халат, то ли летчику было совершенно наплевать, но длинная очередь буквально подкинула легкую Ольгу Порфирьевну и швырнула об забор.

Кто-то отчаянно заголосил, кто-то из солдат-санитаров рванул к лежащему телу, а Вилора, только-только выскочившая на крыльцо, замерла, вцепившись в косяк двери. Несмотря на свой студенческий опыт в препарировании трупов, она впервые видела, как буквально мгновение назад живой, знакомый и уже успевший стать дорогим человек переходил в разряд принадлежности анатомички. И это заставило ее оцепенеть.

А в следующее мгновение ей в спину чувствительно ткнулся крепкий кулачок Лиды, буквально вытолкнувший с крыльца.

— Ну чего стоишь? Побежали!

И они бросились по улице. Но не успели пробежать и шести шагов, как сверху вновь послышался вой пикирующего самолета, и обе, не сговариваясь, рухнули за срубом колодца, что возвышался посреди улицы. С той стороны сруба гулко застучало, и верхние бревна венца встопорщились щепками. Вилора зажмурила глаза и, обхватив руками голову, вжалась в бревна.

— А-ай! — взвизгнула Лида.

Вилора с трудом заставила себя открыть глаза и испуганно посмотрела на подругу. Та сидела, скрючившись и вцепившись в ногу. На чулке, под коленкой, чуть выше обреза узких голенищ, которые Лиде точно по ножке ушил какой-то из очередных ее воздыхателей, расплывалось красное кровавое пятно.

Вид крови отчего-то вышиб Вилору из ступора, в котором она пребывала с момента смерти Ольги Порфирьевны. Она вздрогнула и отчаянно огляделась вокруг в поисках санитарной сумки. На той неделе Ольга Порфирьевна издала распоряжение, предписывающее санинструкторам в целях повышения боевой готовности постоянно носить с собой санитарную сумку, но они с Лидой были военфельдшерами, и их это как бы не касалось. Поэтому их сумки хранились в процедурной, все там же, на старых конюшнях. Вилора зло скривилась и, отчаянно оскалившись, рванула зубами рукав белого халата, который держала в руках.

— Ты что, халат?! — прошипела Лида, но Вилора уже согнулась над ее коленом, торопливо накладывая повязку. Она успела сделать два оборота, когда над головой вновь послышался знакомый заунывный вой. Но Вилоре не было времени отвлекаться. Она делала то, чему училась, то, что должна была делать. Поэтому все, что творилось там, снаружи этого дела, не способно было ее отвлечь...

«Ничего, до конца налета сойдет, а там продезинфицируем и наложим правильную повязку. Судя по всему, кость не задета, значит, рана не опасна. Ничего, Лидочка, все у нас еще с тобой будет хоро...» Додумать Вилора не успела. Она как раз трудилась над рукавом, разрывая его обрез на две ленточки, которыми собиралась зафиксировать эту повязку, когда с неба вновь гулко застучало, и в следующее мгновение Лида как-то странно вздрогнула всем телом, судорожно всхлипнула и... мертво сползла по срубу на землю, уставившись в небо остекленевшими глазами. Вилора оцепенела, ошеломленно глядя на подругу, а затем медленно подняла лицо вверх, к небесам, с которых пришла еще одна смерть, и горько, без слов, по-бабьи

завыла...

Налет кончился так же внезапно, как и начался. Вот вроде еще мгновение назад метались по небу злобные твари с крестами на крыльях, поливая улицы и дома тяжелыми струями свинцовой смерти, а потом вдруг исчезли, напоминая о себе только затихающим вдалеке гнусным воем моторов. Несколько минут ничего не происходило, как будто люди сразу не поверили, что все это внезапное пиршество смерти кончилось, и на этот раз — пронесло, а затем деревня начала потихоньку оживать.

Вилора очнулась от того, что молоденький парнишка-санитар тихонько тряс ее за плечо.

— Товарищ лейтенант, а товарищ лейтенант. Там это... вас замначлеч требует. Срочно.

— А-а? — Вилора отпустила голову Лиды, которую прижимала к своей груди, и недоуменно посмотрела на санитара. Как, она еще жива?

— Товарищ лейтенант, он очень требует, — вновь настойчиво повторил санитар.

— Иду.

Вилора начала подниматься, но вдруг замерла. А как же Лида? Как же?... Что же ей...

— Так вы начет товарища лейтенанта не беспокойтесь, — правильно расценив ее нерешительность, заговорил санитар, — мы уже того... собираем всех. Товарища военврача второго ранга вон уже отнесли. Товарищ замначлеч приказал мертвецкую в омшанике на заднем дворе сделать.

В конюшнях Вилора объявилась через три минуты. Еще в дверях, услышав голос Подушного, она почувствовала, что у нее задрожали губы. Ну хоть кто-то живой, а то все умирают и умирают у нее на глазах. И хотя санитар говорил ей о том, что Кирилл Петрович не только жив, но и всю распоряжается, до тех пор пока она не услышала его голос своими ушами, эта информация оставалась для нее совершенно абстрактной.

— Кирилл Петрович!

— А, Сокольницкая... бегом сюда, в операционную!

Вилора вбежала внутрь и испуганно остановилась. Кирилл Петрович лежал на столе со снятыми штанами, а рядом хлопотала Сима, операционная сестра.

— Кирилл Петрович, что с вами?

— Видишь, зацепило. Ну ты не стой столбом, не стой. Быстро готовься к операции. Рана-то пустяковая, но пуля застряла очень неудобно. Надобно извлечь. А то сейчас поток раненых пойдет, а у нас хирургов-то — ты да я,

да мы с тобой. А я, если пулю не извлечь, хирург никакой.

— Кирилл Петрович, так мне же Ольга Порфирьевна запретила в операционную...

— Кончились те запреты, Вилора, — вздохнул Подушный...

Первый день Вилора запомнила только урывками. Раненые начали поступать, еще когда она возилась с Кириллом Петровичем. Вернее, несколько человек было и раньше, но то были свои, из санбата или артдивизиона, а потом пошли подводы из полков. Еще два или три раза были налеты, но Вилора пряталась в погребе всего однажды. Во время остальных она не могла прервать операцию. Потом налеты прекратились. Похоже, настоящей целью авиации все-таки был артдивизион, и как только артиллеристы покинули деревню, самолеты немцев потеряли к ней интерес.

Когда Вилора очередной раз сделала последний стежок и, разогнувшись, хрипло бросила: «Следующий», — кто-то положил руку ей на плечо. Вилора обернулась. Это был Подушный.

— Все, Сокольницкая, все, девочка моя. Пока конец. Иди-ка ты перекуси, а то еле на ногах держишься. Баба Устинья там славного борщеца наварила. Все уже поели, только для тебя чугунок в печи держит.

Баба Устинья верховодила среди местных кухарок.

— А-а... раненые?..

— Всех, кому требовалась немедленная операция, мы с тобой обиходили. Остальные — завтра.

Выйдя из операционной, Вилора стянула маску, перчатки и рухнула на топчан в процедурной. Все тело ломило, в висках стучало, голова была как в тумане. Она сидела так, пока ее не окликнули:

— Вилора!

Девушка подняла голову. Прямо перед ней стояла Сима с дымящейся миской и ломтем хлеба с салом.

— Вот, поешь.

Вилора кивнула и попыталась благодарно улыбнуться. Вышло не очень. Она потеряла виски.

— Голова болит? — спросила Сима.

— Что-то в висках стучит.

Сестра качнула головой:

— Это не в висках. Это канонада.

— Наши?

Сима отрицательно кивнула.

Вилора носом втянула парок, поднимающийся от миски, и тут на нее

накатил дикий голод, аж в животе засвербело. Она торопливо сцапала миску, пересела к столу и, размешав плавающую в самой середине лепешку сметаны, торопливо зачерпнула ложкой, одновременно впиваясь зубами в здоровенный, в два пальца толщиной, бутерброд из черного домашнего хлеба с толстым ломтем сала.

Наевшись, Вилора тщательно вымыла руки, умылась и, стянув халат (Боже мой, она ела прямо в халате! Да профессор Таунберг, преподаватель по специальности, за такое бы точно убил!), вышла на улицу.

Уже стемнело. Двор был заполнен людьми, большая часть которых щеголяла белеющими в темноте повязками. И несмотря на то что большинство из них были молодыми парнями, которые еще вчера точно начали бы перешучиваться и заигрывать с Вилорой, сейчас никто не обратил на нее внимания. Одни сидели кружком, другие в одиночку. Молча курили или тихо переговаривались.

Вилора прислушалась. Канонада громыхла не только впереди, но и где-то южнее и даже немного восточнее. Чуть ли не у Кобрина.

— Как там? — тихо спросила она раненого, молча сидящего на поленнице у стены с горящей папиросой, про которую он вроде как забыл. Во всяком случае, за ту минуту, что Вилора стояла рядом с ним, он не сделал ни одной затяжки.

— Говорят, немецкие танки уже на окраинах Кобрина.

— А как наши?

Раненый пожал плечами.

— Не знаю. Минск бомбили. И Киев. А еще в двенадцать Молотов выступал. С заявлением. Вероломно, дескать, напали! — Солдат зло скрипнул зубами: — Вероломно... А куды вы, мать вашу, смотрели-то? На что вы годны-то, если немец вас так объегорил? Чего в начальники-то лезли? А теперь из-за вас людям смерть принимать?..

— А ну отставить паникерские разговоры! — раздался откуда-то звонкий голос.

Вилора обернулась. К ним подходил высокий офицер со знаками различия старшего политрука на петлицах. Его левая рука была подвешена на косынке из бинтов, обернутой вокруг шеи.

— Кто это тут панику разводит? — строго продолжил он. — Как фамилия? Из какого подразделения?

— А нету боле моего подразделения. Полегли все — весь второй огневой взвод. Один я остался. Да и то ненадолго с такими-то начальничками! — зло огрызнулся раненый, выбросил недокуренную папиросу, поднялся с поленницы и двинулся в сторону риги, где были

оборудованы палаты для самых тяжелых, вчера еще пустовавшие.

Старший политрук проводил его сердитым взглядом, но остановить не решился, вместо этого развернулся к Вилоре.

— А вам, товарищ лейтенант, следует такие разговоры жестко пресекать. Не то я немедленно доложу в особый отдел, что у вас в медсанбате культивируются панические настроения.

Вилора отчего-то подумала, что этот старший политрук не из кадровых. Очень уж резануло слух не слишком привычное в лексиконе военных словечко «культивируются». И как-то отстраненно задумалась, кем он был в той прошлой гражданской жизни. Учителем? Или инструктором райкома?..

— Вам понятно?

Вилора вздрогнула.

— Так точно, товарищ старший политрук.

— Да что ж ты к человеку пристал, злыдень? — послышался из-за ее спины голос санитарки бабы Нины. — Не видишь: девонька еле живая. Шестнадцать часов у операционного стола отстояла. Эвон твою руку кто, думаешь, зашивал? А ты ей тут политинформацию вместо отдыха устроил!

Старший политрук недоуменно уставился на санитарку.

— Так это что... она — хирург?!

— Она-она, — закивала головой баба Нина. — А давай-ка, девонька, ложись. Я тебе в процедурной постелила.

— Баба Нина, да я лучше у себя...

— У тебя негде, девонька. В вашу с Лидой-покойницей, царствие ей небесное, избу бонба попала. Бурелом один да угли остались.

Вилора несколько мгновений переваривала новую потерю, затем выбросила ее из головы и покорно двинулась в сторону процедурной, едва не вывихнув челюсти в отчаянном зевке. После сытного ужина и нескольких глотков свежего воздуха, после душной и провонявшей дезинфекцией операционной неудержимо потянуло в сон.

Она улеглась на топчане, укрылась заботливо брошенной здесь же чьей-то шинелькой и, уже проваливаясь в сон, уловила обрывки голосов бабы Нины и политрука.

— Такая молоденькая — и уже хирург?

— Так нету стареньких-то. Поубивало всех. Только вот она осталась да Кирилл Петрович ранетый. В ногу. Больше чем полчаса стоять не может. Потому все на ней...

Вилора проснулась оттого, что ее сильно трясли за плечо.

— А?!..

— Вставай, девочка моя, новых раненых привезли.

— Ага. — Вилора потерла лицо рукой. — Я сейчас... Я уже...

— Ничего-ничего, время пока есть. Сима еще готовит операционную. — Кирилл Петрович разогнулся и, прихрамывая, двинулся к выходу из процедурной. В дверях он остановился, обернулся и ободряюще улыбнулся. — А у тебя легкая рука, Сокольницкая. Все, кого ты вчера прооперировала, ночь пережили. И это, считай, первые пациенты. Редкий результат, можешь мне поверить. Даже завидно...

Вилора, уже вскочившая и торопливо натягивающая халат, на мгновение замерла, со сна не сразу поняв, что это Кирилл Петрович такое сказал, потом заулыбалась и покраснела, как будто получила очень желаемый комплимент. Впрочем, может, так оно и было...

Но утро не задалось. Первый раненый умер прямо на операционном столе. Вилора как раз прошла брюшину и уже нащупала осколок, как вдруг Сима резко выкрикнула:

— Пульс пропал!

Вилора на мгновение замерла, затем решительно выдернула осколок и тут же приказала:

— Реанимацию, быстро!

Сама же, отбросив скальпель, начала массаж сердца. Сима тут же вколола магнезию и крикнула за спину:

— Кислород!..

Но все было напрасно. Они промучились двадцать минут, но добиться возобновления работы сердца так и не удалось. На шестой минуте Вилоре, правда, показалось, что вот-вот, что сердце отзывается, что сейчас пойдет пульс, но когда мертвое тело увезли, Вилора вышла в коридор, рухнула на топчан и замерла, впад в оцепенение. Спустя пять минут из второй операционной прихрамал Кирилл Петрович. Сима тут же подскочила к нему и что-то горячо зашептала. Хирург насупился, сурово кивнул и, подойдя к топчану, на котором сидела Вилора, тяжело опустился рядом.

— Ну Сокольницкая, долго будем так сидеть?

Вилора подняла на него полные слез глаза.

— Кирилл Петрович, я же все делала, как учили: и магнезию вколола, и массаж, и кислород... Я не понимаю, что я сделала не так?! — И она горько заплакала, уткнувшись ему в плечо.

Подушный обнял ее за плечи.

— Ну поплачь, поплачь... А что касается того, что ты сделала не так... все ты сделала правильно, девонька, все правильно.

— Но почему же тогда...

— А потому что сил уже у него не осталось. Скачала болевой шок, потом кровопотеря сумасшедшая, опять же внутренние повреждения... Пойми, девонька, всех спасти еще никакому врачу в мире не удавалось. Даже в мирное время, а уж теперь-то, на войне... Я все понимаю — шок у тебя. В мирное время я бы сам тебя немедленно домой оправил. С наказом жажнуть разведенного спирту и хорошенько выспаться, но... — он вздохнул, — сама видишь. Раненые потоком идут. А ты у нас, так уж вышло, основной хирург нынче. Не могу я тебе более пяти минут дать. Иначе те, кого еще можно спасти, даже до операционной не дотянут.

Вилора вздрогнула.

— Ой, Кирилл Петрович, простите, я сейчас...

— Ничего-ничего, девонька, пойдی вон умойся. А то вон глаза красные. Ничего не увидишь в ране-то.

— Ага, я сейчас...

Костю привезли уже под вечер. Вилора сразу даже и не поняла, что это он. За два дня она привыкла, подходя к пациенту, сразу же направлять взгляд на умело подготовленное Симой операционное поле, всматриваться в область повреждений. А здесь ранение было тяжелое. Множественное осколочное правого бедра и брюшной полости с повреждением верхнего отдела правой берцовой кости. И все это на фоне контузии. В принципе, шанс побороться за ногу был, но слабый и трудоемкий — на часы работы. А в коридоре ждали еще шесть раненых с показаниями к немедленной операции, поэтому Вилора приняла решение: ампутация. И уже почти перепилив кость, она бросила быстрый, беспокойный взгляд на лицо пациента, да так и замерла с пилой в руке. Это оказался Костя. Вилора несколько мгновений смотрела на него глазами, почти сразу же наполнившимися слезами, а затем сглотнула и бросила Симе:

— Промокни мне лицо, — после чего вновь заработала пилой.

Вечером, когда поток пациентов иссяк, Вилора вышла из конюшни и несколько недоуменно огляделась. Двор, еще вчера заполненный ранеными, оказался наполовину пуст. Вилора оглянулась. Из прачечной бодро выкатилась баба Нина с тазом стиранных простыней и принялась сноровисто развешивать их на веревке.

— Баба Нина, а где все?

— Кто, девонька?

— Ну... раненые.

Санитарка заулыбалась.

— Ох ты господи, совсем уморилась, милая! Небось, опять цельный

день из операционной не выходила. Увезли их. Часов в восемь еще. Санитарные машины из госпиталя пришли.

— А Костю?

— Кого?

— Ну... раненый был, старший лейтенант Колодяжный. Я ему еще, — тут голос Вилоры предательски дрогнул, но она справилась с собой и закончила, — ногу ампутировала.

— Ах, Костю-то, так и его увезли. Теперь их в госпитале лечить будут или вообще в тыл отправят. Костю-то уж точно. Для него теперича война закончилась.

Никто из них даже не подозревал, что всего через полчаса после того, как машины загрузились ранеными, в десяти километрах от медсанбата санитарная колонна наткнулась на колонну танковой дивизии вермахта и была в упор расстреляна из пушек. Не выжил никто...

На следующее утро медсанбат подняли в половине пятого. И не потому, что привезли новую партию раненых. В старую конюшню вбежал какой-то майор в танкистском комбинезоне и с наскоро замотанной уже замызганными бинтами головой и закричал:

— Подъем! Быстро!

Вилора оторвала голову от тощей подушки, не особенно смягчавшей вздернутый верх топчана, и заспанно завертела головой.

— Что случилось? — послышался сонный голос Кирилла Петровича. — И кто вы такой, собственно?

— Майор Толубеев, командир второго батальона, — представился танкист. — Приказ комдива: немедленная эвакуация. Немцы захватили Кобрин и перекрыли дорогу на Пружаны. Части дивизии уже начали отход в восточном направлении. Вам приказано...

— Товарищ майор, — перебил его Кирилл Петрович, — но... мы не сможем. У нас практически не осталось транспорта. Санитарная машина всего одна, а подводы...

— Ничего не знаю! — возвысил голос майор. — Вы что, не понимаете? Немцы вот-вот будут здесь.

Кирилл Петрович на мгновение задумался.

— Ну хорошо. Но вы не могли бы выделить нам в помощь...

— Доктор, — танкист стиснул Подушного за плечо, — от моего батальона осталось два танка. И полсотни бойцов. Если немцы ударят сейчас — они сомнут нас за полчаса. Если не быстрее.

— Но... как же так? — недоуменно начал Кирилл Петрович. — Мы же не можем бросить раненых, и потом...

Но танкист его уже не слушал, развернулся и выбежал наружу.

Следующие два часа они суматошно готовились к эвакуации. Подвод не хватало. К тому же остатки второго батальона майора Толубеева, занявшие оборону в поле у западной окраины деревни, вновь привлекли внимание вражеских самолетов, появившихся через полчаса после рассвета. И хотя налет был только один, да и бомбы все легли на позициях танкистов, один самолет пару раз прошелся над деревней, поливая огнем бортовых пулеметов. И хотя убило всего двоих, одной из погибших оказалась баба Нина...

В путь тронулись около семи утра. Слава богу, большую часть раненых увезли еще вчера, так что кое-как всех удалось разместить. Последние подводы еще только выезжали из деревни, когда на противоположном конце, там, где заняли оборону танкисты, загрохотало. Вилора вздрогнула и зябко поежилась.

— Минометы бьют, — угрюмо буркнул раненый, сидевший на подводе рядом с ней. — Значит, скоро в атаку двинутся.

— Да уж точно, — отозвался другой, — знамо дело. Ежели бы не собирались, так и не бомбили бы с утра. Немец — он зазря бомбы бросать не будет. Ежели бомбят — значит, атакуют... — И солдаты замолчали, видно задумавшись об одном и том же. Сколько сумеют продержаться бойцы Толубеева и хватит ли им этого времени, чтобы выскользнуть из мешка, который вот-вот должен был сомкнуться вокруг остатков танковой дивизии. Не зная о том, что мешок уже сомкнулся...

На немцев они наткнулись всего через три километра от деревни. Те, похоже, заметили их издалека и затаились на опушке, ожидая, пока подводы медсанбата пойдут поближе. А затем просто вышли из кустов или выкатились из высокой травы.

— Хальт! — проорал стоявший впереди, вскидывая руку. Он был не слишком высок, курнос, черноволос и довольно молод. Рукава его мундира были закатаны по локоть, голова обнажена, а поскольку в руках у него в отличие от окружающих не было никакого оружия, Вилора сразу подумала, что это, наверное, офицер. Так оно и оказалось.

Их разоружили, что, впрочем, оказалось нетрудно. С шестнадцати подвод немцы собрали только дюжину винтовок и несколько пистолетов. Подушному даже пришлось перелопатить весь чемодан, для того чтобы отыскать свой штатный ТТ.

Вилора все время ожидала, что вот-вот начнется что-то страшное, что немцы начнут расстреливать раненых или грабить и насиловать, но все обошлось. Немцы велели разгрузить три подводы, выделили десяток

конвоиров и приказали разворачиваться и возвращаться обратно. Приказы отдавались большей частью жестами, сопровождаемыми криками: «Шнеллер!», что означало, — Вилора помнила из институтского курса немецкого, — «Быстрее!»

После чего они разошлись. Немцы, за исключением конвоиров, двинулись дальше на восток, а санбат обратно на запад.

До деревни они добрались через час. Еще за триста метров до окраины, едва перевалили взгорок, в глаза бросился сгоревший БТ, на котором ночью в санбат приезжал майор Толубеев. А может, это был другой, ведь майор говорил, что у него осталось два танка. Танк был полностью покрыт копотью, а из-под свернувшихся, будто листки бумаги под огнем, кормовых капотов все еще струился в небо черный дым.

В деревне уже всю хозяйничали немцы. Конвоиры приветственно заорали и замахали руками, и на дороге тут же высыпало множество немцев. Они чувствовали себя совершенно спокойно, практически все были без оружия, в расстегнутых или даже вообще снятых кителях, кое-кто в подтяжках поверх белых нательных рубаш.

Когда подводы ехали сквозь толпу, Вилора чувствовала, как взгляды скользят по ней, будто что-то липкое, а они все пялились на нее и хохотали, нагло скаля зубы и тыкая в нее пальцами.

Подъехали к старым конюшням, где им велели разгружаться. После чего мужчин загнали в подвал, а женщин — в бывшую прачечную. И до самого вечера их никто не беспокоил. Только уже перед самым закатом все те же кухарки из местных, которые готовили на медсанбат до эвакуации, принесли казан с похлебкой, сообщив, что немецкий командир приказал им, после того как они накормят его роту, приготовить поесть и пленным. Благо продуктов в кладовых осталось довольно много, потому что в первую голову грузили раненых, медицинские препараты и оборудование, а все остальное — как получится.

Уже ночью, когда они с Симой лежали у стены, за большим котлом, в котором прачки кипятили замызганные кровью простыни, та внезапно подвинулась к Вилоре и тихо прошептала:

— Как ты думаешь, нас убьют?

Вилора несколько мгновений лежала, молча глядя в потолок, а потом безразлично пожала плечами:

— Не знаю. Пока не убили. Может, и дальше...

Сима сильно зажмурила глаза и несколько мгновений лежала так, потом открыла.

— Знаешь, когда я была маленькой, у меня был хороший способ

убежать от неприятностей. Я сильно-сильно зажмуривала глаза и накрывалась с головой одеялом. И так засыпала. А наутро всегда все оказывалось хорошо... ну или хотя бы гораздо лучше, чем было вчера.

Вилора горько вздохнула и ответила:

— Мы уже большие, и нам совершенно нечем накрыться с головой. Даже шинелей нет...

А на следующее утро в расположении немецкой роты появился тот самый толстый фриц в очках и черной форме, и их по одной начали вызывать на допросы.

Следующие два дня были похожи друг на друга, как братья-близнецы. Они ели, спали, время от времени кого-то уводили на допрос. И лишь на третий день с утра во дворе внезапно послышался какой-то шум.

В те времена, когда в этом здании располагалась конюшня, помещение, в котором разместились прачечная, видимо, использовалось как сеновал, поэтому никаких окон здесь предусмотрено не было, за исключением нескольких отдушин прямо под стрешней, так что увидеть, что происходит во дворе, не представлялось возможным. Поэтому все лишь замерли, прислушиваясь. Во дворе ругались. Один голос звучал зло и временами срывался на визгливые нотки, а второй — глухо и едва различимо. Но что-то знакомое в нем угадывалось.

— Подушный? — недоуменно произнесла Сима.

Вилора вслушалась. Похоже, действительно второй голос принадлежал Кириллу Петровичу.

— С кем это он? — Сима замерла, а затем ее лицо озарилось надеждой. — А может, наши? Может, наступление?

Вилора с сомнением качнула головой.

— Так стрельбы же не было.

— А может, ночью тихонько подобрались и...

— Всех? — все еще недоверчиво повторила Вилора, хотя ей уж очень, очень-очень, ну просто очень-очень-очень захотелось поверить в чудо.

И в этот момент раздался выстрел. Все оцепенели. Шум на дворе утих. Несколько мгновений ничего не происходило, а затем снаружи загрохотал засов. Женщины молча смотрели на распаивающиеся створки, уже не надеясь, что увиденное принесет хоть какую-то надежду. Так оно и оказалось. В ворота вошел уже знакомый всем толстый очкастый немец в черной форме с двумя солдатами в болотно-зеленой форме полевых войск, держащими наперевес винтовки. Толстяк остановился и, щурясь со свету, окинул прачечную взглядом.

— Фрейлейн лейтенант Сокольницкая, — повелительно бросил он.

Вилора замерла, потом беспомощно оглянулась на Симу. Та смотрела на нее отчаянным взглядом.

— А-а, фрейлейн, — обрадовался немец, перехватив скрестившиеся на Вилоре взгляды. — Прошу следовать са мной.

Вилора медленно поднялась на ноги и двинулась к немцу. Тот не стал дожидаться, пока она подойдет вплотную, развернулся и вышел из прачечной.

Выйдя следом, Вилора остановилась и зажмурилась. После глубокого сумрака, царившего внутри, глаза резануло. А когда она смогла наконец открыть их, то невольно вскрикнула, зажав ладонями рот. Посреди двора, в какой-то неестественной вывернутой позе лежал Кирилл Петрович, а на его лбу алело маленькое красное пятнышко, как будто он замарался и не стер...

— ...будете более благоразумный, фрейлейн лейтенант. Ми надеяться на ваше сотрудничество.

— Что? — Вилора вздрогнула и отшатнулась. Оказывается, толстый фриц все это время что-то ей втолковывал. Немец нахмурился. Судя по всему, ему не понравилось, что она не слушала. Однако на первый раз он решил оставить без наказания подобную невнимательность и еще раз повторить.

— Там, — он указал в сторону той части старой конюшни, где раньше располагались операционные и процедурная, — есть несколько солдат унд офицер великий рейх, который требуют срочный медицинский помощь. Ви должен оказать ее.

«Так вот оно в чем дело!.. Они пытались заставить Подушного оперировать своих солдат, а он отказался. Ну так и она тоже не будет!» Но высказать все, что надумала, Вилора не успела. Похоже, немец все понял по ее мгновенно заledenевшему взгляду. Потому что его лицо искривилось в презрительной усмешке.

— Если вы будете упорство, то ми будем наказывать ваш люди, — с этими словами немец развернулся и махнул кому-то рукой.

Вилора повернула голову. Спустя несколько секунд из подвала, где содержались мужчины, выволокли несколько человек, среди которых Вилора увидела Пашу. Немец пролаял короткую команду. Солдаты отделили от группы двоих и поставили у стены конюшни, лицом к стене. Напротив выстроилось четверо немцев. Вилора оцепенела. Толстяк в очках несколько мгновений смотрел на Вилору, а затем снова что-то приказал. Солдаты вскинули винтовки.

— Нет! — возглас вырвался у девушки сам собой, помимо ее воли.

— Что ви решать, фройлейн лейтенант?

— Я... мне... я должна осмотреть ваших раненых.

Немец неторопливо развернулся.

— Ви следовать за мной.

Раненых оказалось шестеро. Четверо солдат и двое офицеров. Тяжелый был только один — офицер с проникающим ранением легкого. Судя по всему, весь сыр-бор разгорелся как раз из-за него, потому что остальные были вполне транспортабельны.

— Что вам необходимо, чтобы вы приступить операций?

— Мне нужны помощники...

— Ви их получить.

— ...и инструменты. А еще нужно приготовить горячую воду, бинты и... — Вилора быстро перечислила все необходимое.

Немец величественно кивнул.

— Карошо, ваши инструменты и медикен принадлежность сложены вон там. Помощники отобрать сами. Но должен предупредить: если кто-то из раненых умрет — мы расстрелять ваши люди. По три человека за каждый умерший.

Вилора торопливо кивнула, уже почти бегом направляясь к воротам прачечной. Ей срочно нужна была Сима. Немец очень плох, и каждая минута теперь на вес золота...

Оперировать последнего солдата она закончила, когда уже стемнело. Как выяснилось, во время боя, который вели танкисты майора Толубеева, операционные сильно пострадали. В них не осталось ни одной целой операционной лампы. Но толстый немец подсуетился и поставил в операционной трех солдат с мощными аккумуляторными фонарями, обрядив их в белые халаты из запасов медсанбата. И освещение, и дополнительная охрана, что в сложившейся обстановке было совершенно нелишнее.

Сима поначалу так же категорически отказалась помогать оперировать немцев.

— Пусть хоть режут, хоть расстреливают, — категорически заявила она, — а жизни их поганые спасать не буду! Да и тебе как такое в голову пришло? Они ж, как выздоровеют, — снова наших убивать будут. Пусть лучше подохнут!

Вилора молча, страдая оттого, что ей приходится делать с подругой, взяла ее за руку и подвела к воротам.

— Пашку видишь?

— Пашка! — просияла Сима. — Живой!

Вилора вздохнула.

— Пока — да. Но если мы не будем оперировать их раненых, немцы грозятся расстрелять их всех.

— Расстрелять?! — Глаза Симы тут же наполнились слезами.

Вилора молча кивнула и добавила:

— А если кто-то из раненых умрет — будут расстреливать по три человека за каждого умершего. — И закончила совсем тихо: — А один там уже почти отошел.

— Да что ж ты стоишь?! — испуганно завопила Сима, выскакивая из прачечной. — Давай быстрее!

Того офицера они все-таки вытянули. Хотя повозиться пришлось — в легком уже начался абсцесс. С остальными было легче. Когда девушки вышли из операционной после того, как закончили с офицером, их встретил фриц в очках. Он сидел в процедурной и жутко потел.

— Как операций? — вскочил он на ноги, завидя их.

Вилора развязала марлевую повязку и устало буркнула:

— Нормально. Жить будет. Сейчас пять минут посижу, и давайте остальных...

На ночь их с Симой даже не стали запирасть в прачечной, а разрешили переночевать здесь же, в процедурной. Уже засыпая, Вилора с удивлением подумала, какой круговорот совершила жизнь. Несколько дней назад она вот так же уже засыпала здесь после целого дня почти непрерывных операций, потом были неудачная эвакуация, плен, допросы и... все вернулось на круги своя.

На следующий день прямо с утра приперся очкастый немец и сообщил, что вчерашний офицер пришел в себя и желает видеть «фройляйн хирург». Вилора встала, умылась, причесалась и покорно поплелась за толстым фрицем.

Офицера разместили не в риге, где лежали остальные раненые, а в одной из сохранившихся изб, шагов на пятьдесят дальше по улице. Офицер лежал на широкой кровати с никелированными шариками, укрытый лоскутным одеялом. Когда Вилора вошла, он повернул голову и посмотрел на нее своими влажными, немного навывкате глазами. Вилора опустила взгляд. Офицер что-то спросил. Толстый немец подобострастно улыбнулся и, повернувшись к Вилоре, перевел:

— Герр гауптман интересуется, не слишком ли он вас утомил?

— Нет, — буркнула Вилора и отвернулась. Ее совсем не интересовали ни этот немецкий офицер, ни толстый очкарик рядом, а единственное, чего ей сейчас хотелось, так это поскорее вернуться обратно в прачечную к своим.

Лежащий офицер снова что-то сказал. Толстый немец всплеснул руками и что-то залопотал в ответ. Офицер нахмурился и снова что-то сказал, уже гораздо более раздраженным тоном. Толстый покорно кивнул и повернулся к Вилоре.

— Герр гауптман заметил, что вы очень устало выглядите. Он предлагает вам присоединиться к его завтраку...

Вилора вскинулась, собираясь резко ответить, но лежащий офицер ее опередил, быстро протарабанив толстому. Тот согласно кивнул и продолжил:

— Герр гауптман просит не отказываться. У него в машине еще осталась банка устриц, немного французского камамбера и бутылка настоящего «Медок». Он просит вас быть его гостя, — а затем добавил, похоже, от себя: — Я би вам очень не советовать раздражать герр гауптман. Его отец — очень и очень высокопоставленный лицо в рейх. Заслужив его расположений, ви можете серьезно облегчить положение ваш товарищи.

Так вот почему они так суетились! Небось знатный папенька-аристократ со свету бы сжил, если бы они его сыночка не вытащили. Все они такие, буржуи проклятые, — сами за свою жизнь трясутся, а на простой народ наплевать...

Вилора исподлобья посмотрела на сына высокопоставленного лица. Тот глядел на нее спокойно и как-то доброжелательно, что ли?.. Толстый очкарик, например, всегда смотрел на нее гораздо пренебрежительнее, с таким высокомерием, свысока. А этот — нет.

Молчание затянулось, и толстый воспринял его как знак согласия. Он подошел к окну, распахнул его и что-то крикнул на улицу. Спустя минуту в сенях загрохотали сапоги, и в комнату ввалился дюжий немец в черной форме, не слишком похожей, но все же чем-то неуловимо напоминающей комбинезон, что носили наши танкисты, только с вышитым белыми нитками орлом и свастикой на груди справа и в черной же пилотке. Немец нес саквояж и корзинку, накрытую белым рушником. Аккуратно опустив поклажу, он одним движением придвинул массивный круглый стол, стоявший посредине комнаты, вплотную к кровати офицера, молниеносно накрыл его белой скатертью и принялся сервировать стол. Через несколько минут Вилора с некоторым ошеломлением обнаружила себя за столом, сервированным так, как до этого она видела только в кино про прошлую жизнь. Серебряные подтарельницы, серебряное же блюдо с устрицами, яркое пятно омлета на кипенно-белом фарфоре, хрустальные бокалы с вином, серебряные ножи, вилки и чайные ложечки и желтое деревенское масло в фарфоровой масленке. Офицер с легкой улыбкой посмотрел на нее,

а затем что-то произнес. Толстый немец, уже пустивший слюну глядя на все это великолепие, торопливо перевел:

— Герр гауптман говорит, что ему не всегда удастся позавтракать с таким комфортом. Трудность походной жизни. Но сегодня он не мог отказать себе в удовольствии оказать должный уважение очаровательной фрейлейн хирург. И просит фрейлейн разделить с ним его скромный трапеза.

Но на Вилору эта фраза произвела совсем не то впечатление, на которое «герр гауптман», похоже, рассчитывал. Она насупилась и слегка отодвинулась от стола. Вот еще! Будут всякие фашистские буржуи называть ее очаровательной. Офицер несколько посмурнел. Дюжий танкист с щегольской ловкостью откупорил бутылку и, налив немного вина в бокал, изящным жестом даже не подал, а преподнес его своему командиру. Офицер взял бокал за тонкую ножку, слегка качнул, чтобы вино всплеснулось на стенки, внимательно посмотрел, как оно стекает обратно, затем поднес к носу, вдохнул и лишь после этого чуть пригубил. Вилора удивленно уставилась на него. Это он что, опасается, что его отравят, что ли? Впрочем, что-то у него там было из Франции, может, и вино тоже? Так что вполне может быть, что французские трудящиеся... Додумать она не успела. Потому что офицер удовлетворенно кивнул и что-то сказал танкисту. Тот молча наклонил голову и, протянув руку, как-то очень красиво наполнил бокал, стоящий напротив Вилоры. После чего долил в бокал офицера и в последнюю очередь немного плеснул толстому немцу. Вилора даже про себя восхитилась: как вроде бы одним и тем же движением он сумел выразить несколько разных чувств. Ей он наливал вино с таким изяществом, будто пританцовывая, офицеру с глубоким почтением, а толстяку небрежно, будто бросая милостыню. И оказался настолько выразителен, что это поняли все. Губы офицера вновь тронула улыбка, а толстяк побагровел и насупился...

Когда Вилора, слегка хмельная, вернулась в конюшню, там уже все бурлило. Толстый немец стоял посреди двора и что-то орал. Двери прачечной были распахнуты, и оттуда, щурясь от яркого света, выходили женщины. Вилора довольно и немножко гордо кивнула сама себе. О, как!

— Что случилось? — слышался из-за спины голос Симы.

Вилора счастливо улыбнулась.

— А я немцев раскрутила наших отпустить.

— Всех?

Вилора мотнула головой.

— Пока только женщин. Но Курт обещал, что чуть позже отпустят и

остальных...

Когда они покончили с омлетом, герр гауптман спросил, как он может отблагодарить «очаровательную фрейлейн хирурга» за спасение его жизни. Вилора ждала этого вопроса, вернее, нет... не ждала, но очень на него надеялась. Поэтому выпалила сразу:

— А вы отпустите нас.

Толстый немец дернулся.

— Прошу простить, фрейлейн лейтенант (похоже, он специально назвал ее лейтенантом, чтобы подчеркнуть принадлежность к армии), но вы есть военнопленный. И ваш просьб не имеет смысла.

— А я вас не спрашиваю! — огрызнулась Вилора. — Переводите — так переводите.

Толстяк сердито поджал губы и раздраженно заговорил. Офицер выслушал его, потом задумчиво повертел в руках бокал с остатками вина и... внезапно улыбнулся. А затем заговорил. Причем толстый фриц, услышав его, вытаращил глаза и даже попытался что-то возразить, но офицер оборвал его одной фразой. Вновь что-то сказал весьма повелительным тоном. Толстяк снова побагровел, причем еще сильнее, чем прежде, повернулся к Вилоре и заговорил явно с натугой.

— Герр гауптман говорит, что это можно сделать. Во всяком случае, в отношении женщин. Только они должны для этого снять форму и зарегистрироваться в местный управа как гражданский лицо. Что же касается мужчин, то с этим может быть немножко сложно. Но герр гауптман готов поспособствовать и этому. С одним условием.

— Каким? — с замиранием сердца спросила Вилора. Да она была готова выполнить любое условие. Даже если бы он потребовал, чтобы взамен ее саму заперли бы в подвале. Или даже расстреляли. Пусть! Зато все остальные останутся живы.

— Здоровье герр гауптман пока находится в не очень хороший состояний, поэтому герр гауптман просит вас остаться при его персоне до полный выздоровлений.

Вилора вздрогнула. Как?! Ей?! С этим немцем?! Ну то есть он вроде как оказался вполне себе ничего, даже где-то симпатичный, но он же враг, фашист, буржуй недобитый! Да она никогда...

Офицер развел руками и что-то произнес. Толстяк довольно хмыкнул.

— В противном случае герр гауптман просто не рискнет отправиться в Брест-Литовск, чтобы переговорить с комендант. А только лишь комендант может принять решение относительно ваш пленный мужчины.

Вилора опустила голову. Что делать? Нет, если бы ей угрожали

пытками, расстрелом, она бы нашла что ответить. Она бы просто... да, рассмеялась бы им в лицо. И гордо встретила бы смерть. А тут...

Офицер вновь заговорил. Толстяк прислушался, а затем довольно захихикал.

— Герр гауптман говорит, что у него появился идея предложить герр комендант воспользоваться ваш госпиталь для оказания помощи раненый пленный. У нас сейчас образоваться очень много ваш пленный. И среди них много раненый. Так что если бы ему удалось убедить герр комендант использовать ваш госпиталь для лечения раненый пленный, вы спасти много жизнь и пленный.

— У нас не госпиталь, а медсанбат, — огрызнулась Вилора. — И потом, из хирургов я осталась одна. Если я уеду, кто будет лечить наших пленных?

Толстяк на мгновение задумался, а затем ответил сам:

— Ваш более старший хирург оказался очень мужественный офицер и отказался лечить наш солдат унд офицер. Я думаю, что среди ваш пленный тоже есть такой. Но ваш пленный солдат унд офицер они будут лечить. Так что все в порядке. — Он замолчал, испытующе глядя на Вилору.

Девушка напряженно размышляла, закусив губу. Что делать-то? Некоторое время в комнате висела напряженная тишина, наконец офицер произнес еще какую-то фразу. Толстяк торопливо перевел:

— Герр гауптман обещает, что как только его здоровье уже ничего не угрожать, он вернет вас обратно.

Вилора вздохнула:

— Ладно, я согласна.

Толстяк быстро оттарабанил что-то офицеру, угодливо хихикнув при этом, и вскочил на ноги:

— Я немедленно идти распоряжаться насчет женщин, а вы пока заканчивать завтрак с герр гауптман... — И он вышел из комнаты. Когда Вилора вновь повернулась к герру гауптману, дюжий танкист уже заканчивал вновь наполнять ее бокал. Офицер приподнял свой и улыбнулся.

— Курт, — четко сказал он и качнул бокалом в свою сторону.

Вилора вымученно улыбнулась в ответ и тихонько буркнула:

— Вилора, — после чего собралась с духом и ухнула весь бокал залпом. Она не собиралась тут расслаживаться, когда там девчат будут выпускать из прачечной...

Сима насторожилась.

— Да ты что, пьяная, что ли?

Вилора смутилась.

— Ну... чуть-чуть.

Сима поджала губы.

— С фашистами пьешь?

Вилора разозлилась, она договорилась о том, чтобы их освободить, а Симка тут ей в глаза тыкает одним бокалом... ну двумя.

— А сама бы пошла и всех освободила, если такая умная!

— Меня никто не приглашал! — огрызнулась Сима. — А пригласили бы — я бы им так дала, что все глазенки бы их бесстыжие повыскакивали! И уж точно пить бы с ними не стала.

Вилора почувствовала, как у нее задрожали губы. Она резко отвернулась и бросилась в процедурную. Ну зачем Сима так?.. Как будто Вилора сделала что-то совсем постыдное... Ну да, ну сделала, но она же не для себя! Для всех. Ее же всегда так учили: подчинять личное общественному, в первую очередь думать о других. То есть, конечно, было бы в сто раз лучше, если бы ради других она пошла на муки, на пытки, на расстрел, наконец. Тогда бы все было правильно. Все понятно. Но неужели Сима думает, что ей было приятно торчать в той хате, за тем столом и пить с фашистами это дурацкое вино? Но она же смогла заставить их (ладно, уговорить) выпустить всех наших. Ну почти...

Вечером Вилора сидела на поленице, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку. То, что она всех спасла, никто не оценил. Для остальных более важным оказалось то, что она лечила немцев, а также пила с ними. Об этом узнали все. Сима постаралась. Женщины шушукались по углам и отводили глаза, едва встретившись с ней взглядом. Вилора почувствовала себя отверженной. Хорошо еще, что никто не знал, что она согласилась сопровождать того офицера (называть его Куртом, как тогда, в легком подпитии, она теперь не рисковала даже в мыслях).

Сзади кто-то подошел. Вилора продолжала сидеть, не оглядываясь.

— Вилор, а Вилор... — слышался голос Симы.

— Чего тебе? — угрюмо отозвалась она.

— А когда ребят-то освободят?

Вилора поджала губы и сначала решила не отвечать. Вот еще, разговаривать с ней, предательницей! Но Сима снова позвала:

— Вилора... — И в ее голосе почувствовалась такая мука, такая тревога за своего Пашку, что Вилора не выдержала.

— Да не знаю я! Немец обещал переговорить с комендантом. Ну чтобы тут сделали что-то вроде госпиталя для наших раненых пленных. И для этого освободили ребят.

— С каким комендантом? — не поняла ее Сима. — С этим толстым, что ль?

— Да нет, который в Бресте, — пояснила Вилора.

— Так чего сидишь-то?

Вилора аж вздрогнула от того, как резко изменились тон и голос Симы.

— Давай беги к своему немцу — пускай едет! А то только вино с ним пить горазда!

Вилора взвилась, разворачиваясь к Симе:

— Ах ты... ты что такое говоришь? Какой он мой-то?

— А ты ударь меня, — зло бросила Сима, — тебе нынче все можно. Ты с немцами вон вино пьешь. А Пашка мой... — Она резко развернулась и двинулась прочь, гордо вскинув голову.

А Вилора осталась стоять, давясь слезами и изо всех сил закусив губу, чтобы не разреветься в голос...

— Фрейлейн лейтенант?

Вилора оторвалась от стола в процедурной, сидя за которым плакала, и подняла голову. В проеме двери стоял все тот же толстый фриц, ставший первопричиной всех ее мучений. Ну да, конечно, а кого еще она там могла ожидать?

— Ну чего еще?

— По-моему, вам необходимо осмотреть ваш пациент.

Вилора шумно выдохнула.

— Не буду я никого осматривать.

Толстяк удивленно вздернул голову.

— Ви хотите расторгнуть тот договор, который ви заключить с герр гауптман?

Вилора стиснула зубы. Расторгнуть?.. Ох, как ей этого хотелось! Раз они все так с ней, так пусть возвращаются обратно в прачечную. И Симкин Пашка тоже пусть сидит в подвале. Но... она ведь комсомолка. А значит, должна быть стойкой. И думать прежде всего о других. А это... ну ведь она же была готова на муки. Только тогда подразумевалось, что мучить ее будут враги. А друзья будут ее поддерживать и гордиться ею, но отчего-то все получилось наоборот. Что ж... она должна вынести и это. И все равно спасти всех. И даже Симкиного Пашку. Когда-нибудь потом, в будущем,

они поймут, что она сделала для них, и оценят ее жертву. И вот тогда... Что будет тогда, у Вилоры не вырисовывалось. Потому что настоящие герои, которых понимали и оценивали, всегда при этом героически погибали. А ей погибать пока не хотелось. Тем более пока с героической гибелью не складывалось, потому что все, кто погиб до сих пор, сделали это как-то не слишком героически. Не спасая кого-то или не забирая с собой тучу окруживших их врагов, как она читала в книжках, а походя, от пулеметной очереди или одиночного выстрела из пистолета. Никому и ничего своей гибелью не доказав.

— Так ви идти?

Вилора тяжело вздохнула.

— Да, сейчас. — Она поднялась на ноги и, подойдя к рукомойнику, наскоро умылась. После чего пару раз провела гребешком по волосам и, подтянув стоявшую рядом санитарную сумку, накинула лямку на плечо.

— Пошли.

Едва они вошли в горницу, как в глаза Вилоре тут же бросился стол. Он стоял на том же месте и явно был сервирован, только сверху еще укрыт наброшенным широким рушником. Она остановилась и, сурово поджав губы, развернулась к толстяку.

— Передайте герру гауптману, что я с ним ужинать не собираюсь.

Офицер молча выслушал ответ, затем перевел взгляд на Вилору и несколько мгновений рассматривал ее. Затем улыбнулся и заговорил. Толстяк тут же начал переводить:

— Герр гауптман не настаивает. Тем более что он собирался предложить поужинать только после осмотра. Ему не терпится поскорее выполнить данное вам обещание и поспособствовать освобождению остальных ваших товарищи. Так что если ви после осмотра вынесете вердикт, что он есть транспортабелен, он готов завтра же выехать в Брест-Литовск для встречи с комендант.

Вилора слегка помягчала. Готов, значит... это хорошо. Конечно, с таким ранением ему надо бы еще полежать, и, если бы это был советский офицер, она бы непременно настояла на этом, но что касается фрица... В конце концов, если даже и подохнет — туда ему и дорога. Так что она непременно вынесет вердикт, что он готов к транспортировке.

К ее удивлению, рана выглядела вполне прилично. Нигде никаких нагноений, а по краям уже даже начала затягиваться. Не слишком объяснимо для, считай, первого дня. Наложив новую повязку, Вилора сообщила, что пациент вполне может выдержать небольшой переезд, вымыла руки и уже совсем собралась идти, как офицер снова заговорил:

— Герр гауптман интересуется, кушать ли ви сегодня хоть что-нибудь.

Вилора нахмурилась. Какой там ела — кусок в горло не лез. Но не говорить же этому... И она молча кивнула. Толстяк неодобрительно покачал головой:

— Не следует говорить неправду. Я точно знать, что ви ничего не кушать.

— А вам-то какое дело? — огрызнулась Вилора.

В этот момент офицер вновь подал голос.

— Герр гауптман предлагает вам немного перекусить, — тут же включился толстяк. — Если ви не хотите, то не будет никакой вины. Но он настоятельно рекомендует вам попробовать настоящий французский гусиный печень. Они называют это фуагра.

Дюжий танкист, непонятно как возникший у стола (когда Вилора только вошла в избу, его точно не было), сдернул с него широкий рушник, открыв взору девушки небывалое величие. То, что стояло на столе сейчас, не шло ни в какое сравнение с завтраком. И если с утра она думала, что словосочетание «скромная трапеза» было всего лишь риторической фигурой речи, то сейчас вынуждена была признать, что да, завтрак был именно скромным. От увиденного Вилора почувствовала, как ее рот наполняется слюной. И сразу же жутко заболел живот. Девушка едва не охнула. Ведь действительно за весь день во рту маковой росинки не было. И не будет. Ну не Симку же просить пожрать принести. А к остальным она и сама не подойдет. Вилора нерешительно покосилась на дверь и растерянно пробормотала:

— Ну если только чуть-чуть...

Дюжий танкист понял ее без перевода и изящным движением отодвинул стул.

Ужин, несмотря на ее опасения, прошел хорошо. Первые десять минут, пока Вилора, настороженно косясь на немцев, осторожно пробовала все эти деликатесы, которые со сноровкой опытного официанта подкладывал ей на тарелку танкист, мужчины деликатно молчали. Гусиная печень, которую толстяк обозвал странным словом «фуагра», произвела двойное впечатление. С одной стороны — понравилось. С другой — ее почему-то подавали с вареньем, а мясное с вареньем в голове как-то совершенно не ассоциировалось. После смерти матери все заботы по хозяйству легли на ее плечи, поэтому готовить Вилора умела, и неплохо. Но вот такое сочетание ей даже в голову не приходило. Очень понравилось воздушное печенье, которое герр гауптман обозвал берлинским.

Уже в самом конце, когда они пили чай, офицер внезапно что-то сказал

танкисту, и тот, отступив в тень, через минуту возвратился с изящным альбомом в красивой кожаной обложке. Раскрыв альбом, он положил его перед Вилорой, и та с некоторой растерянностью обнаружила, что смотрит на молодого веснушчатого парня с теннисной ракеткой в руке.

— Это герр гауптман во время учебы в университете, — тут же услужливо перевел толстый немец.

Следующая фотография запечатлела женщину в возрасте чуть старше, чем была мать Вилоры, когда умерла. Женщина сидела в плетеном кресле, рядом стоял такой же плетеной столик, на котором стоял тот самый чайный набор, который сейчас находился перед Вилорой на столе. Сзади живописно цвел какой-то куст.

— Это мать герр гауптман. К сожалений, она умерла еще до война... герр гауптман имеет в виду до начала наш война еще с Польша. Германия воюет уже почти два год.

— Так значит, он тоже потерял мать?

Вилора подняла взгляд и посмотрела на офицера уже немного другими глазами. Бедный... Но почти сразу же спохватилась и оборвала себя. Ну какой он бедный? Он буржуй-аристократ, да еще и фашист!

Другие фотографии показывали красивого и веселого молодого человека, катающегося на лодке, играющего с друзьями в волейбол, дурачащегося... И на Вилору постепенно накатывало странное состояние. Она будто бы заглянула через волшебное окошко в другой мир. Другой, но очень похожий на ее. К большей части фотографий она могла подобрать свои воспоминания. Она вот так же сидела у костра с ребятами из своей группы, когда они ездили с агитбригадой в колхоз, вот так же каталась на лодке в Парке культуры и отдыха имени Горького, а волейбол... она вообще входила в женскую сборную курса!

Она закрыла альбом с едва заметным вздохом и, подняв глаза, увидела, что офицер смотрит на нее с этакой затаенной, почти призрачной улыбкой, которой как бы и не было, но которая читалась в глубине глаз и уголках губ. Несколько мгновений Вилора заворуженно смотрела на этого молодого офицера, а затем судорожно вздохнула и резко отвела глаза. Он... этот... этот фашист не должен вызывать у нее ничего, кроме ненависти и отвращения. Он враг, враг, враг!..

— Герр гауптман интересуется, во сколько ви рекоемедуετε завтра виехать? — слышался сбоку голос толстого немца.

— Чем раньше, тем лучше, — зло буркнула Вилора, хотя ее злость в данный момент была скорее направлена на нее саму, чем на кого-то другого.

Толстяк перевел, выслушал ответ, а затем снова обратился к Вилоре:

— Герр гауптман утверждает, что выезжать раньше девять утра не имеет особый смысл. До Брест-Литовск здесь около час, а герр комендант вряд ли сможет принять его раньше десяти часов утра.

— Ну значит, в девять, — угрюмо согласилась Вилора и резко поднялась. — Спасибо за ужин, но мне пора идти.

Офицер что-то произнес. Толстяк понимающе кивнул.

— Герр гауптман предлагает вам взять что-нибудь с собой, чтобы попить чай и угостить ваши подруга.

Вилора представила, что скажет ей Сима, если она предложит ей чего-нибудь с этого стола, и ожесточенно мотнула головой.

— Нет, спасибо, — после чего торопливо подхватила свою санитарную сумку и выскочила из хаты.

На улице уже стемнело. Когда она уже подходила к воротам конюшни, с пленницы навстречу ей поднялась одинокая фигура. Фигура шагнула к ней, настороженно повела носом, а потом внезапно жалостливо спросила:

— Вилор, ну когда он в Брест-то к этому коменданту поедет?

Вилора остановилась и несколько мгновений боролась с тем, чтобы резко ответить, но затем справилась с собой и буркнула почти примирительно:

— Завтра повезу его в Брест.

— Ты?! — изумилась Сима.

— Ну да. Еще, не дай бог, сдохнет по дороге.

— А ты, значит, не хочешь, чтобы он сдох? — взвилась Сима.

— Дура! — в сердцах рявкнула Вилора. — Да пусть он сдохнет хоть десять раз, но только ПОСЛЕ того, как уговорит коменданта выпустить наших ребят!

— Ой... — Сима прижала руки ко рту, — Вилорка... так, значит, ты... так ты хочешь... ой... — Она вдруг кинулась ей на шею, — ой, боженьки мой, Вилорка, а я-то думала, что ты... а ты... — И она заревела.

Вилора почувствовала, что и у нее вдруг повлажнели глаза. Несколько мгновений она не понимала, чем вызвана столь внезапная перемена в настроении Симы, но затем до нее дошло, что подруга решила, будто она собирается сама убить этого офицера после того, как он переговорит с комендантом, и... едва не задохнулась от изумления. Она же не имела в виду ничего такого! Симка не поняла. Офицер просто должен дожить до разговора с комендантом, а уж там как повезет, она за это не в ответе, но Симка продолжала лихорадочно бормотать:

— Прости, Вилорка, прости, я ведь думала, что ты совсем немцам

продалась. А ты вон что задумала! — Она оторвалась от нее и заглянула в глаза. — А ты храбрая, Вилорка! И сильная! Я бы так не смогла. Я бы точно им сразу же в глотку вцепилась и грызла бы, пока не подохли, а там будь что будет...

Потом Вилора долго сидела в процедурной и думала над тем, что сказала Сима. Ну и что, что она даже и не думала делать ничего такого — ей подсказали товарищи. Все-таки коллектив — великая сила! И она сможет. Точно сможет. Ведь она же комсомолка и должна беспощадно сражаться с врагами родной страны, где только их встретит... Но при этом перед ее глазами стояло довольно симпатичное лицо парня с ракеткой в руках, парня в лодке, парня с мячом, которое она всего час назад рассматривала на фотографиях, и что-то глубоко внутри шептало ей, что все будет не так просто...

Утром Вилора сделала герру гауптману еще одну перевязку, мужественно отказавшись от завтрака и заявив, что будет ждать отправления во дворе. Тем более что она уже успела с утра довольно плотно перекусить.

Как видно, благодаря Симиной фантазии и еще более длинному Симиному языку отношение к ней остальных женщин разительно изменилось. Едва Вилора проснулась и, наскоро умывшись под рукомойником, вышла на двор, к ней тут же подскочила санитарка Геля и протянула миску, в которой горкой возвышалась печеная картошка, а сверху таял кусочек масла.

— Ешь, Вилора, а то вчера вон за весь день так ни разу и не поела. Мы с утра с девчонками картохи напекли — вку-усная!

Вилора даже немного оторопела от столь резкой перемены, но затем, осознав ее причину, густо покраснела и, буркнув: «Спасибо», — осторожно взяла миску. Ну Симка — опять разболтала всем кому ни попадя. Вот ведь язык — помело!..

Пока она ела, женщины пялились на нее во все глаза, а кое-кто даже украдкой вытирал слезы кончиком платка, видно, горюя о скорой смерти такой молоденькой докторши.

Вилоре от этого было только хуже. Несмотря на все вечерние уговоры, она почти уже согласилась, что убить того молодого герра гауптмана у нее не хватит духу. И, чтобы не лгать товарищам, решила утром объяснить Симе, что та ее не так поняла и на самом деле у нее не было никаких таких планов. Но при этом она вовсе не собирается дальше делать что-то для немцев и, как только добьется освобождения ребят, сразу же совершенно прекратит всякое общение с ними. Пусть они ее хоть режут!

Но сказать такое теперь не поворачивался язык. Поэтому, когда она, пряча глаза, расправилась с картошкой и к ней подошла Сима, Вилора малодушно решила ничего не говорить. И потом, с чего это она взяла, что не будет ничего делать? Она справится с собой. Точно. И сделает все как надо. А может, ей даже удастся убить не одного этого офицера, а больше. Взорвать их! Раздобыть где-нибудь гранату и... Ведь этот Курт явно вхож ко всяким там генералам. Все-таки аристократ! Так вот она скажет ему, что в связи с обострением... ну чего-нибудь должна непременно поехать с ним на какую-нибудь важную встречу с высокопоставленными фашистами, а там... А он в этот момент может внезапно почувствовать себя плохо, и его выведут в соседнюю комнату...

— Ну как ты, Вилорка? — взволнованно спросила Сима, присаживаясь рядом.

— Нормально, — вздохнула девушка.

— Ты держись. — Сима стрельнула по сторонам глазами, а потом тайком сунула ей что-то в ладонь.

Вилора собралась было взглянуть, что это такое, но Сима тут же зашипела:

— Ты чего — спрячь!

— А что там? — так же шепотом спросила Вилора.

— Мышьяк, — прошептала в ответ Сима. — Я со склада медикаментов сперла. Немцы его почти и не охраняют. Тебе пригодится. Один укольчик и... — Она повела глазами вверх.

Вилора слегка похолодела. Ну вот, теперь у нее есть и оружие.

— Ой, Вилорка, к тебе этот толстый идет, — торопливо пробормотала Сима, — ну я побежала. Только ты это, не забудь: сначала пусть он с комендантом решит, чтобы наших ребят выпустили, а уж тогда... — И она умчалась.

Толстый очкастый немец, уже почти подошедший вплотную к ним, остановился, проводил Симу сальным взглядом, а уж затем повернулся к Вилоре.

— Фрейлейн лейтенант, я пришел уточнить, нет ли необходимость, перед дорогой еще раз осмотреть рана унд сделать новый повязка?

— Да-да, это совершенно точно нужно сделать, — торопливо кивнула Вилора, поднимаясь на ноги. Ампула с мышьяком буквально жгла ей руку. — Я сейчас возьму свою санитарную сумку, и мы пойдем к... герру гауптману.

Толстяк величественно кивнул...

В дорогу они тронулись, как герр гауптман вчера и предложил, около

девяти утра. Ровно без пятнадцати девять знакомый дюжий танкист загнал во двор довольно большой легкой автомобиль-кабриолет с откинутым верхом, вынес и уложил в багажник два чемодана и саквояж, после чего энергичным жестом подозвал еще одного солдата, ждавшего у ворот с носилками, и нырнул в избу. Вилора, к тому моменту уже вышедшая на улицу, с удивившим ее саму интересом наблюдала за их манипуляциями. Отчего-то они напомнили ей, как давно, когда она была маленькой, а мама еще была жива, они летом переезжали за город, на дачу. Правда, машину с работы отца присылали грузовую, потому что они переезжали со всем скарбом: с комодом, столом, стульями и большим фикусом в кадке, а она потом ехала в кабине грузовика, сидя на коленях у мамы...

Вопреки ожиданию герр гауптман вышел из хаты на своих ногах. Дюжий танкист нежно поддерживал его за талию, а рука герра гауптмана обхватывала его шею. Тем не менее он шел сам. Для Вилоры, прекрасно представлявшей, что творится у него под повязкой, плотно охватывающей грудь, отчего тужурка мундира оказалась не одета в рукава, а просто наброшена на плечи, это было в некоторой степени удивительно. Герр гауптман сделал несколько шагов по направлению к машине, а затем был буквально аккуратно внесен в салон танкистом, где облегченно откинулся на мягкие подушки заднего дивана. Несколько мгновений он просто лежал, сдерживая тяжелое дыхание, а потом повернул голову и, слабо улыбнувшись, сделал приглашающий жест, указав на подушку дивана рядом с собой. Вилора почувствовала, как у нее засосало под ложечкой. Несмотря на все договоренности, на все, что сейчас думали о ней Сима и остальные, несмотря на то, что она видела вчера в фотоальбоме, вот так сесть рядом с врагом в одну машину оказалось очень тяжело.

— Прошу вас, фрейлейн, — произнес толстый немец, все это время толкавшийся то в избе, то во дворе, как видно, сначала рассчитывающий на повторение вчерашнего завтрака, но после отказа Вилоры лишившийся малейших шансов на это.

— Да-да, конечно, — кивнула Вилора, с трудом сделав первый шаг, подошла к машине и села на указанное ей место.

Дюжий танкист тут же предупредительно захлопнул дверь, быстро обошел вокруг и уселся на место водителя. Мотор взрыкнул, и автомобиль плавно выкатился из ворот на деревенскую улицу...

Едва они выехали на трассу, связывающую Брест с Кобрином, как на первом же километре наткнулись на колонну с нашими пленными. Бойцы понуро брели вдоль дороги в сопровождении всего лишь пары немцев. Ремней ни у кого не было, а у некоторых — даже гимнастерок и сапог.

Многие были ранены. У Вилоры, смотревшей на это из окна проезжающего автомобиля, сжалось сердце...

Бойцы провожали ее угрюмо-равнодушными взглядами. Слава богу, она догадалась утром надеть белый халат, под которым не было видно ни формы, ни знаков различия, а то что бы они могли подумать, увидев русскую девушку-лейтенанта в машине рядом с немецким офицером?

До Бреста действительно добрались за час, причем было видно, что водитель ведет машину осторожно, тщательно объезжая воронки и притормаживая перед колдобинами. А то бы этот мощный автомобиль мог домчать их до города еще быстрее.

В городе кое-где еще были заметны следы недавних боев: сгоревший советский танк на обочине, три изуродованные полуторки, сдвинутые с проезжей части под деревья сквера, — а главное, где-то там, впереди, время от времени слышалась стрельба. Вилора настороженно прислушалась. Неужели кто-то еще сражается?

Офицер что-то отрывисто приказал водителю, и машина плавно затормозила у тротуара, на котором стояли двое немцев. Офицер что-то спросил у них, выслушал долгий и эмоциональный ответ, нахмурился и досадливо покачал головой. После чего вновь что-то приказал водителю. Тот молча отъехал от тротуара и, выбрав участок улицы пошире, лихо развернул автомобиль. Спустя пятнадцать минут они выехали из Бреста и покатали куда-то по проселочной дороге. Вилора досадливо нахмурилась. Вот ведь незадача! И спросить невозможно...

Ну что ей стоило лучше учить немецкий в институте? Впрочем, их там учили больше работать с текстом, а не разговорному, переводить всякие медицинские справочники, описания лекарств. К тому же Карл Львович, который преподавал им на первом и в начале второго курса, к середине второго курса куда-то исчез. Ходили слухи, что его арестовали органы. Вроде как у него обнаружили какие-то родственники в фашистской Германии или еще где-то за границей, а затем у них следующие три курса преподаватели немецкого все время менялись. Иногда занятия вообще проводил кто-то из преподавателей с совершенно других кафедр, более-менее знающий язык. Ну и как тут выучиться?..

Слава богу, ехали не слишком долго. Километра через три автомобиль свернул в какую-то аллею, примыкавшую к дороге почти под прямым углом, и еще метров через пятьсот они въехали на широкий двор большого здания. Скорее даже замка, но уже не рыцарского, с зубчатыми стенами и башнями, а другого, в котором от рыцарских времен остался только герб над входом. Центр двора занимал красивый фонтан с нимфами, фавнами и

рыбами, из разинутых ртов которых били струи воды. Вроде тех, что Вилора видела в Петергофе, но, конечно, гораздо меньше. От фонтана вверх, к роскошному входу, вела мраморная лестница, на верхних ступенях которой замерли два автоматчика в немецкой форме. Как видно, это здание занимал некто очень значительный, потому что автоматчиков Вилора видела впервые. Их оружие сильно отличалось от автоматов, которые стояли на вооружении Красной армии, у них не было деревянных прикладов, и вообще они выглядели как-то более... аккуратно, что ли?

Во дворе толпилось достаточно много народу, и, кроме них, здесь находилось еще два автомобиля и несколько мотоциклов. Едва остановились, как к ним тут же подскочил солдат. Офицер отрывисто приказал ему что-то, и он мгновенно умчался вверх по лестнице. А они остались ждать в машине.

Спустя несколько минут на верхних ступенях лестницы показался какой-то важный господин, потому что, едва он появился, все находящиеся во дворе развернулись в его сторону и вытянулись в струнку. Он же, не обращая ни на кого внимания, довольно быстро, но без суетливости, спустился вниз по лестнице и подошел к их машине.

— Фрейлейн, — приветливо кивнул он Вилоре, от чего девушка инстинктивно отшатнулась, а затем приветливо заговорил с Куртом. Некоторое время они беседовали, потом важный господин рассмеялся, похлопал герра гауптмана по плечу, после чего пожал ему руку и, приветливо махнув Вилоре, развернулся и двинулся обратно вверх по лестнице. Но вопреки ожиданию они остались на месте. Вилора вопросительно покосилась на своего пациента, но тот лишь улыбнулся ей в ответ.

Все прояснилось спустя десять минут. К машине подбежал молодой солдат в немецкой форме и, вытянувшись перед герром гауптманом, что-то ему доложил. Офицер кивнул и ответил. Солдат повернул голову к Вилоре и заговорил на чистом русском:

— Господин гауптман просил вас сообщить, что он выполнил то, что вам обещал. Господин комендант согласился с его доводами и дал команду подготовить распоряжение о развертывании госпиталя на базе вашего лечебного учреждения для оказания помощи раненым русским пленным. Все имеющееся в плену медицинские работники также будут немедленно направлены в ваше учреждение.

У Вилоры отлегло от сердца и задрожали коленки. Да! Она смогла! У нее получилось! И Симка наконец-то встретится со своим Пашей...

Между тем, пока она тихо радовалась, солдат открыл дверцу и уселся

на переднее сиденье. После чего водитель тронул машину.

— А... куда мы едем?

Солдат повернул голову.

— Тут недалеко, с километр. Господин комендант распорядился подготовить жилье для господина гауптмана. Он сегодня же должен сообщить в Берлин, что господин гауптман находится в гораздо лучшем состоянии и может перенести перелет. Так что скоро за господином гауптманом должны прислать самолет.

Вилора покосилась на своего пациента. Надо же, самолет!.. Что же он за птица такая — герр гауптман?

Ехать действительно оказалось недолго. Через десять минут автомобиль подкатил к небольшому двухэтажному каменному дому, у которого также имелся небольшой дворик. Правда, без фонтана, но с красивой статуей в центре. Едва они остановились, двери дома распахнулись и во двор выскочили двое солдат и девушка в белом халате и белой каскетке с красным крестом. Вилора уставилась на нее со смешанным чувством. С одной стороны, появление этой медсестры вроде как совершенно освобождало ее от навязанных обязанностей, а с другой... с другой — внутри появилось какое-то сожаление. И даже обида. Говорил же ведь, до тех пор пока его здоровью не будет ничего угрожать... Она посмотрела на своего пациента. Тот заметно помрачнел и что-то отрывисто сказал дюжему танкисту, который уже вылез из-за руля и распахнул дверцу со стороны герра гауптмана, собираясь помочь ему выбраться из машины. Танкист тут же резко развернулся и начал что-то громко говорить подбежавшим. Те растерянно переглянулись. Потом медсестра недоуменно пожала плечами и отошла подальше от машины. Танкист повернулся и вопросительно посмотрел на своего командира. Тот довольно кивнул и, повернувшись к Вилоре, что-то произнес. Солдат тут же перевел:

— Господин гауптман говорит, что он по-прежнему доверяет только тем рукам, которые уже один раз вытащили его с того света.

И от этих слов Вилоре непонятно почему заметно похорошело...

После ужина, который был гораздо проще, чем в прошлый раз, тем более что герра гауптмана покормили отдельно, поскольку к нему приехали два каких-то явно высокопоставленных офицера, оккупировавших его комнату, Вилора улучила момент, когда они с солдатом-переводчиком оказались одни, и спросила:

— Как тебя зовут?

— Алексей. Алексей Телицин.

— Вилора Сокольницкая, — представилась она, поймав себя на том,

что спокойно разговаривает с человеком в немецкой форме. А ведь еще несколько дней назад...

— А как ты оказался у немцев?

Алексей пожал плечами.

— Я вырос в Мюнхене.

Вилора изумленно вытаращила глаза.

— Так ты из этих... беляков недобитых? — Она зло скривилась. — Поня-атно! Решил с помощью немцев забрать себе обратно свои поместья и заводы.

Алексей недоуменно уставился на нее.

— Какие заводы, какие поместья?

— Ну... — Вилора несколько недоуменно вскинула брови, — родовые...

По ее убеждению, все, кто сражался против Советской власти, непременно раньше имели фабрики, заводы, газеты и пароходы, как в известном произведении детского писателя Маршака. Алексей медленно покачал головой.

— У моего отца не было никаких родовых поместий. В нашем роду все были офицерами. Уже два века. Но больших чинов и родовых поместий никто не выслужил. Отец говорит, что слишком независимо себя держали. Но России и государю служили честно. До конца.

— А сейчас? Против своих воевать пошел?

Алексей снова покачал головой.

— Мои — все там, — он мотнул головой в сторону заходящего солнца, — а здесь те, кто узурпировал власть над моей страной. С ними я и воюю. А не с Россией.

Вилора задыхнулась от возмущения. Вот ведь сволочь недобитая!

— Все равно, ты — предатель! Что бы ты там ни говорил.

Алексей опустил голову и некоторое время молчал, похоже, размышляя над ее словами, а потом снова поднял и, уперев в девушку напряженный взгляд, тихо спросил:

— А ты?..

Этот штаб я присмотрел еще вчера. Очень такой славный штаб был — жирный, наваристый... Не менее чем полковой. Так что карт и языков там — завались. Одна незадача — народу в нем было... одной охраны не меньше роты, да еще подразделения обеспечения, связи. На круг выходило человек сто пятьдесят — двести. А у меня всего десять. Вернее уже тринадцать. Еще трое прибились буквально вчера. Бежали из колонны пленных. Но бойцы из них пока... Ни оружия, ни боеприпасов, ремней и тех нету. Да и не знаю их еще. Мои-то уже вышколены. Теперь я уверен, что даже Иванюшин никакой ерунды не спорет. Ну да для того и учил...

Оружием я новеньких уже обеспечил — после налета на склады оружия у меня еще человек на двадцать хватит, — но в дело их пускать пока рано. Наоборот, я к ним Головатюка приставил, выведя его из всех своих боевых расчетов и планов, — пусть поприглядывается да обучит кое-чему. А чуть погода и сам займусь. Когда в обстановке разберусь и пойму, что дальше делать.

Штаб располагался в строениях на окраине аэродрома. Судя по гулу канонады, до линии фронта отсюда было по прямой максимум километров восемь. Так что самолетов тут пока не было. Слишком близко для них. По идее даже дивизионная артиллерия может достать. Если подтянуть ее поближе к передовой. Сам аэродром пострадал не слишком. Так... три-четыре воронки, вполне можно ликвидировать за пару часов силами отделения с большими саперными лопатами.

Сейчас в здешних реалиях и терминологии я уже разобрался куда лучше, чем неделю назад. Так что едва только линия фронта чуть отодвинется, здесь станет не протолкнуться от самолетов, и штаб отсюда выживут. С одной стороны, может, и стоило подождать этого момента. В суматохе переезда вполне можно было урвать свое при минимальной возможности засветиться, и даже не задействуя подчиненных, а с другой — ну как все затянется? И что тогда? Сидеть и ждать у моря погоды?

Я еще раз тщательно осмотрел расположение штаба, а затем осторожно соскользнул вниз по стволу сосны, которую выбрал в качестве наблюдательного пункта.

— Эк вы ловко, товарищ командир! — уважительно покачал головой Кабан.

После того случая на острове не было у меня более старательного

служаки, чем рядовой Шабарин. Я уже подумывал: если численность нашего отряда достигнет хотя бы восемнадцати человек, сделать его вторым временным сержантом.

Дело в том, что численностью в тринадцать человек гвардейская монада обладает только в мирное время. В военное — ее личный состав составляет не более девяти человек. Но и не менее четырех. Если в монаде осталось три человека, она сливается с другой. Хотя такого на моей памяти не случалось ни разу. В мирное же время в состав монады входят еще двое кандидатов в Гвардию и двое гвардейцев резерва, которые в военное время отзываются для укомплектования офицерских должностей во вновь формируемых частях.

Что же касается кандидатов в Гвардию, то на самом деле звание гвардейца, как правило, получает только один из двух-трех десятков таковых. В Гвардии очень маленькая текучка — чтобы убить гвардейца, надо долго и упорно стараться. Так что вакансии в Гвардии открываются нечасто.

Еще человек шесть-семь из тех же двух-трех десятков получают звание почетных гвардейцев. Как правило, это сыновья наследственных правящих фамилий или промышленной и финансовой аристократии, сумевшие освоить хотя бы седьмой уровень антропопротессии (что, в общем, является очень неплохим показателем, потому что девяносто процентов человечества, как правило, ограничивается первыми пятью).

Я считаю это очень разумной политикой. Отслужив пять лет в Гвардии и освоив (насколько возможно за пять лет) все ключевые компетенции гвардейца, эти ребята потом намного успешнее управляют своими владениями. Они проводят истинно верноподданническую политику по отношению к Императору, хорошо понимая, чем грозит появление Гвардии в их владениях.

Остальные, пройдя нашу школу, зачисляются в резерв Гвардии первой очереди и потом, опять же неплохо, работают на экономику Империи, как правило, довольно быстро продвигаясь на высшие посты в банках, крупных корпорациях или местной политике. Школа Гвардии всем всегда идет на пользу...

Так что, если еще учитывать поголовное отсутствие антропопротессии даже первого уровня, я посчитал, что наиболее удобной базовой единицей построения подразделения, в наибольшей мере отвечающей лучшему соотношению «управляемость — боевая эффективность», будет отделение из восьми-десяти человек. Поэтому, если численность моей команды будет и далее расти сравнимыми темпами, пора задуматься о втором сержанте. А

Римозов, носящий это звание, несмотря на всю его старательность, все-таки уступал Кабану в уровне подготовки, умении руководить людьми и... харизме. Что для руководителя любого ранга очень значимый показатель. Впрочем, над этим еще было время подумать.

До лагеря мы добрались через полчаса. На этот раз он отвечал всем моим требованиям. Лежанки были устроены под деревьями, лапник нарублен аккуратно, слегка прореживая крону, костры разведены в ямах, и дым фильтруется все тем же лапником. Хотя я уже был почти уверен, что не только спутников, но даже простейших инфракрасных датчиков на местных летательных аппаратах здесь еще нет, подобные меры маскировки вкупе с правильно выбранным местом расположения практически исключают обнаружение лагеря с помощью и визуальной воздушной разведки.

— Товарищ командир, — бодро, но полусшепотом начал старшина Гарбуз, вскидывая руку к пилотке, — за время вашего...

— Вольно, старшина, — махнул я рукой. — Как новички?

— В бирюльки играют, — доложил Гарбуз. — Под руководством старшего сержанта Головатюка.

Я удовлетворенно кивнул. Еще на острове я прикинул примерную программу боевой подготовки и вынужден был с некоторым сожалением констатировать, что большая часть упражнений, используемых при подготовке гвардейцев, местному личному составу окажется не под силу. Не те физические кондиции — сила, выносливость, скорость реакции, не тот уровень общего образования, знания анатомии, мидл-физики и психологии.

Нет, конечно, когда в монаду приходит кандидат в гвардейцы, он довольно долго является обузой для монады и лишь минимум через год перестает хотя бы мешаться при отработке даже учебных тактических задач. Потому что штатная гвардейская монада — это единый организм, где каждый гвардеец воспринимает других на уровне безусловных рефлексов, как человек обычно воспринимает свою руку или ногу. Причем не просто человек, а тренированный спортсмен, в совершенстве владеющий собственным телом.

Но, во-первых, кандидаты в рядовые всегда направляются в монаду со сдвигом в два-три года, так что в самом худшем случае из двух кандидатов в рядовые полный неумеха всего один. При двенадцати няньках. Причем не тех, у которых дитя без глазу, а наоборот, довольно умелых, всегда готовых друг друга подстраховать, так как в большинстве своем они уже не раз нянчились с подобными сопляками.

Во-вторых, этот неумеха при самом негативном раскладе уже поднялся как минимум на седьмой уровень антропопресси и имеет: а) спортивный разряд (как правило, не один); б) диплом (чаще всего красный) одного из престижных гражданских вузов Империи.

Таковы базовые требования Гвардии. Ну а еще, как правило, и опыт службы в каком-нибудь элитном подразделении территориальных войск, поскольку это, хотя и не является обязательным требованием для зачисления в Гвардию, но сильно приветствуется. А здесь...

Даже большинство программ подготовки территориалов моим подчиненным пока было недоступно. Поэтому я разделил программу подготовки на два блока, первый из которых включал в себя развитие базовых умений: силы, ловкости, скорости реакции, умения концентрироваться, а второй — непосредственно воинских умений. Причем начать второй этап я решил со сдвигом где-то в неделю относительно первого.

Была некоторая надежда, что часть из них удастся втащить ну хотя бы на первый уровень антропопресси, что являлось чрезвычайно трудной задачей. Дело в том, что одним из ключевых параметров перехода являются плотность и разветвленность нейронных связей, а, как я уже успел установить, у трети моего состава не было даже базового среднего образования. А высшего не было ни у кого! И, как это сделать без медикаментозной поддержки и виртуализированной среды развития, я пока совершенно не представлял.

Впрочем, высшее образование — всего лишь один из множества, пусть и самый простой и распространенный, способов развития мозга, так что еще посмотрим...

Так вот, одним из упражнений на развитие концентрации, которые я сделал ежедневными и обязательными, были простейшие игровые тесты на разборку неустойчивой конструкции из хаотично сваленных предметов, в качестве которых я использовал гладко оструганные мелкие сучки. Как оказалось, среди местного населения была распространена очень похожая детская игра под названием «бирюльки».

Сказать по правде, сначала мои требования не вызвали особенного энтузиазма. И в изготовленные мной с помощью раскладного перочинного ножа несколько комплектов бирюлек народ принялся играть с откровенной ленцой. А когда я еще включил в расписание простейший тест-игру в камешки, народ вообще начал скалить зубы. Мол, чегой-то командир того... в игрушки вздумал играть. Пришлось провести показательный урок.

Я рассадил подчиненных кружком и высыпал перед собой один

комплект бирюлек. Все обменивались веселыми взглядами. Типа, а ну-ка чего нам сейчас командир тут покажет. Я жестом подозвал Гарбуза и, сняв часы, бросил ему:

— Засекай.

Тот впился взглядом в циферблат.

— Давайте!

Легкими движениями обеих рук я быстро раскидал сваленную горку.

— Сорок секунд! — ошеломленно пробормотал старшина.

Я обвел взглядом сидевших передо мной. Лица у всех были как минимум озадаченными. Ну еще бы, до сих пор лучший результат, показанный ими, был где-то в районе восьми минут. Хотя они об этом, вероятно, не догадывались, поскольку засекают время выполнения теста им и в голову не пришло. Я снова навалил перед собой кучку бирюлек.

— Еще.

— Давайте!

Следующий результат составил сорок две секунды. Затем тридцать девять. А потом я вывалил перед собой сразу две кучки и разобрал их, действуя обеими руками одновременно за пятьдесят девять секунд.

— Теперь камешки, — сообщил я, отодвигая бирюльки в сторону.

Чуть нагнувшись, двумя пальцами ухватил с земли камешек и подбросил вверх, поймав его затем на тыльную сторону ладони. Подбросил тыльной стороной, тут же подхватив пальцами и подбросив следующий. Подбросил два, ухватив пальцами третий. Подбросил три, пальцами присовокупив к ним четвертый. Четыре — и пятый. Пять — и шестой. Так и пошло. Когда в воздухе, сухо постукивая друг о друга, летало уже около трех десятков, я поднял взгляд, не останавливая, впрочем, процесс умножения камней в воздухе.

— Достаточно для демонстрации?

Все молча кивнули. Я убрал ладонь, позволив камням упасть на землю, и одним движением даже не поднялся, а как бы перетек из положения сидя в положение стоя. Что, несомненно, выглядело впечатляюще. Но мне сейчас и нужно было впечатление, придавшее бы дополнительный вес моим следующим словам.

— Вы все успели увидеть, что в бою я стою довольно многого. И я, как ваш командир, вижу перед собой задачу как можно сильнее приблизить вас к своему уровню. Но сейчас вы еще не способны даже *начать* учиться, — обвел всех внимательным взглядом. Никто не усмехнулся и не отвел глаза. И это было хорошо. Я продолжил: — Для того чтобы мое обучение начало приносить хоть какой-то эффект, всем вам надо достаточно серьезно

отработать ловкость, силу, умение концентрироваться и, наоборот, распределять внимание, скорость реакции и многое другое. И все эти вроде бы детские игры служат как раз этой цели. Во всяком случае, *могут* служить, если вы начнете относиться к ним как к серьезному тренингу, а не как к пустой трате времени. Попытайтесь работать на результат. — Я снова обвел их взглядом. Все внимательно слушали. — К тому же все эти упражнения задействуют другие группы мышц, не те, что работают на марше, и, будучи хорошим средством переключения внимания, вполне позволяют отдохнуть на привалах. Причем позволяют не терять ни минуты очень драгоценного для нас времени. Потому что, когда мы с вами в следующий раз вступим в бой с врагом, я хочу быть уверенным, что каждый из вас окажется настолько подготовлен и эффективен, что мы не просто одержим победу, но еще и не потеряем ни одного из своих товарищей. Смерть, уж не знаю героическую или трусливую, я хочу оставить нашим врагам, а нам — только победу. Ясно?

— Так точно! — слитно грохнули бойцы.

Я даже невольно напряг слух, чтобы проконтролировать, не донесся ли этот громкий ответ до кого-нибудь из тех, кого я бы не хотел видеть около места нашего расположения в ближайшее время. Но нет, воодушевленный рев моих подчиненных потревожил только стайку соек и семейство ежей, копошащихся в траве метрах в сорока. Больше никаких подозрительных звуков до меня не донеслось. Впрочем, следующие полчаса все равно стоит быть несколько более внимательным, чем обычно.

— Ну вот и хорошо, — закончил я. — В таком случае еще одно уточнение. Мы с вами на территории, занятой врагом, поэтому больше таких бравых ответов быть не должно. И вообще, привыкаем общаться тихо, — жестами, сигналами, мимикой. Слова используются по минимуму и произносятся шепотом или чуть-чуть громче. Даже если считается, что противника поблизости нет. Пусть подобный способ общения станет привычкой, она лишь увеличит ваш потенциал выживания. Понятно?

Несколько голосов откликнулись, хотя и гораздо тише, и тут же осеклись, последовав примеру старшего сержанта Головатюка. Тот взял под козырек, а Кабан просто энергично кивнул.

— Отлично. Приступайте, — приказал я. И затем двадцать минут любовался зрелищем десяти человек, сосредоточенно играющих в бирюльки. Так и пошло...

— И как успехи?

— Так никак еще, — улыбнулся Гарбуз. — Только ж начали.

— А остальные?

— Только что закончили подтягивания и сейчас приседают в парах. Там младший сержант Римозов руководит.

Я кивнул. Хорошо. Похоже, процесс пошел. И люди теперь настроены на серьезную работу. А значит, можно чуть быстрее запустить в дело и второй блок, направленный на развитие непосредственных воинских умений.

После обеда я собрал личный состав.

— Сегодня мы с вами будем учиться поражать цели. — Я сделал короткую паузу и обвел всех взглядом. Судя по всему, они не поняли. Ну я и не надеялся. Что ж, поясним... — Заметьте, я не сказал — убивать врага. Я не сказал — стрелять из винтовки или пулемета. Я сказал — поражать цели. Потому что и первое, и второе вы хорошо или плохо, так или иначе все-таки умеете. А вот третье... — Я покачал головой. — В бою очень важно правильно определять цели, разделять их по степени важности и поражать в соответствии с наиболее выгодной очередностью и требуемым результатом. То есть если вам требуется не убить противника, а ранить его, вы должны сделать именно это.

— Как это — не убить? — удивленно переспросил Иванюшин. — Товарищи Сталин и Тимошенко требуют от нас беспощадно...

Я вскинул руку, и он осекся.

— Давай я закончу, а потом вы сами решите, противоречит ли то, что я говорю, тому, что требуют от нас товарищи Сталин и Тимошенко. Договорились?

Иванюшин молча кивнул, слегка покраснев.

— Вот и хорошо. А теперь попробуй сам представить ситуацию, при которой нам требуется не убивать, а только лишь ранить противника.

Иванюшин задумался.

— Ну... не знаю... может, если пленного надо взять.

— Раз, — кивнул я, — еще?

Иванюшин молчал, напряженно наморщив лоб.

— Хорошо, я тебе помогу. Представь что нас — мы ведь находимся на территории, занятой противником, и скрываемся в лесах — начал преследовать крупный отряд противника. Если мы убьем пять его солдат, то преследующий нас отряд уменьшится всего на пять человек. А если эти же пятеро солдат будут ранены, то командир отряда встанет перед дилеммой: что делать? Бросить раненых либо уменьшить свой отряд еще на пятерых, которые помогут раненым добраться до того места, где им окажут квалифицированную медицинскую помощь. А если раненые не способны хотя бы к ограниченному самостоятельному перемещению, то

для транспортировки каждого придется выделять уже по два человека, а то и больше. И так, что для нас будет более выгодным?

Народ оживился, переглядываясь. Ну еще бы... ТАК их еще никто не учил. Кто же учит «пушечное мясо» думать на поле боя (а в том, что их считали именно «пушечным мясом» и более ничем, я после изучения той дивизионной многотиражки был совершенно уверен). В лучшем случае после долгих боев «мясо» учится это делать само. С той или иной степенью эффективности...

Первое занятие прошло на «ура». Что даже несколько повредило учебному процессу. Поскольку после него мои возбужденные подчиненные то и дело бросали уже ставшие привычными бирюльки и камешки и принимались горячо обсуждать показанное и свои первые результаты. А ведь тренинги я требовал проводить не менее чем по двадцать пять серий в день, причем не в основное время занятий, а во время отдыха, до и немного после приема пищи и так далее. Впрочем, особенного галдежа в лагере не стояло, ибо привычка вести себя тихо мало-помалу начала вырабатываться.

Визит в штаб я запланировал на следующий день, ночью прикинув, каким образом это осуществить, не задействуя подчиненных. Для воплощения плана в жизнь мне требовалась немецкая форма и какое-то транспортное средство. И заполучить его я собирался на проходящей в нескольких километрах трассе Минск — Брест, где этого добра было навалом.

На следующее утро, определив отряду задачу на день и приказав выставить охранение, я двинулся в сторону трассы. Один. Как Кабан ни намекал, что очень бы не прочь и на этот раз составить мне компанию. Но в этот раз он бы скорее помешал. Неторопливо отбежав от лагеря где-то на километр, я резко ускорился и спустя двадцать минут уже лежал в кустах на опушке леса, примыкавшего к самой обочине трассы, контролируя участок километра полтора-два длиной. Мне требовалось одиночное транспортное средство.

Таковое появилось спустя всего лишь четверть часа. Это был трехосный грузовик с кабиной, крыша и задняя часть которой была накрыта тентом. Едва он появился на горизонте, я быстро срезал через лес поворот трассы и, расстегнув портупею, чтобы она свободно болталась на поясе, выскочил на дорогу, с первым же шагом опустив плечи и повесив левую руку, как плеть, будто она у меня ранена. Да еще принялся слегка прихрамывать. Теперь главное, чтобы среди экипажа этого грузовика, из какого бы количества людей он ни состоял, нашелся хотя бы один схожей со мной комплекции.

На мое счастье, таковой оказался. Причем им был именно водитель. Еще двое, один из которых сидел в кабине, а второй в кузове, оказались легкоранеными, добравшимися на попутке до полевого госпиталя. Все они умерли быстро. Через минуту после того, как грузовик нагнал меня со спины и посигналил одинокому и, как видно, сильно контуженному и раненому русскому офицеру (португею не заметить было сложно), невесть как выбредшему на весьма оживленную трассу.

Наверное, водитель даже размышлял о какой-нибудь медали, непременно, по его мнению, полагавшейся ему за взятие в плен офицера противника. Он первый выскочил из кабины и побежал ко мне, размахивая винтовкой и крича на дэйче, что это, мол, его добыча. Я подождал, пока он подбежит вплотную, и вырубил его ударом массивной пряжки ремня, намотанного на кулак (чтобы не дай бог не замарать его форму кровью). Остальным хватило двух выстрелов из ТТ, засунутого мной за брючной ремень поглубже под мундир. Спустя всего пять минут я уже ехал в направлении аэродрома, а три мертвых тела лежали метрах в сорока от дороги, наскоро заброшенные заранее срезанными ветками. Движение по трассе было достаточно оживленным, так что тратить время на более тщательное укрытие трупов я не мог.

Вести грузовик оказалось довольно легко. Хотя управление им все-таки требовало определенной сноровки. Но я достаточно внимательно наблюдал за тем, как вел бронетранспортер Римозов, а у грузовика органы управления оказались практически идентичны. Так что спустя километр-полтора я уже рулил как заправский водитель.

К аэродромному зданию я подъехал довольно демонстративно. Высунувшись из кабины, окликнул солдата, который сидел на каком-то ящике и жрал бутерброд.

— Эй, куда патроны складывать?

— Патроны? — не понял тот. — Зачем нам патроны?

— А я знаю? — сварливо огрызнулся я, всем своим видом демонстрируя недовольство старого служаки, которого погнали исполнять дурацкий приказ. Ну что я мог поделать, если в кузове захваченной мной машины, оказалось всего лишь два ящика боеприпасов, так что иного предлога появиться здесь мне как-то в голову не пришло.

— Спроси у старшего сержанта Клауса, — после короткого раздумья сообщил боец, а затем поинтересовался: — Эльзасец, ^[1] что ли?

— А что?

— Да так, акцент у тебя какой-то непонятный.

— Тоже мне, диктор берлинского радио нашелся, — огрызнулся я.

То, что основным звуковым СМИ здесь являлось радио, мне было уже известно, и, что столица нападающей стороны называется Берлином, я также прекрасно знал. Ну а то, что в дикторы всегда набирают людей с правильной и максимально членораздельной речью, подразумевалось само собой. Поэтому, конструируя эту фразу, я был почти уверен, что не ошибусь. Так оно и произошло.

— Да ладно, чего ты злишься, — примирительно отозвался солдат. — Старина Клаус обычно сидит вон там, на первом этаже.

— Ничего, подождет, — сумрачно буркнул я и, раскрыв дверцу, вылез из машины.

Главное, чего я добивался на этом этапе, у меня получилось. Я легализовался. Поскольку за нашей перебранкой наблюдало довольно много народу, меня теперь воспринимали как своего. Пора было переходить ко второму этапу.

— А где тут можно отлить? — поинтересовался я.

— Вон там, за углом. Только ты там поосторожнее. Похоже, русские даже не подозревают о том, что на свете существует ватерклозет, — сообщил мой собеседник и радостно заржал.

Я хмыкнул в ответ и решительным шагом двинулся по указанному маршруту, заодно осматриваясь с такого угла и направления, с которого не мог этого сделать ранее, сидя на своем дереве.

Из туалета я вышел через пять минут, уже точно зная, в какой из комнат скорее всего находится то, что мне нужно, и подготовив все для того, чтобы мне это добыть. Просто надо теперь занять исходную позицию и подождать, пока в используемый здесь для отправления естественных надобностей примитивный сортир, представлявший из себя деревянную будку над ямой, в полу которой было прорезано два отверстия, не отправится следующий страждущий.

Я едва успел. Еще раз громогласно уточнив у знакомого солдата, где мне искать незабвенного герра Клауса, я вошел в здание, но, вместо того чтобы двинуться по коридору первого этажа, махом взлетел по лестнице на второй. Дежурно козырнув проходившему мимо офицеру, я быстро прошел по коридору до второй от конца двери и... в этот момент послышался громкий треск, а затем вопль. Это сработала моя ловушка. Для того чтобы надломить пару досок пола, оказалось достаточно всего лишь двух не очень сильных ударов ладонью. Именно ладонью, потому что при таком ударе гораздо лучше гасится звук. И очередной посетитель клозета, не обративший никакого внимания на состояние настила, ухнул в выгребную яму.

Легче всего темные и не слишком законные делишки обдeldывать в суete. Недаром среди карманников всех мастей так популярны концерты звезд, а среди темных дельцов — гражданские войны и революции. Вот и я пошел по уже проторенной дорожке, устроив с виду вполне безобидную суету.

Гвардейцы в такой ситуации первым делом броском занимают ближайшее укрытие, выхватывают оружие и, только точно убедившись, что подобное, на первый взгляд вполне безобидное происшествие на самом деле никак не привело к негативному изменению обстановки, могут позволить себе слегка посмеяться над незадачливым товарищем.

Но здесь гвардейцев не было. Поэтому реакция оказалась стопроцентно естественной. Свидетели подбежали, а потом разразились хохотом и громкими воплями. А все, кто сидел в кабинетах, отвернулись от дверей, даже если еще мгновение назад смотрели прямо на них, и прилипли к окнам. Что и требовалось. Дверь в нужный мне кабинет, как я и ожидал, оказалась незапертой (ну кого тут опасаться-то?). И внутри находился всего один человек, который как раз в этот момент стоял и смотрел в окно, прижав к уху телефонную трубку. Я сделал два быстрых скользящих шага и ударил его пальцем под основание черепа, в точку, на схеме основных уязвимых точек человеческого тела обозначенную под номером три. После чего аккуратно, стараясь не попадать в поле зрения возможных наблюдателей с улицы, оттащил обмякшее тело в глубину комнаты. Уложив жертву на пол, я осторожно поднес к уху трубку — никогда не пренебрегаю возможностью получить дополнительную информацию.

— ...представитель ОКХ ранен, и его транспортировка на более удобный аэродром представляется более рискованной, чем разовая посадка транспортного самолета на вашем. Поэтому позаботьтесь, чтобы прибывающая вечером аэродромная команда подготовила все к приему самолета...

Опаньки... я хотел языка! Вряд ли, для того чтобы разобраться в здешней обстановке, я мог бы желать лучшего собеседника, чем представитель Генерального штаба вооруженных сил рейха.

Я осторожно нажал рычаг отбоя, а затем положил трубку рядом с аппаратом. Насколько я представлял их устройство, теперь клиент на том конце провода не сможет вновь связаться с этим кабинетом. Что мне было и надо. Тем более, особенно сильно я не рисковал. Скорее всего невозможность в течение некоторого времени связаться с абонентом отнесут на сбой связи, что при их уровне развития технологий вполне

обоснованно.

Итак, похоже, первоначальный план имеет смысл изменить. Я планировал захватить именно этого офицера, которого только что отключил, поэтому и выбрал точку номер три. После дозированного воздействия на эту точку он через некоторое время должен был очнуться, совершенно не понимая, что это с ним произошло, но чувствуя себя при этом довольно погано. И я собирался организовать, чтобы этого офицера отправили куда-нибудь, где есть медики.

На самом деле возможности человека влиять на одиночную ситуацию часто определяются не столько его статусом или формальными полномочиями, сколько включенностью в процесс и убедительностью аргументов. Конечно, вряд ли кто-то станет слушать стороннего солдата, буде он начнет отдавать распоряжения. А вот если охать, ахать и громогласно припоминать, что вот точно так же скрючило дядюшку Гюнтера, прежде чем его хватил удар, а патер Вильям от такого вообще не оправился, а ведь все отказывался звать доктора, как его ни уговаривала матушка, все может оказаться с точностью до наоборот...

Но сейчас я решил, что будет выгоднее оставить этого офицера на месте, дабы не поднимать шума и не спугнуть более интересную добычу, а вот завтра организовать встречу представителю ОКХ. Поэтому я быстро обыскал лежащее тело, вытащил из кармана брюк связку ключей и открыл стоящий в углу железный ящик-сейф. Карты оказались там. Я взял несколько листов и спрятал под мундир.

В обычных условиях мне достаточно бросить всего один взгляд на любое изображение, чтобы запомнить его во всех деталях, но на этот раз я бы предпочел иметь про запас подлинники. У меня же не будет возможности использовать, как на командирском планшете, один и тот же базовый файл, просто делая резервные копии при каждом нанесении изменений в обстановке. Кроме того, я внимательно рассмотрел карту, лежащую на столе, на которой была нанесена обстановка в полосе действий данной части.

Затем я осторожно поднял лежащее тело с пола, засунул ключи обратно ему в карман и аккуратно разместил его так, будто человек сам упал там, где стоял, уронив при этом, телефонную трубку. Отменить последствия удара в точку номер три я уже не мог. Ну да ничего! Через пару дней у него все пройдет само, а до этого, что ж, придется помучиться. В конце концов, он вроде как враг, и в других обстоятельствах я бы его просто убил...

Я подошел к двери, чуть приоткрыл ее, прислушался и, уловив момент,

выскользнул в коридор.

Расположение штаба я покинул еще с одним ценным трофеем. В кабинете, который занимал старший сержант Клаус, чье мнение об умственных способностях представителей тыловых служб, погнавших невесть куда целый грузовик ради пары ящиков абсолютно никому здесь не нужных патронов, полностью совпало с моим, я обнаружил несколько подшивок центральных газет за прошедшие годы. И нагло понадергал из них солидную пачку. Заявив, что лучше в кустах на обочине, чем пользоваться столь ненадежными русскими сортирами.

Отъехав от аэродрома на полкилометра, я свернул с дороги и загнал грузовик подальше в лес. После чего остаток дня провел за чтением трофейных газет, отвлекшись только один раз, когда от дороги послышался шум мотора проезжающего грузовика. Судя по тому, что я увидел, это была та самая аэродромная команда, направленная для подготовки посадки одиночного транспортника, который должен был прилететь за представителем ОКХ.

Из газет я узнал много интересного. И после нескольких часов, включавших в себя и этап первичного изучения материала, и этап разделенного сознания, и этап нелинейной логики, я уже гораздо лучше представлял себе, что происходит в той стране, на сторону которой я так неожиданно для себя встал.

Я — имперец. Я вырос таким вследствие воспитания, полученного мной от родителей. И продолжал оставаться таковым, когда учился в университете, хотя скорее по привычке, чем вследствие осознанного решения. И я сделался таковым по убеждению, когда сумел овладеть всеми приемами мышления, которыми должен владеть гвардеец, и проанализировав все, что сумел узнать о том, как на протяжении веков люди пытались обустроить свой социум.

По моему глубокому убеждению, только империя способна дать человеку одновременно и свободу, и возможность наименее ограниченного развития, и стабильность, и безопасность. А местный лидер, тот самый товарищ Сталин, столь часто поминаемый Иванюшиным, занимался вполне, на мой взгляд, благородным делом — строил империю. Но с какой же топорностью он это делал!.. В выводе, который я сформулировал для себя, значилось, что, видимо, товарищ Сталин все-таки знал, ЧТО нужно делать для построения империи, но совершенно не представлял себе КАК.

Чем сложнее социальный организм (а империя, несомненно, наиболее сложный социальный организм из всех созданных человечеством, поскольку она всегда мультинациональна и мультирелигиозна), тем более

он подвержен сбоям системы. И для того чтобы содержать его в порядке, требуются особенные люди, особый социальный слой — имперская элита. Они не имеют ничего общего с теми, кого считает элитой толпа — актерами, певцами, светскими тусовщиками, политиками, популярными спортсменами. Ибо все они — или почти все — люди-клоуны, призванные занять внимание и время современных крестьян — менеджеров, офисного планктона и иже с ними.

Имперская элита гораздо менее заметна. Она может быть сословной или нет. Чаще всего она рано или поздно становится если и не формально-наследственной, то во многом *практически* таковой. Ибо если еще при зарождении империи не создается некая социальная *машина* не только по производству, но и по *воспроизводству* имперской элиты, такой империи срок — одно, два, максимум три поколения.

А наиболее эффективная социальная машина может базироваться только на семье, что почти неминуемо приводит к тому, что все новые и новые поколения семей имперской элиты включаются в ее главное дело — удержание связности империи. Но это, конечно, не означает, что имперская элита раз и навсегда замкнутая каста. Даже когда она организована по сословному признаку, все равно большинство вошедших в нее когда-то вышло из низов. И для представителей новых поколений этих низов всегда должна оставаться (и на самом деле остается!) возможность тоже пройти этим путем.

Вообще доступность, хотя и не абсолютная, социальных лифтов — один из ключевых показателей ее устойчивости и эффективности. Ибо если талантливые и амбициозные представители нового поколения из иных, не правящих, сословий или социальных слоев, пусть и преодолев некоторые препятствия, скорее служащие средством испытания претендентов, чем действительно являющиеся непреодолимой стеной, не могут войти в нее, они начинают использовать свои таланты и создаваемые ими возможности для борьбы *против* нее. И рано или поздно обрушивают империю. Ибо империя — единственный тип государства, который почти невозможно обрушить извне. Она жутко живуча и способна аккумулировать просто фантастическое количество ресурсов. Даже проигрыш в тяжелой войне, как правило, не служит ей приговором. Она может рухнуть, только разрушившись изнутри. Да и то не сразу.

Так вот, товарищ Сталин как раз и занимался тем, что строил имперскую элиту. Здесь она называлась «члены ВКП(б)». К сожалению, строил так, как умел. Но кто же строит элиту с помощью страха? И уж тем более страха физической расправы? Нет, пока во главе тот, кто и нагнетает

этот страх, все еще может быть ничего. Но стоит только дожить до первой точки перехода, то есть до момента передачи власти от одного лидера к другому, — и тут же начнется обвал. Новому властителю волей-неволей придется ослабить обычное давление на ключевую часть элиты, ибо иначе он не сможет удержаться у власти. И это станет началом конца. Лишившись подпитки страхом в некой ключевой области, вся система элиты, построенной на страхе, неминуемо поползет, начнет сыпаться, разваливаться, превращаться не в костяк, не в несущую структуру, а в паразита, пользующегося моментом и старающегося урвать, пока можно. Потому что можно же... уже не убивают! Это и есть конец империи.

В лагерь я вернулся довольно поздно. Выслушал доклады Гарбуза и Головатюка, а затем собрал личный состав.

— Завтра мы с вами проведем боевую операцию по захвату языка. Язык довольно ценный, информированный, при этом он ранен. Поэтому в формах воздействия на него мы ограничены, ибо он может не выдержать и умереть. Потому завтра мы проведем операцию предельно корректно, постаравшись так осуществить захват, чтобы мне потом было легче склонить языка к сотрудничеству. Понятно?

Все молча недоуменно пялились на меня. Я тихонько вздохнул. Как сложно управлять коллективом, который даже говорит с тобой на другом языке. Впрочем, это теперь твои проблемы, парень, раз уж взялся руководить. Не понимают этот язык — переходи на более понятный. И я повторил на другом:

— Завтра берем языка. Аккуратно. Всех, кто будет в машине непосредственно с ним, не убивать и захватывать с минимальными повреждениями. Понятно?

Теперь все молча кивнули. Конечно, я и эту операцию мог бы осуществить в одиночку, что было бы легче. Но что это за подразделение, в котором воюет один командир. Пусть потихоньку втягиваются, тренируют психику, навыки работы в команде, отучаются воевать тупо «на ура», как тут их, по-видимому, учили.

Засаду мы подготовили километрах в полтора от аэродрома. Там дорога на протяжении почти трехсот метров шла по лесу, делая причудливую петлю, поэтому большая ее часть с опушек не просматривалась. И до аэродрома таких мест было еще два-три, поэтому в случае, если что-то пойдет не так, я вполне смогу перехватить объект своей охоты чуть ближе к аэродрому. Уже в одиночку. Поскольку развить необходимую для перехвата скорость ни один из моих подчиненных не в состоянии.

На большую охрану я не рассчитывал — пара мотоциклистов, может, еще БТР. В конце концов, если по дороге спокойно ездят одиночные машины, значит, немцы чувствуют себя уверенно. Хотя вчерашнее исчезновение грузовика вполне могло повысить градус тревожности. Ну да кто знал-то... Будем надеяться на слабое развитие информационных сетей и крайне низкую вследствие этого скорость прохождения информации.

Остановить движущееся транспортное средство с пневматическими шинами можно великим множеством способов. Но самым простым и при действующих скоростях передвижения наименее опасным для ее водителя и пассажиров будет просто пробить шину. Что я и собирался устроить. Причем наиболее безобидным способом.

Нас учили, что пилот, управляя транспортным средством, как правило, следует определенным устоявшимся привычкам, в которые входят, например, крутизна посадочной глиссады, радиус разворота, положение транспортного средства в потоке (верхний, нижний, средний скоростной эшелон). И я имел все основания полагать, что при управлении наземными транспортными средствами действуют те же правила. Поэтому отобрал несколько сучков, высохших до костяного звона, тщательно и умело надломил их, изготовив нечто вроде рогаток, и аккуратно расставил на дороге на расстоянии пяти-шести метров друг от друга, с шагом в полладони относительно края обочины, присыпав пылью. Если их расположить щеткой, в линию, вероятность того, что автомобиль непременно наткнется на какой-то из сучков, будет выше, но на самом деле не намного, зато ряд сучков, торчащих остриями вверх, моментально вызовет подозрение. И заставит водителя заподозрить неладное. Что, несомненно, затруднит захват. А еще я собирался сначала послушать, о чем будут переговариваться пассажиры, пока водитель будет менять колесо.

Особых помех я не предвидел. Эта дорога вела в тыл, а основное движение от штаба и к штабу было направлено по другой дороге, ведущей в сторону линии фронта. Так что, если не случится фатального невезения, времени и на операцию, и на зачистку следов у меня должно остаться достаточно.

Машина, по всем признакам похожая на ту, в которой мог ехать представитель ОКХ, появилась на дороге около десяти утра. И совершенно без охраны. Ну это уже наглость! Разъезжать без охраны по территории, на которой действует гвардеец... Впрочем, пока их можно было извинить. Они-то еще об этом не знали. Да и не помогла бы им та охрана... Во всем остальном машина полностью соответствовала образу. Во-первых, это был не армейский автомобиль, а довольно симпатичный кабриолет, во-вторых, в

числе его пассажиров присутствовали раненый офицер и сопровождающая его довольно симпатичная медсестра в белом халате. Так что я решил считать машину нашей целью.

Дав знак всем затаиться, я прикинул, какой из сучков при той траектории, что придерживался водитель, скорее всего пробьет колесо, и быстро занял позицию метрах в трех дальше. Когда колесо лопнет, водителю ведь еще потребуется время на остановку...

Все произошло так, как я и предполагал. Раздался громкий хлопок, машину чуть повело к обочине, водитель быстро нажал на тормоз и выключил скорость, остановив машину практически прямо рядом со мной. Выскочив из-за руля, он обежал капот и опустился на колено.

— Доннерветтер!

Пока машина двигалась, колесо сделало несколько оборотов, так что теперь злополучный сучок торчал прямо перед носом водителя. Он досадливо сморщился и резким движением вырвал его из покрышки.

— Колесо, герр гауптман, — сообщил он офицеру на дэйче.

— Как надолго мы задержимся, Вольфганг? — поинтересовался офицер.

— На двадцать минут, герр гауптман.

— Это ничего. Генерал Шлоссе говорил, что самолет должен прилететь в районе полудня.

Я тихо порадовался. Значит, времени достаточно. Если сработать аккуратно, тревога должна подняться не скоро, хотя беспокойство начнут проявлять уже перед приземлением самолета. Ну пока свяжутся с тем местом, откуда он выехал, пока уточнят, что ни в одном из мест, куда он мог бы заехать по пути, его нет, пока пробьют маршрут — часа три-четыре у нас вполне имеется. А вот потом придется хорошенько делать ноги.

— Не волнуйтесь, фройляйн, через полчаса мы будем на аэродроме, — произнес между тем офицер, поворачиваясь к медсестре, и... сидевший на переднем сиденье солдат внезапно повторил эту фразу на том диалекте общеимперского, который носил здесь имя «русский».

Опаньки! А вот это уже интересно. При представителе Генерального штаба вооруженных сил рейха пребывает русский медик.

— Я не волнуюсь, — отозвалась девушка.

И я почувствовал, как притаившийся рядом со мной Кабан также удивленно шевельнулся. Я повернул голову и внушительно показал ему кулак. Кабан виновато зажмурился. Я вновь развернулся в сторону автомобиля. Водитель уже извлек запасное колесо из гнезда на широком крыле машины и сейчас был занят тем, что поднимал пробитое на ручном

домкрате. Что ж, подождем, пусть закончит. После того как мы начнем действовать, лучше будет сразу же убраться с дороги. Так что машина должна быть на ходу...

Водитель управился быстрее, чем обещал. Уже через пятнадцать минут он закрепил пробитое колесо на месте запасного и, обойдя машину, склонился над багажником, укладывая туда инструменты. Пора. Я кивнул Кабану, взглядом указав на водителя, а сам сделал четыре шага вперед и облокотился на верхний край задней дверцы.

— Гутен морген, — вежливо поздоровался я, — разрешите представиться, капитан Куницын.

Почти одновременно с этим сзади послышалось короткое: Хэк! — и звук падающего тела. Я едва заметно поморщился.

— Шабарин, я же просил — аккуратно.

— Так я аккуратно, товарищ командир, только шишечка будет...

Офицер вел себя безукоризненно. Он подкинул два пальца правой руки к обреза фуражки и представился:

— Гауптман фон Зееншанце, — одновременно с этим подал корпус чуть вперед и попытался второй рукой извлечь из кобуры пистолет. Это ему удалось, но когда он поднял взгляд, то уставился прямо в дуло моего ТТ.

— А я считал вас более благоразумным, — укоризненно сообщил я ему, отбирая пистолет.

Офицер молча выслушал мое замечание, а затем холодно спросил:

— Что вам нужно?

Я пожал плечами.

— Да в общем-то поговорить.

Гауптман величественно пожал плечами:

— О чем?

— О жизни... и вообще.

— Не думаю, что расположен к разговору, — все так же холодно осадил меня фон Зееншанце.

А я откровенно любовался этим парнем. Ну молодец же! Ведь это не просто гонор. Он отлично просчитал ситуацию. Рана сильно ограничивала мои возможности применить к нему меры физического воздействия, а рассказывать мне что бы то ни было добровольно он не собирался. Воздействовать на него через спутников? Я окинул оценивающим взглядом солдата, сидящего впереди, потом повернул голову в сторону лежащего у багажника водителя, которому Кабан сноровисто вязал руки. Нет, тут тоже особенных шансов не просматривается. Солдат вообще не вызывает у гауптмана никаких эмоций, водитель... с тем сложнее. Но... дело

мужчин — сражаться и погибать. За родину и суверена. Так что, в свете того, что и сам гауптман, похоже, собирался поступить подобным образом, и тут особенно ничего не вырисовывалось. Остается девушка.

Я перевел задумчивый взгляд на нее. А хороша, чертовка! Тоненькая, с огромными глазами испуганной серны, густыми непослушными волосами и хорошо развитой грудью. Вот в этом направлении стоит поиграть. Но чуть позже. Пока лучше побыстрее убраться с дороги. Я снова улыбнулся и, оторвавшись от дверцы, быстро занял место водителя.

Машину я остановил метрах в трехстах от дороги. Дальше путь преграждал небольшой овраг, объехать который не было никакой возможности. Но и так неплохо. На открытой местности этого было бы недостаточно, но здесь деревья хорошо гасят звуки. Так что нашему разговору никто не помешает. Во всяком случае, неожиданно...

Приказав Головатюку выставить охранение, я вновь занял позицию у задней дверцы.

— Итак?

— Я уже все сказал, — холодно отозвался фон Зееншанце.

— А если я попытаюсь вас убедить? — вкрадчиво спросил я, демонстративно окидывая взглядом сидевшую рядом с ним девушку и нарочито не обращая внимания на связанных солдата и водителя, которых, чтобы не тащить на руках, мои орлы разместили на багажнике и сейчас свалили на землю. В глазах гауптмана мелькнуло едва уловимое беспокойство. Но внешне он постарался выглядеть максимально саркастичным.

— Вы пытаетесь убедить меня предать Германию, угрожая совершенно неинтересному мне человеку. Она — всего лишь пленница, правда, прекрасный хирург, на редкость легкая рука. Именно поэтому я велел ей сопровождать меня... конечно приняв определенные меры, гарантирующие ее лояльность.

Я снова восхитился моим визави. Очень интересно построенная фраза. Попытка одновременно убедить меня в полной бесперспективности данного направления воздействия и заинтересовать возможностью включить в мой отряд высококвалифицированного медика. Ай, молодец!

— Ничего, я готов рискнуть.

— Любите убивать женщин? — презрительно скривил он губы.

— Да, в общем, нет, — честно признался я.

В моей биографии было несколько трупов женского пола, но женщинами я их, если честно, не считал. Уж очень мало в них было от прекрасной половины человечества. Скорее взбесившиеся фурии,

получавшие почти сексуальное удовольствие от насилия и убийства. Хотя сам факт их принадлежности к женскому полу все равно меня несколько напрягал. Но, слава богу, таких действительно было чрезвычайно мало... Я распахнул дверцу.

— Не составите мне компанию?

— Он серьезно ранен, — внезапно подала голос предмет нашего обсуждения. Опаньки! А вот это уже интересно. В голосе девушки я явно уловил нотки беспокойства. Это что же получается: господин гауптман состоит в обойме тех, за кого она искренне переживает?

— А ты молчи, подстилка фашистская! — зло отозвался Кабан.

Девушка сжалась, как от удара. Я молча смотрел на офицера. Тот сидел с каменным выражением лица. Отличный эмоциональный баланс, ничего не скажешь. Но, уж извини, не тебе тягаться с гвардейцем. В самом крайнем случае просто воспользуюсь банальным гипнозом. Вряд ли у тебя в голове стоит психоблок второго уровня, а все, что ниже, я пробью. Но это в крайнем случае. Разговаривать с загипнотизированным — удовольствие ниже среднего. К тому же при гипнозе практически отключается вся невербалка, а это плохо. Невербальные реакции — второй информационный канал, и его отсутствие сильно снижает эффективность любого допроса. По невербалке вполне можно отследить, с каким вопросом следует разобраться более детально, а какой не представляет серьезного интереса. Именно поэтому мы обучены при необходимости полностью подавлять эмоциональную составляющую. Ну про то, что гвардейцев зовут гранитными истуканами, я уже поминал...

— Какое у него ранение?

— Проникающее, левого легкого, — отозвалась девушка, взгляд которой после слов Кабана стал похож на взгляд затравленного зверька.

И я решил пока не предпринимать ничего для купирования данной ситуации. Офицер и девушка явно эмоционально связаны, так что чем большее напряжение будет испытывать она, тем более податливым будет становиться он.

— Как давно была операция?

— Четыре дня назад.

Я замер. Либо я чего-то не понимаю, либо... офицер совершенно не производил впечатления аборигена, получившего подобную рану четыре дня назад.

— У вас есть бинты? — спросил я девушку.

— Да... а что? — растерянно отозвалась она, не понимая, зачем я это спрашиваю. Но я ее уже не слушал. Я вытащил нож и, вскрыв повязку,

установился на рану. Вот это да-а-а! Я бесцеремонно раздвинул веки немца и осмотрел склеры и зрачок, потом прослушал пульс. Меня интересовала не его частота, а интерферентные волны, проходившие по стенкам сосудов. Нет, все точно. Этого не могло быть, но... передо мной сидел абориген, явно преодолевший первую ступень антропоэволюции. Вот это подарок! Мои планы в его отношении тут же изменились. Теперь я ни в коем случае не собирался его убивать, а вот пообщаться нам стало просто крайне необходимо.

— Что все это значит? — холодно спросил он.

Ну да, теперь понятно, откуда у него такой хороший эмоциональный баланс. Я повернулся к девушке.

— Наложите ему новую повязку.

Она действительно оказалась очень неплохим медиком. Ну есть такие люди, у которых предпочтительная профессия буквально в крови. И она, похоже, оказалась именно из них.

— Выходите, — повелительно приказал я, когда девушка закончила.

Фон Зееншанце инстинктивно дернулся, поднимаясь на ноги (как гласит известная пословица, когда говорит гвардеец, подсакивают даже буддистские монахи), но тут же насупился и сделал движение, чтобы вернуться в прежнее положение. Однако я ему не дал, бесцеремонно ухватив за шею и буквально выкинув из машины. Девушка тихо ойкнула. Но сейчас я не обращал на нее особенного внимания.

— Пошли, — кивнул я в сторону поваленного дерева. — Присядем.

— Зачем?

— Нам надо поговорить. С глазу на глаз.

Гауптман удивленно воззрился на меня. Такого поворота он не ожидал. Но решил не обострять ситуацию и подчиниться. Тем более что я его явно заинтриговал.

Мы сели на дерево. Я мельком осмотрелся. Мои орлы пялились на нас, разинув рты. Ну еще бы! Их смертоносный командир, вместо того чтобы выбивать из захваченного фашиста секретные сведения, собирался с ним мило беседовать. Знали бы они, что в конце нашей беседы я собираюсь его отпустить... Мне придется очень потрудиться, восстанавливая свое сильно пошатнувшееся в их глазах реноме, ну да что делать. Установить контакт с этим фон Зееншанце сейчас было гораздо важнее.

— Предлагаю вам обмен. Вы ответите на мои вопросы, а я отпущу вас и тех, кто с вами приехал.

Гауптман минуту помолчал, а затем уточнил:

— Всех?

— Всем будет предоставлена полная свобода выбора, — твердо произнес я, совершенно точно зная, откуда у него возник этот вопрос. Но девочку я бы, пожалуй, оставил у себя. Хороший способ посадить его на крючок. Поэтому я и ответил так, оставляя за собой свободу маневра.

— Почему я должен вам верить?

Я пожал плечами:

— А что вам еще остается?

Он снова помолчал. Затем твердо произнес:

— Вы же понимаете, что на вопросы, касающиеся сведений, составляющих военную тайну, я отвечать не буду.

— Хорошо, но имейте в виду, что, если я окажусь не удовлетворенным разговором, я оставлю за собой право частично изменить наше соглашение.

Он снова задумался.

— Ну... — усмехнулся я, — решайтесь. Обещаю, я не буду слишком категоричен. К тому же мы же с вами знаем, что военная тайна — понятие растяжимое. И кое-что можно вполне рассказать командиру сборного отряда окруженцев, пробирающегося лесами к линии фронта. Все равно, пока мы доберемся до своих, многое из того, что сейчас составляет эту тайну, уже устареет. — Я замолчал, оставляя за скобками мысль, что последнее предложение можно сформулировать и так: «Если доберемся». Догадается — не маленький.

Гауптман окинул меня задумчивым взглядом.

— Странно, вы не производите впечатления обычного командира красных.

Я промолчал. Все сказано. Пора ему решаться.

— Хорошо, давайте попробуем.

— Расскажите мне о себе, — тут же попросил я.

— О себе? — недоуменно переспросил он.

— Ну да. Начните с того, чем вы увлекались в детстве и юношестве? Ну там спорт, рисование, поэзия.

— Но зачем вам это?

— Это мое дело, — твердо заявил я...

Слушая его, я постепенно понимал, как все произошло. Он с детства развивался достаточно гармонично, в полной мере используя возможности, предоставленные ему его положением. А ведь часто молодое поколение представителей высших слоев просто гробит имеющиеся у него обширные возможности развития, ограничиваясь совершенно, на мой взгляд, тупыми развлечениями типа светских тусовок, вечеринок, пати и всякой другой муйни, именно это и считая *элитным* способом жизни.

Нет, время от времени и я не против немного развлечься. Но подобная жизнь уж больно напоминает мне существование, обеспечиваемое *элитным* свиноматкам, быкам-производителям и иным, не менее *элитным* представителям животного мира, разводимым на племя. Тот же самый безудержный секс и совершенно необременительная жизнь, обеспечивающая удовлетворение основных биологических и самых примитивных эмоциональных потребностей. И все. С той лишь разницей, что элитные животные как минимум производят здоровое потомство, а увлеченное подобным образом жизни человеческое стадо, наоборот, от детей шарахается как черт от ладана. Одна польза от них — отличный пример для остальных, как можно быстро и эффективно совершенно *угробить* свою жизнь. Впрочем, для того чтобы это понять, требуется опять-таки обладать некоторым уровнем развитием, отличным от уровня животного...

Затем Клаус фон Зееншанце получил великолепное высшее образование и вот уже три года служил в динамично растущей и развивающейся армии. Эта армия уже два года вела современную, динамичную и пока победоносную войну на чрезвычайно широком театре военных действий — от субтропиков до Полярного круга, с использованием самых новых и современных на данный момент приемов и способов ведения боевых действий. Что, на мой взгляд, вполне заменяло виртуальную среду развития. И за это время фон Зееншанце дорос до чина гауптмана. Так что и возможностей достижения порогового гормонального баланса у него тоже было достаточно. А это давало мне очень и очень большую надежду на то, что я все-таки смогу добиться такого же и от своих орлов. В конце концов, та же мелкая моторика, которую они довольно успешно развивали с помощью игры в бирюльки, довольно заметно влияет на нейронные связи, а война как среда развития теперь была доступна и нам. Причем, судя по всему, такая, которая армии гауптмана еще и не снилась...

Потом он достаточно образно обрисовал мне ситуацию на континенте, где и разворачивалась эта большая война, соотношение сил, возможности, которыми обладала каждая из сторон, и даже сегодняшнее положение дел. Хотя это я бы уже отнес к области военной тайны. Впрочем, подобные сведения представляют действительный интерес для командования уровня как минимум армией, а скорее фронтом и выше. Так что, почему бы не поделиться этой информацией с младшим командиром, который все равно ничего не поймет и уж точно не запомнит. Этакая скрытая форма издевательства. Но все равно я мысленно сказал ему спасибо. Мы

прервались всего лишь один раз. Когда по небу проползла туша транспортного самолета...

— Ну что ж, — произнес я, спустя три с половиной часа, — должен сказать, что я вполне удовлетворен.

Он замолчал и смерил меня тревожным взглядом.

— Значит ли это, — осторожно начал он, — что вы собираетесь выполнить свое обещание?

— Да, — ответил я и улыбнулся.

— То есть вы отпустите всех, кто ехал вместе со мной?

— Да, — снова повторил я и, развернувшись, крикнул: — Головатюк!

— Слушаю, товарищ командир.

— Развяжи пленных.

Головатюк оторопело уставился на меня.

— Товарищ командир... — изумленно, начал Римозов. И осекся, когда я рывком поднялся на ноги, вскидывая на плечо свой неизменный «дегтярь».

Все замерли. Во всяком случае, первая десятка. Трое недавно прибывшихся недоуменно переглянулись. Они ведь пока не видели меня в деле, и у них в памяти не было эпизода с Кабаном на том болотном острове. Я спокойно смотрел на Головатюка. Тот сглотнул и быстро перерезал путы на солдате и водителе. Девчонка все время разговора так и просидела в машине несвязанной.

— Вы свободны, — сообщил я обоим, когда они поднялись на ноги, растирая затекшие запястья, и, перейдя на русский, обратился к девушке: — Как тебя зовут?

Она вздрогнула, подняла на меня глаза и тихо произнесла:

— Вилора.

— А я... — Я запнулся. Как же звали капитана Куницына? А-а, Георгий...

— Георгий, — представился я. — Сейчас я отпущу офицера, которого ты сопровождала, и всех остальных тоже. Ты можешь выбирать — ехать вместе с ними или остаться с нами.

В ее глазах вспыхнула надежда. Она несколько испуганно покосилась на стоящего рядом с ней Кабана, продолжавшего пялиться на нее с весьма злым и... довольно развязным видом. Ее привлекательность на него явно подействовала.

— А... вы меня не расстреляете?

Я сымитировал удивление:

— Ну что ты, за что? Нам просто очень не помешает медик.

— Тогда... конечно, я с вами.

— О чем вы говорили с моим медиком? — несколько нервно спросил фон Зееншанце.

— Я спросил, последует ли она дальше с вами или останется со своими.

Его глаза на мгновение озаарились бешенством. Он дернул губой, наверное, собираясь обвинить меня во лжи, но затем, как видно, в его памяти всплыла фраза, которой мы подытожили наш договор, и он сдержался. Некоторое время он молча смотрел на девушку, а затем перевел взгляд на меня.

— Я обязан ей жизнью. А фон Зееншанце всегда отдают свои долги. Могу я быть уверен, что ей не будет причинено никакого вреда?

Во-от, так-то лучше. А то «не представляет интереса...». Я пожал плечами.

— Идет война. Всякое может быть, но обещаю вам, что пока я жив и рядом, я сделаю все, чтобы ей не было причинено никакого вреда.

Он минуту сверлил меня напряженным взглядом, а затем медленно кивнул:

— Я вам верю.

Они уже садились в машину, когда один из трех новичков не выдержал:

— Товарищи! Да что же это? Он же отпускает фашистов! Вы что, не видите, что ли? Да мы...

И в этот момент Кабан засветил ему со всей дури прикладом. Солдатика унесло на пару метров в сторону.

— Ну кто еще собирается обсуждать приказы командира? — угрюмо спросил Кабан, угрожающе поводя стволом ППД.

Все молчали.

А я стоял и думал. Стоило ли все, что я сейчас сделал, потери того уровня доверия между мной и моей командой, которого мне удалось достичь. И решил, что стоит.

Я собирался вплотную заняться этой планеткой. И мне очень не помешают люди, способные самостоятельно достигнуть первого уровня антропрогрессии. Потому что в таком случае появляется шанс, что с моей помощью они смогут продвинуться и дальше. Еще больше увеличив свою ценность для того, что я теперь видел, как свои Долг и Честь, Кысмет и Воля Императора.

Ну и что, что я один? Лет восемнадцать назад, во время подавления мятежа в секторе Кеннеди, уже в самом конце на их столицу был выброшен

43-й батальон Гвардии. Для наземной операции по принуждению к миру планеты с численностью населения до пяти миллиардов человек вполне достаточные силы. Больше — уже излишество. Но, к сожалению, и разведка, и сисаны полностью прошляпили, что над столицей мятежники сумели развернуть планетарную оборонительную сеть первого порядка. Так что, когда десант уже пошел, мятежники всей мощью ударили по крейсеру, сразу же сильно его повредив. И лишив десант огневой поддержки. А затем начали расстреливать гвардейцев в атмосфере. Батальон был почти полностью уничтожен... Нет, победы мятежником это не принесло бы в любом случае. Сразу после этого к их столице была подтянута полная гвардейская дивизия, проведена детальнейшая разведка, разработан план новой десантной операции, потери в которой должны были составить вполне допустимые три процента.

Но Император дал отбой. Он спросил у сисанов, сколько, по их мнению, гвардейцев сумело достигнуть поверхности. И когда те выдали цифру — три-пять человек, уточнив, правда, что данные весьма приблизительны, поскольку возможности наблюдения у крейсера, находящегося на орбите, вследствие повреждений были крайне ограничены, сказал: «На планете уже есть Гвардия — и этого достаточно. Просто подождем, пока она выполнит свой долг».

Через пять лет на планете произошло народное восстание, свергнувшее правительство мятежников и вернувшее власть партии демократических монархистов, вполне лояльной к Императору. В составе первой делегации, прибывшей к Императору для вручения прошения о восстановлении отношений вассалитета, был член планетарного парламента Дей Ллесие, лидер третьей монады 43-го батальона Гвардии. Сисаны снова ошиблись. Он оказался единственным выжившим из первой волны десанта...

Как я и рассчитывал, фон Зееншанце не стал информировать командование о том, что побывал в плену. И, соответственно, что поблизости от аэродрома, на котором его дождался-таки самолет, болтается по лесу организованная и вооруженная группа военнослужащих врага. Возможно, чтобы не давать лишних объяснений, возможно (что я считал более вероятным), чтобы не подвергать дополнительной опасности девушку. Атака, перестрелка, шальная пуля... Поэтому мы вполне благополучно (хотя дополнительные меры предосторожности я, естественно, принял) переночевали в старом лагере, а утром двинулись вперед.

После анализа всего объема полученной информации у меня сложился достаточно четкий план действий. Просто выходить к тем, кого я теперь считал своими, в данной ситуации смысла не имело. Ибо даже если мы просто выйдем, пусть и с оружием, снаряжением, как полностью боеспособное подразделение, вследствие той истерии страха, которую развел в стране ее руководитель, товарищ Сталин, нам придется очень долго отплевываться от целого сонма всяческих подозрений.

Так что Иванюшин в том разговоре с Головатюком был прав. Выходить нам надо с шумом и гамом, сильно выручив то соединение, на участке которого мы будем прорываться, и врезав по немцам так убедительно, чтобы снять все вопросы у органов. А для этого тринадцати человек явно маловато. Поэтому первой задачей для меня являлось увеличение численности личного состава. И легче всего это было сделать, совершив налет на какой-нибудь из временных пунктов сбора военнопленных, о нескольких из которых мне доверительно поведал фон Зееншанце. Пленных у них действительно оказалось совершенно неожиданно очень много. Но после того, как я провел столько времени вместе с моими орлами, я был уверен, что дальнейший ход войны еще принесет его соотечественникам очень много неожиданностей. Неприятных по большей части...

Марш до одного из таких лагерей военнопленных, располагавшегося недалеко от населенного пункта под названием Береза-Картузская, мы совершили где-то за неделю. В принципе, дойти можно было и гораздо быстрее, но я еще больше взвинтил интенсивность занятий, так что вся неделя оказалась до отказа заполнена интенсивными тренингами, а весь маршрут мы прошли короткими кроссами по пять километров с полной выкладкой и с грузом по пересеченной местности.

Сильно напрягала невозможность дать бойцам нормальную стрелковую практику, поскольку устраивать тренировочные стрельбы, находясь в тылу врага, было не очень разумно. Но пока я обходился упражнениями на удержание прицельной линии, в том числе в движении и при смене положения тела, и тренировками в изготровке к стрельбе из неустойчивого положения, каковые, как выяснилось, в местной армии вообще не входили в программу обучения. Что весьма странно. Неужели местные командиры считали, что их бойцы всегда будут иметь возможность вести огонь из стандартных положений и на заранее отмеренные дистанции?

А еще я ввел ежевечерние сеансы иглоукалывания и медитацию. Мне нужно было максимально ускорить развитие у моих бойцов плотной

нейросети и закрепление вырабатываемых рефлексов. А иных средств для этого в моем распоряжении не имелось. И вот тут девочка вновь показала себя с лучшей стороны, довольно быстро научившись правильно ставить иголки. Конечно, наиболее эффективные точки в ноздрях и районе позвоночного столба я ей пока не доверял. Здесь слишком велика опасность повредить головной или спинной мозг. Но вот уши и кисти рук она смогла полностью взять на себя уже на третий день.

Первый сеанс иглоукалывания вкупе с медитацией я провел вечером первого же дня марша. К вечеру мои подчиненные больше всего напоминали ошметки лимона, после того, как его выдавили. Тонкая кожа, а внутри — ничего. Я специально так распределил нагрузку, чтобы на протяжении дня все время работали разные группы мышц.

Так что когда мы вечером ушли на первый в серии кросс, в принципе все они чувствовали себя более-менее нормально. Мышцы лишь слегка ныли, правда, *практически все* — от бицепса до мелких мускулов, приводящих в движение мизинцы ног. Но люди воспринимали это состояние как легкую усталость, даже не подозревая, что на самом деле организм находится уже на последнем издыхании, ибо скорость поступления питательных веществ в митохондрии клеток намного уступала скорости расходования энергии.

Поэтому начался кросс довольно бодро... а вот закончился тем, что, когда я дал команду: «Стой!» — четверо упали на землю, мгновенно потеряв сознание. Впрочем, они были готовы потерять его еще за километр ранее, и мне пришлось специально работать с ними, чтобы удержать от этого.

Остальные были не лучше. Но это было именно то, чего я и добивался и что требовалось для выполнения ключевой задачи — скачкообразного изменения физических кондиций. Хотя сам скачок, по моим расчетам, должен был занять не менее недели. Человеческий организм обладает колоссальной инерцией, знаете ли...

Окинув взглядом свое совершенно изнуренное воинство, я усмехнулся про себя, а внешне только неодобрительно покачал головой:

— Да уж, хороши... И как только воевать думаете?

Ответом была тишина. У моих орлов не было сил даже на злобный взгляд, хотя я не сомневался, что мысленно удостоился самых нелестных эпитетов. Но давать им спуску я не собирался. Тем более что требовалось немедленно запустить следующий этап.

— Головатюк — быстро дрова и костер. Сокольницкая...

Девушка выглядела чуть лучше, поскольку основная нагрузка обошла

ее стороной. Она еще не прошла этап игры в бирюльки, поэтому от большей части занятий я ее освободил. И ей досталось только на кроссе.

— ...с тебя — похлебка. Максимально густая. Как можно больше мяса и овощей. Как можно больше лука. Вкусовые качества особого значения не имеют. Все понятно?

— Передохнуть бы трохи... — простонал Головатюк.

— Отставить передох! — чуть возвысил голос я. — Вперед, исполнять приказание!

Мне надо было, чтобы они как можно быстрее получили подпитку, иначе процесс истощения мог зайти слишком далеко, и я бы вместо ожидаемого рывка получил, наоборот, серьезный гормонально-метаболический сбой.

Пока мои подчиненные, более всего напоминающие сейчас крабов-инвалидов, потому что все их передвижения осуществлялись, этак ковыляя боком, занимались костром и приготовлением пищи, я расщепил пень, стоявший с краю поляны (во многом из-за него я и решил сделать остановку именно здесь), подготовив полторы сотни заготовок для игл. Хорошенько острогав, я воспользовался углями костра, чтобы их тщательно обжечь. Так что когда мои подчиненные закончили хлебать наваристый бульон (мясо и гуцу я трогать категорически запретил: в таком состоянии их скорее всего просто бы вырвало), у меня уже все было готово.

— Так, теперь всем обнажиться по пояс, снять сапоги и сесть вокруг меня полукругом на колени, — приказал я.

Все, охая, постанывая и матерясь сквозь зубы, выполнили команду и уселись вокруг идиота, который довел людей до такого состояния и все никак не может успокоиться.

— Сейчас я сделаю кое-что с каждым из вас. После этого вы должны постараться полностью очистить свою голову от каких бы то ни было мыслей и попытаться расслышать музыку. — Я сделал паузу, ожидая вопрос.

И он последовал:

— Какую музыку?

— Какую услышите. Она непременно будет. Только, чтобы ее услышать, нужно постараться, понятно?

Сил на ответ ни у кого не было. Поэтому все просто промолчали. Я взял подготовленные иглы и присел на корточки перед Иванюшиным.

— Закрой глаза, — попросил я его.

Он послушно смежил веки. Я взял двадцатисантиметровую иглу и быстрым, но плавным движением загнал ему в левую ноздрю. Все вокруг в

ужасе ахнули. Иванюшин испуганно открыл глаза.

— Иглу чувствуешь? — спросил я его.

Он скосил глаза на маленький кончик, торчащий из ноздри, и попытался кивнуть, но двадцатисантиметровый деревянный штырь ему помешал. Поэтому он, судорожно сглотнул и прошептал:

— Да-а...

— Больно?

Иванюшин несколько мгновений прислушивался к своим ощущениям, а затем удивленно ответил:

— Не-ет...

— И дальше больно не будет, — успокоил я его. — Подними правую руку и максимально растопырь пальцы.

Иванюшин послушно выполнил сказанное. Я быстрыми движениями загнал ему две иглы между указательным и средним пальцем и между мизинцем и безымянным. В последний момент Иванюшин попытался дернуться, но я был начеку и не позволил ему этого.

— И как, больно? — снова спросил я.

Иванюшин снова прислушался к ощущениям и опять удивленно ответил:

— Нет.

— Я же сказал, что не будет. А теперь — лучше закрой глаза. Так и тебе будет спокойнее, и мне легче.

Воткнув еще тринадцать иголок, я приготовил последнюю и спросил:

— Помнишь, что надо делать?

— Что? — переспросил Иванюшин.

Я терпеливо повторил еще раз:

— Полностью очистить свою голову от каких бы то ни было мыслей и попытаться услышать музыку. Понял?

— Да... а зачем это, товарищ командир?

— Завтра объясню, — отрезал я и вогнал ему последнюю иглу. Иванюшин обмяк.

Я протянул руку и проконтролировал пульс. Он был хороший — глубокий, мерный, ударов сорок в минуту. То, что надо...

Когда я закончил с последним бойцом и поднялся на ноги, девушка испуганно, но и где-то разочарованно уставилась на меня.

— А... я? Мне вы не будете это делать?

Я качнул головой.

— Нет. Тебе пока рано.

— А что это?

— Акупунктура.

Она замерла, запоминая неизвестный термин, а потом шепотом повторила его. Очень полезный навык, надо сказать.

— Ладно, у нас еще много дел. Нам надо сварить вторую порцию похлебки.

— А мясо от первой куда девать? — спросила она, с готовностью поднимаясь на ноги. А ведь девочка также получила сегодня очень нехилую для нее нагрузку. Просто молодец!

— Разложи по котелкам. Им после того, как закончат, жрать будет хотеться просто зверски.

— А можно будет? — уточнила она, памятуя о моем запрете на твердую пищу.

— Потом — да, — отозвался я.

Иглы из моих орлов я извлек через двадцать пять минут. На первый раз этого времени должно быть достаточно. Иванюшин, которого я освободил от игл первым, очнулся, когда я вытаскивал иглы из Головатюка. С минуту он смотрел на процесс таким спокойно-отрешенным взглядом, который всегда бывает у человека сразу после медитации, а затем перевел взгляд на Гарбуза и Кабана, все еще напичканных иглами, и вздрогнул.

— Это я тоже таким же... утыканным был? — тихо прошептал он.

— Да, — отозвался я, продолжая работать. — Есть хочешь?

Этот вопрос включил ощущения, и Иванюшин едва не застонал от того, как у него засосало в животе.

— Да!..

— В котелке мясо. Ешь, сейчас можно, а потом еще зачерпнешь в котле похлебки.

Иванюшин шустро вскочил на ноги и порскнул к своему котелку. Быстро умяв все, что там было, он навалил себе еще и, уже усаживаясь на прежнее место, внезапно замер, прислушавшись к себе, и удивленно вскрикнул:

— Ух ты! Будто новенький! Как выпался.

И все остальные, которые уже тоже очнулись и находились в разной стадии того же процесса, что и Иванюшин, замерли, прислушиваясь к своим ощущениям. А потом развернулись и удивленно уставились на меня.

— Пока еще не совсем, — добродушно усмехнувшись, качнул я головой. — Вот выпитесь, тогда действительно будете даже не как, а действительно во многом новенькие. Тогда и поговорим. А пока — всем быстро есть и спать!

— А охранение? — встревоженно поинтересовался Головатюк.

— Сегодня я в охране, — успокоил его я...

На следующий вечер, когда я начал работать с иглами, девушка тихонько подобралась поближе и впилась глазами в мои пальцы. Я специально чуть замедлил и немного более тщательно отфиксировал движения, а когда вонзил первую иглу в Кабана, как и вчера ставшего последним, остановился и, повернувшись к ней, спросил:

— Внимательно смотрела?

— Да, — серьезно кивнула она.

— Хочешь попробовать?

Кабан дернулся.

— Товарищ командир!..

Я успокаивающе улыбнулся.

— Спокойно, Шабарин, я — рядом, и у нее явно легкая рука. Можешь мне поверить. К тому же я ей пока доверю менее важные точки, — а затем слегка подольстил: — Когда наш отряд увеличится, мне совершенно точно понадобится, помощник. Ну на ком ей еще пробовать, как не на тебе? Остальные же мгновенно в штаны наложат.

Он слегка расслабился. Я опять повернулся к девушке.

— Так как, готова попробовать?

— Да, — серьезно ответила она.

И с первого же раза все сделала просто отлично. А вытаскивать иглы я доверил ей уже из последних шести. Чтобы остальные также слегка привыкли к зрелищу того, что с иглами работаю не только я один.

На следующий день ставить иглы я начал именно с Кабана, самостоятельно обработав только ноздри и позвоночный столб. Все остальное сделала девочка. Рука у нее действительно оказалась очень легкая.

В принципе, в умении пользоваться иглами нет ничего сложного. Ставить иглы можно научиться максимум за несколько попыток. Или за одну, если у тебя хорошая координация и врожденное умение концентрироваться. Практически это не сложнее умения вдеть нитку в игольное ушко. Основное искусство в практике акупунктуры заключается в том, чтобы не просто знать точки, в которые можно устанавливать иглы, а правильно рассчитать всю схему резонансного возбуждения метаболизма, запускаемую рисунком игл...

Лагерь для военнопленных был не слишком большим — несколько соток земли, обнесенных забором из колючей проволоки в полтора человеческих роста, за которым стояло, сидело и лежало где-то около четырехсот человек. Учитывая, что этот лагерь был одним из нескольких и использовался как транзитный, утверждение фон Зееншанце о том, что поток пленных у них был довольно большим, подтверждалось. На территории лагеря не было никаких строений. Только вкопанный в землю длинный стол недалеко от входа, скорее всего используемый для раздачи пищи, да уже знакомая будка примитивного сортира в дальнем конце. Есть и спать обитатели лагеря должны были либо стоя, либо сидя и лежа прямо на земле.

Охрана лагеря насчитывала не более одного взвода, размещавшегося в палатках. Правда, одеты они были отчего-то не в болотно-зеленую, а в черную форму. И вооружены не только винтовками, но и автоматами. Имелось и несколько пулеметов, два из которых были установлены на вышках, выстроенных на двух противоположных углах прямоугольника, образованных забором из колючей проволоки.

Взять этот лагерь можно было даже с теми силами, которые у меня имелись. Причем без особого труда и с учетом, что я взял бы на себя функцию подстраховки, скорее всего и без потерь. Но вот что мне потом делать с четырьмя сотнями безоружных, испуганных, голодных и склонных к панике людей? Так что с налетом на сам лагерь я решил пока обождать. А пополнение себе набрать из маршевой колонны пленных. Раз это транзитный лагерь, таковые должны время от времени сюда прибывать или отсюда отправляться, не так ли?

Колонна появилась на следующий день. По прибытии к лагерю я резко сократил интенсивность занятий и, соответственно, сеансы иглоукалывания. А в медитацию мои ребята уже научились входить и так. Так что с этой стороны пока все шло просто замечательно...

Я приказал Головатюку выставить наблюдательные посты на всех трех дорогах, которые вели к лагерю. Хотя пленные, по идее, должны были прибывать сюда только по двум — восточной и северной. Я считал, что предпочтительнее будет пополнение именно из прибывающей колонны. Прибывающие, по идее, должны были провести в плену меньшее время, а вот повоевать, наоборот, больше. Так что их психологическое состояние мне казалось более предпочтительным. Но с другой стороны, а вдруг на фронте как раз сейчас некоторое затишье и пленных не будет? Тогда придется брать отправляющуюся. Однако на второй день, ближе к вечеру, с северного наблюдательного поста пришел условный сигнал о приближении

объекта операции. Я поднял людей «в ружье» и быстро выдвинулся на перехват.

Колонна, охраняемая четырьмя конвоирами, была небольшой, человек в сорок, но разномастной. Судя по форме и цвету петлиц, в ней были собраны и пехотинцы, и танкисты, и артиллеристы, и даже один летчик. Вернее, скорее всего это был либо механик, либо боец из состава батальона аэродромного обслуживания, поскольку все летчики, как я уже знал, являлись офицерами. Но ни одного офицера я в колонне не обнаружил. И в лагере, между прочим, тоже. Похоже, их отбирают на первоначальном этапе и отправляют куда-то еще, что представлялось вполне разумным. При таком соотношении охранников и охраняемых наличие управляющего центра в лице офицера вполне могло доставить конвоирам много хлопот.

Мы успели занять позиции по обе стороны дороги, так что едва конвоиры поравнялись с моими орлами, я подал сигнал. Все четверо были вырублены практически мгновенно. Все-таки мои занятия явно принесли очень неплохие плоды. Все занятые в атаке двигались стремительно и очень точно. Любо-дорого посмотреть.

Колонна замерла, испуганно, настороженно, с надеждой... короче — по-разному уставившись на нас. Я вышел вперед.

— Я — капитан Куницын, — достаточно громко начал я. — Мы — группа бойцов и командиров Красной армии, продолжающая сражаться с противником. Там, — я указал в сторону лагеря, — в трехстах метрах отсюда, лагерь для военнопленных. Там вас ждет горячая еда и возможность отдохнуть после тяжелого перехода. И жизнь (я тогда даже не представлял, как эти уроды поступают с пленными). Но и плен. Я же могу обещать вам тяжелые марши, бои, возможно, голод, возможно, даже скорее всего, смерть. А еще я потребую от вас беспрекословного повиновения. Но зато дам вам возможность сражаться за свою страну и смыть с себя позор плена. — Я сделал короткую паузу. — Есть еще и третий путь. Пробираться к линии фронта самостоятельно. И я прошу вас сделать выбор. Сознательный. Сейчас мы вас оставим и отойдем в лес. Метров на пятьдесят. Если кто-то через пять минут присоединится к нам, это будет означать, что он согласен со всеми моими требованиями. Остальным — Бог судья, — после чего развернулся и двинулся в лес, кивком позвав за собой своих орлов.

Через пять минут к березе, под которой мы расположились, подошли тридцать восемь человек. Шедший вперед летчик остановился, одернул гимнастерку и, прижав руки по швам, направился ко мне, стараясь четко печатать шаг.

— Товарищ капитан, личный состав в количестве тридцати восьми человек просит вас принять над нами командование. Готовы беспощадно бить врага и клянемся, не жалея своей жизни...

— А вот это зря, — прервал я его, — свою жизнь стоит жалеть. И беречь. Она нам всем еще пригодится.

Среди нового пополнения девять человек оказались ранены. Правда, все легко. И я имел еще одну возможность убедиться, что фон Зееншанце не солгал, убеждая меня в высокой квалификации лейтенанта Сокольницкой. За прошедшее время отношение к ней в нашей команде кардинально изменилось. Тем более что уже на третий день марша к лагерю военнопленных, когда организмы моих ребят, подхлестнутые резонансным возбуждением метаболизма, достаточно перестроились, чтобы к вечеру они уже не выпадали в осадок всем скопом, я дал ей возможность рассказать свою историю. После этого все некоторое время сидели, задумчиво глядя в огонь. А потом Гарбуз осторожно вытянул руку и погладил ее по голове:

— Да-а-а, досталось тебе, девочка.

У них у всех была своя трагическая история, но они все-таки были мужчинами и солдатами...

Кстати, как я и рассчитывал, рассказ Вилоры несколько изменил отношение моих орлов и к тому немцу, и, соответственно, к моему решению его отпустить. Все ж таки этот немец оказался человеком слова и никоим образом за все время, пока он был с девушкой, не совершил ни единого предосудительного поступка. Что же касается того, что он ведь где-то же все-таки был ранен, то есть явно воевал против нас, то... это же осталось за рамками рассказа. А значит, по большому счету не имело значения.

Вечером, закончив допрос пленных конвоиров, я приказал Головатюку разобраться с ними, а сам задумался. Я уже накопил достаточно информации о нападающей стороне, чтобы не поразиться некому удивительному сходству двух лидеров воюющих держав — Сталина и Гитлера.

Человек вообще устроен очень незамысловато, во всяком случае *простой* человек. То есть я здесь, конечно, не имею в виду *простоту в общении*, которой и сам стараюсь придерживаться насколько возможно, а простоту картины мира вследствие сосредоточенности на простых жизненных реалиях и отсутствия благодаря этому всякого побуждения к развитию и способности к рефлексии.

Основное развитие подобных людей в целом может остановиться уже

годам к пятнадцати — двадцати, когда люди, способные стать *сложными*, только лишь приступают к главному этапу своего развития. Так вот такой простой человек всегда и во всем ищет правду и справедливость. Но не высшую, предельную, уже близко коррелирующую с истиной, каковая для человека достижима только чудом, потому что является категорией Бога, а *свою*. То есть ту правду и ту справедливость, которые кажутся таковыми именно ему. Причем почему кажутся, он не задумывается. Более того, он совершенно не подозревает, что могут существовать иные, отличные от его, правда и справедливость. Ему кажется, то, что он считает правдой и справедливостью, — есть единственно возможная правда и единственно доступная справедливость. Других быть не может. А если присовокупить к этому, что практически любой человек всегда переоценивает и свою значимость, и свое положение в социуме да еще часто выдает желаемое за действительное, то для простого человека индивидуальные поиски правды и справедливости почти всегда безуспешны. *Если* рядом нет человека, который сумеет согласовать различные картины правды и справедливости и сделать из них одну более-менее приемлемую для всех.

Так появляются великие вожди.

Но согласовывать эти картины можно несколькими способами. И если вождь идет легким путем, например, объявляя единого для всех врага, обнаруживая ключевое отличие, по которому легко и свободно определяется этот враг (другой цвет кожи, форма носа, наличие богатства или то, с какой стороны враг предпочитает разбивать яйцо...), с помощью которого задается некий всеобщий *полюс зла* и, соответственно, сближаются индивидуальные картины мира множества людей, то простые люди радостно устремляются за ним, не замечая, что создают страшное чудовище, пожирающее само себя. Ведь привычка к наличию единого полюса зла очень заразительна. И когда кончаются или становятся неактуальными одни враги, достаточно просто объявить *следующее* отличие.

Так появляются вожди разрушения. Ибо что бы они ни построили, — а они не только разрушают, но и строят, причем зачастую много, — самое главное их детище, социум, который они создали, довольно быстро обрушивается. Очень часто это происходит по историческим меркам практически мгновенно. Впрочем, рано или поздно такая судьба постигает любой социум, даже созданный вождем созидания. Хотя в этом случае все происходит гораздо позже. И, как правило, не так больно для людей, которым все равно не слишком повезло жить в подобное время.

Так вот, и Сталин, и Гитлер были именно вождями разрушения...

Впрочем, Гитлер все равно произвел на меня намного более негативное впечатление, чем Сталин. Его *полюс зла* отсекал на порядки большее число людей, чем у Сталина. Так что, по всему выходило, он уже близок к точке начала падения. Несмотря на то что эта война вроде как развивается для него более чем успешно.

Следующие полторы недели мы были заняты интенсивной боевой подготовкой. Оружия на всех не хватило, но в данный момент для меня это было не главное. С питанием же у нас довольно быстро наладилось. Леса здесь густые, и дичи в них хватало. Так что мне пришлось вспомнить только несколько приемов из наставления по полевому выживанию на терраформированных планетах, чтобы наладить бесперебойную заготовку мяса. С овощами же мы разобрались, совершив набег на склады сельхозпредприятия, именуемого здесь колхозом. Столь важный стратегический объект охранялся только пожилым джентльменом с ружьем и беспородной дворнягой в качестве системы сигнализации. Дворнягу я задавил ментально, так что она забилась под лежак в будке сторожа и даже не скулила, а пожилого джентльмена оставил спокойно спать. Тем более что склад оказался почти пустой, да и то, что было, особенным качеством не отличалось. Но нам подошло. На безрыбье-то...

Так что спустя полторы недели я вывел свой отряд из той глуши, куда мы забрались, и двинул на дальнейшие подвиги. Первая десятка моих орлов уже достигла уровня хороших территориалов. И хотя резонансное возбуждение метаболизма отняло у них как минимум лет по пять-семь биологически обусловленного срока жизни, но зато столь сильно продвинуло их потенциал выживания, что я теперь надеялся — процентов семьдесят сумеют выжить в этой войне и протянуть все оставшиеся им годы. Тем более что у людей, не овладевших антропрогрессией, контроль над организмом отсутствует практически полностью. И потому даже в достаточно комфортных условиях они редко доживают до возраста свыше восьмидесяти стандартных лет.

Никакого эмоционального баланса и полная неспособность его поддерживать, гормональные сбои, осложнения после различных болезней, неумение купировать последствия неправильного питания... да мало ли причин. А если мне удастся хотя бы часть из них вытянуть на первый уровень антропрогрессии, то они вернут себе все отнятые мной годы, да еще и с лихвой. Что касается остальных, то и они почти все заметно подтянулись. Хотя уровня, сравнимого с первой десяткой, достигли только человек пять-шесть. Ну ничего. Время еще есть. Вытяну всех. А с пятью десятками людей, уже прошедших мою программу, развернуть обучение

следующей партии уже из нескольких сот человек представлялось мне вполне выполнимой задачей. Хотя довольно сложной. Пока же надо было переходить к воплощению в жизнь следующего этапа моего плана.

Нашей ближайшей целью были окружные артиллерийские склады в районе Бронна Гура. Я намеревался не только полностью вооружить свой отряд, но и запастись оружием для нового пополнения. Поскольку собирался развернуть отряд приблизительно в батальон. Я — восьмой в линии старшинства лидеров монад своего батальона, а считается, что все, кто входит в первую десятку старшинства, полностью готовы принять командование над батальоном. Гвардейским батальоном. Так что я считал себя вполне готовым эффективно управлять несколькими сотнями людей, бойцов, пусть даже они не гвардейцы. Причем эффективно в моем, а не в местном значении этого слова.

Эти склады были гораздо больше тех, на которые мы совершили налет в самом начале нашего боевого пути. А охранялись куда хуже. Всей охраны на них было — неполный взвод, разместившийся в каменном здании караульного помещения, от которого выставлялось всего три поста — два на вышках и один патрульный. Что, впрочем, было вполне объяснимо.

Склад — трофейный, хранящееся здесь вооружение и снаряжение действующим войскам не выдается, следовательно, никакого движения вооружения, имущества и боеприпасов практически нет. Линия фронта отодвинулась далеко на восток. Разрозненные группы бойцов и командиров, представлявшие собой остатки разгромленных и попавших в окружение подразделений и частей Красной армии и в отличие от нас, как правило, передвигавшиеся вдоль дорог и населенных пунктов, поскольку не были обучены организации снабжения в полевых условиях, переловлены. Кого опасаться?

Так что наша задача с этой стороны резко облегчалась. А с другой, наоборот, усложнялась. Ибо здесь было бы разумно провести всю операцию без единого выстрела. Что при имеющемся у нас в наличии снаряжении, вооружении и уровне выучки представлялось мне задачей довольно сложной. Но выполнимой... Продукты питания охранникам, как удалось установить, доставлялись два раза в неделю. По вторникам и пятницам. Так что если всю операцию осуществить в ночь на субботу, в нашем распоряжении оказывалось три дня, в течение которых мы могли полностью распоряжаться захваченным военным имуществом. Да тут на дивизию оружия и боеприпасов вынести можно!

И я начал готовить операцию.

Следующим вечером, после занятий и сеанса иглоукалывания, ко мне

подсел Кабан.

— Товарищ командир, а что это вы делаете?

— Самострел, — ответил я, продолжая мерно работать ножом. Ложе надо было выстругать очень гладко. Не хватало еще, чтобы в самый ключевой момент стрелок смазал, наткнувшись пальцем или щекой на занозу.

— А зачем он? — удивился Кабан.

Я усмехнулся. Вот и здесь то же самое. Вечное преклонение перед технологией. Нет, технологии, конечно, вещь прекрасная, но самое главное оружие любой армии — человек.

— Скажи, Шабарин, а может ли солдат, вооруженный только ножом, уничтожить танк?

— Ну вы тоже скажете... — расплылся в улыбке Кабан.

— Не торопись, — прервал я его. — Подумай над условиями задачи.

Кабан задумался. Слава богу, я уже успел приучить их относиться к своим словам внимательно.

— Ну не знаю, — спустя минуту отозвался Кабан, — то есть мне кажется, что нет, но раз вы так спрашиваете...

— А между тем при заданных условиях я бы, например, предпочел оказаться бойцом с ножом, чем членом экипажа танка, — сказал я, прекращая строгать и поднимая ложе будущего самострела на уровень глаз, чтобы проконтролировать чистоту обработки. — По нескольким причинам. Поскольку в условиях задачи не задано время, за которое танк должен быть уничтожен, и условия, при которых это необходимо сделать. Зато точно определено, что и танк и солдат, вооруженный ножом, действуют в одиночку. Единственное условие, при котором танк сильнее солдата, это если они расположены друг напротив друга в пределах надежной видимости на ровной, как стол, открытой поверхности. Что в жизни, согласись, встречается не слишком часто. А во всех остальных случаях солдат с ножом, скорее всего, первым обнаружит танк и так же, вероятнее всего, сумеет остаться незамеченным для его экипажа. В условиях пересеченной местности он сумеет незаметно подобраться к танку и оставаться от него на приемлемом расстоянии достаточно долго. А дальше — уже техника. Рано или поздно экипаж остановит танк и откроет люк. Хотя бы для того, чтобы просто вылезти или разогреть еду и поесть. Да и спать экипаж, вероятно, предпочтет на вольном воздухе, а не в глухой железной коробке. Короче, причин, по которым он это непременно сделает, будет много.

Я окинул взглядом своих людей, успевших окружить нас с начала

разговора плотным кольцом, и, усмехнувшись, продолжил:

— Затем, опять же сообразуясь с уровнем своей подготовки и конкретной ситуацией, солдат с ножом сможет уничтожить весь экипаж — поодиночке или группами, а уж потом решить, что делать с танком. Оставить ли его себе или уничтожить. У танка имеется горючее, в снарядах и патронах — порох и взрывчатка, а также взрыватели, капсюли, электрическая система с аккумулятором, детали которой можно использовать для инициации взрыва, — короче, много всего, чем его же, родимого, можно уничтожить. В итоге один человек, вооруженный крайне примитивным оружием, уничтожает целую группу, вооруженную высокотехнологичным и чрезвычайно мощным оружием. А все почему? Потому что, чем бы ты ни был вооружен и где бы ты ни находился — в лесу с ножом или в ДОТе^[2] с пулеметом, — у твоего оружия и твоего положения всегда будут не только преимущества, но и недостатки. И твоя главная задача не упиваться своим преимуществом, что, — я вздохнул, — к сожалению, очень часто и происходит, а не позволить противнику воспользоваться твоими недостатками. Ибо если это произойдет, никакие преимущества тебе не помогут. — Я замолчал.

Некоторое время вокруг висела гулкая тишина. А потом Римозов удивленно произнес:

— Так, выходит, вы нас именно этому и учите.

— Чему? Скажи! — заинтересованно вскинулся я.

— Ну... по полной использовать преимущества своего оружия и положения и... не давать шанса врагу воспользоваться их недостатками.

— Молодец! — удовлетворенно кивнул я и обвел своих подчиненных веселым взглядом. Если уж они начали формулировать такие обобщения, значит, дело идет очень хорошо. Ух, и дадим же мы скоро жару!

— Что же касается самострела, — вновь заговорил я, — то у всего высокотехнологичного оружия, которое у нас есть, имеется один в наших условиях очень важный и, к сожалению, неустранимый недостаток. Какой?

Кабан расплылся в улыбке. Мол, нашли, что спрашивать?

— Оно громкое.

— Верно, — согласился я. — И поэтому его требуется заменить на нечто более тихое. Но поскольку новое оружие для вас будет непривычным, чтобы быть уверенным, что вы сможете полностью воспользоваться его преимуществом и не дать противнику ни малейшего шанса обратить себе на пользу его недостатки, прежде чем идти туда, — я указал рукой в сторону склада, — я здесь с вас семь шкур спущу. Понятно?

— Вот уж удивили! А чем вы еще с нами занимаетесь? — хмыкнул

кто-то, и все вокруг рассмеялись дружным, но негромким смехом.

На следующий день мы построили себе нечто вроде полигона, устроив в развилке ветвей как раз на высоте вышки подобие огороженной верхней площадки. Там установили мишень и расчистили тропу наряда, вдоль которой по натянутой веревке перемещалась колода, игравшая роль патрульного. Пока мы ждали ночи с пятницы на субботу, я просто замучил весь личный состав жесткими тренировками. Последние два раза получились вполне удовлетворительно. Хотя при таком уровне подготовки, которого мы пока достигли, полной уверенности обрести было нельзя. Все могло пойти наперекосяк от любой случайности, например от того, что какому-нибудь из немцев не вовремя приспичило. Но максимум того, что можно было сделать, я сделал.

Через два часа после захода солнца, что в этих широтах данной планеты означало уже довольно позднее время, группы начали выдвижение на исходные позиции. Часовые на постах только что сменились, и до времени проверки разводящего оставалось еще около полутора часов. Они тут не слишком напрягались на службе... Три из четырех наших групп состояли из пяти человек, вооруженных самострелами, в качестве поражающих элементов использующих заточенные шомпола от винтовок Мосина, обмотанные полосками ткани, чтобы не звенели при падении на землю в случае промаха. Третья, в задачу которой входила атака караульного помещения, была вооружена штыками от тех же винтовок и ножами. Этаким осовремененный вариант шпаги и даги. И только пятеро из первой десятки, входивших в эту группу, имели при себе пистолеты-пулеметы ППД. На самый крайний случай.

Выдвижение прошло успешно. Группы заняли исходные позиции. Стрелки двух групп полукольцом окружили вышки, а третья рассыпалась вдоль маршрута движения патрульного. Группа атаки караульного помещения сосредоточилась у ближайшего к оному участка колючей проволоки. У них было двое ножниц по металлу, которые я изготовил из четырех штыков-тесаков от винтовок конвоиров, сопровождавших колонну пленных. Все замерли в ожидании.

Дело в том, что никакого общего сигнала я не назначил. Дабы не насторожить часовых. В команде имелось трое часов, каждые из которых, впрочем, шли своим ходом. Я возился с часами почти неделю, постаравшись максимально сблизить их ход. И теперь рассчитывал, что, даже несмотря на низкую точность данных устройств, разность их хода за два часа, прошедшие с того момента, как я запустил их и вручил лидеру каждой из групп стрелков, не составит более одной, максимум двух секунд.

Так что атака стрелков должна была начаться строго в согласованное время. Мертвое тело, увешанное оружием и снаряжением, имеет обыкновение падать с большим шумом, причем в ночной тишине звук получается особенно громким и сильно отличающимся от естественного фона. И если по поводу находящихся внутри караульного помещения можно было рассчитывать, что они ничего не услышат, то по поводу часовых подобной надежды я не питал. А в любом караульном уставе сказано: первое, что должен сделать часовой при любом изменении обстановки, — это доложить в караульное помещение. И уже потом, если у него возникнет такое желание и он будет считать, что имеет такую возможность, — отправляться выяснять, что же привлекло его внимание. Следовательно, всех часовых нужно было нейтрализовать одновременно.

Абсолютной точности добиться не удалось. Получив сигнал от командира своей группы, стрелки сколь возможно тише поднялись из травы, и каждый спустил тетиву. Но поскольку у каждого свой темп стрельбы, залп занял секунды три-четыре и показался мне очень громким, но, к счастью, надежда на то, что подобный звук будет заглушён стенами караульного помещения, оправдалась. Оттуда никто не вышел. Как и на звук падения тела, донесшегося с ближайшей вышки. Я несколько мгновений напряженно вслушивался, а затем коротко кивнул, давая команду резать проволоку. Спустя несколько секунд первые тени проскользнули под проволокой и тихо двинулись к караульному помещению.

Дверь караульного помещения оказалась запертой изнутри. Впрочем, это было ожидаемо. Дэйчи всегда были истыми служаками, и я не находил никаких причин, чтобы их характер и на этой забытой колонии как-то поменялся. Про решетки на окнах мы знали и так. Так что оставалось ждать, когда дверь откроют, чтобы выпустить на проверку разводящего. Что и произошло спустя всего пятнадцать минут.

Ребята сработали молодцом. Едва только дверь распахнулась, вперед скользнули три быстрые тени. Удары были нанесены, как я и учил, сзади под левую лопатку и спереди в выемку над грудной костью. Внутри все закончилось так же очень быстро, единственное, что нарушило тишину, это несколько приглушенных стонов и один отчаянный крик:

— О майн гот!

Когда я вошел в комнату начальника караула, сержант Шевелев, тот самый парень с петлицами летчика, что докладывал мне о решении бывших пленных присоединиться к отряду, сидел на стуле и, вытирая пот дрожащей рукой, бормотал:

— Получилось... Елки... Получилось... товарищ капитан! — вскинулся он, увидев меня. — У нас все получилось!

— Я и не сомневался, — усмехнулся я.

Следующий день был посвящен тому, что мы разбирались со складами. Они были достаточно большими и, несмотря на то что назывались артиллерийскими, оказались заполнены кучей разного имущества. Даже обмундированием и продовольствием. Возможно, немцы свезли сюда оружие и имущество с расположенных поблизости захваченных ими полковых и дивизионных складов.

Все мои бойцы тут же переоделись, а еще около трех сотен комплектов формы и пяти сотен нижнего белья мы перенесли к забору для последующей переправки на временный склад в лесу. Туда же пошли ящики с патронами и гранатами, пулеметами Дегтярева, винтовками, ППД, пистолетами ТТ и еще очень понравившимся мне оружием — противотанковыми ружьями. На мой взгляд, очень классная вещь не только против танков (тем более что я пока не проверил их эффективность в данном отношении), но и для поражения на дальних дистанциях расчетов средств огневого усиления, артиллерийских и авиационных наблюдателей-корректировщиков и составов полевых штабов. Разброс у него, конечно, был великоват, ну да при имеющемся уровне развития технологий это являлось бичом любого образца доступного мне вооружения. Причем, как выяснилось, о том, что в армии имеется такой тип вооружения, мои бойцы не подозревали. Потому что это оружие также оказалось трофейным. Польским.

В одном из ящиков, в которые были уложены эти ружья, я отыскал потрепанную книжечку-руководство на языке, с которым мне пришлось разбираться (наверное, это и был польский). Однако получилось довольно быстро. Ибо язык оказался явно одной языковой группы с русским. Так что я с ним разобрался и остался вполне доволен. Конечно, если судить по уже имеющимся данным, лобовую броню корпуса и башни основных танков противника это оружие не пробивало. Но кто ж стреляет двуххобочного дагроба в лобовую кость? Есть бортовая броня между катками, есть корма, есть приборы наблюдения, движители, в конце концов.

Насколько я смог понять, местная тяжелая боевая техника использовала в качестве движителя систему из двух многозвенчатых гусениц, следовательно, если перебить одну из них, вражеский танк сам развернется к тебе бортом или кормой. И уж тут тебе и карты в руки... А в остальном противотанковое ружье «Ur», калибра 7,92/107 мм, полностью удовлетворяло моим требованиям по габаритам, весу и, соответственно,

мобильности.

С этими мыслями я продолжил ревизию склада. Да-а!.. Подобного богатства выбора скорее всего не имел ни один командир ни по эту, ни по ту сторону фронта. Особенно меня порадовали ножи, предназначенные, как видно, для вооружения специальных подразделений. Не идеальные, конечно, но по сравнению с тем, что проходило через мои руки с момента появления на этой планете, почти шедевр. И все это давало мне шанс сформировать подразделение, равного которому по боевым возможностям в обеих воюющих армиях просто не будет.

К вечеру я уже примерно представлял штатную структуру своего батальона. Основа — отделение из девяти человек. Вооружение — два ручных пулемета Дегтярева, два автомата ППД, пять винтовок. В комплект каждого бойца входят еще четыре ручных гранаты — по две Ф-1 и по две с меньшим разлетом осколка, например РГД-33 без рубашки. У каждого бойца, кроме этого, пистолет ТТ с двумя магазинами и нож. Поскольку командиры отделений сильно не дотягивали до лидеров монад, я пришел к выводу, что будет разумным установить между ними и собой еще два уровня командования, тем более это повторяло стандартную местную структуру. Поэтому отделения будут объединены в стандартный взвод по три штатных отделения и отделение управления. В отделении управления — командир взвода, вооруженный тем же ППД, заместитель с ним же, санитар с карабином на основе той же винтовки Мосина и два расчета противотанковых ружей по два человека. Всего во взводе — тридцать четыре человека, шесть ручных пулеметов Дегтярева, восемь ППД, пятнадцать винтовок, три карабина (поскольку вторые номера расчетов ПТР также вооружены ими), тридцать семь пистолетов и два ПТР «Ur».

В роте — два взвода и взвод управления. В котором, кроме командира роты и его заместителя, вооруженных ППД, опять же санитар, вернее санинструктор, два бойца обеспечения связи с карабинами (поскольку я предполагал, что при полном отсутствии здесь средств индивидуальной связи и той тактике действий, которую я собирался применять, связь здесь будет осуществляться по большей части посыльными), старшина с ППД, еще два расчета ПТР и четыре расчета станковых пулеметов системы «Максим» в количестве четырех человек. Столь большие расчеты пулеметов я делал потому, что, во-первых, сама машина была просто неадекватно тяжела и, во-вторых, расход патронов у этого, единственного, на мой взгляд, адекватного автоматического оружия, должен быть просто колоссальным. А поскольку во главу угла я ставил не только огневую мощь,

но и мобильность подразделения, людей для переноски боезапаса требовалось много. Огневая мощь всего подразделения при этом не страдала, поскольку вторые, третьи и четвертые номера расчетов также предусматривалось вооружить винтовками. Всего соответственно девяносто три человека при двенадцати ручных пулеметах, девятнадцати ППД, сорока двух винтовках, одиннадцати карабинах, девяносто трех пистолетах, шести ПТР и четырех пулеметах «Максим».

Количество рот в батальоне — две или три, сколько наберу людей. Кроме того, я планировал еще иметь как минимум один полный штатный взвод (а вышло даже больше), скорее с функцией обеспечения связи и охраны штаба, а также экстренного резерва, медицинскую секцию во главе с лейтенантом Сокольниковой в составе трех-четырех человек, и четыре расчета 82-мм минометов. Хотя по их поводу я был не очень уверен. Только если смогу отобрать здоровяков. На мой взгляд, шибко тяжелый боезапас. Быстро кончится, и оружие придется бросать. Либо надо раздуть расчет до пяти, а то и семи человек и навьючивать лишних боезапасом. Или подключать к переноске боезапаса личный состав других подразделений. Но в таком случае могли возникнуть проблемы с мобильностью. А жертвовать мобильностью я не собирался ни в коем случае.

Кроме вооружения и носимого боезапаса, каждый боец должен был нести по одному цинку патронов (либо винтовочных, либо к ТТ и пистолетам-пулеметам, патроны для ПТР несли только их расчеты), МСЛ, [3] запас продуктов, смену белья и гигиенические принадлежности. На круг выходило около двадцати — двадцати пяти килограммов. Вполне приемлемо даже для местного личного состава.

В общем, подразделение выходило вполне универсальным и для полевого боя и для выполнения рейдовых операций, коим я как минимум в первое время намеревался отдать предпочтение. Конечно, у него были и недостатки. Например, оно не обладало достаточными возможностями противодействия авиации, весьма активно использующейся нападающей стороной. Были и кое-какие иные дефициты, но я собирался максимально купировать их с помощью трех основных козырей — мобильности, стремительности действий и скрытности. Тем более что здешние леса позволяли использовать их в полной мере...

Единственное, по поводу чего я продолжал ломать голову, это кем заполнить командные должности. Нет, с сержантским составом вопросов, считай, не было. С учетом еще двух-трех недель, которые мне явно потребуются, чтобы подтянуть хотя бы до начального уровня следующую волну пополнения, из пяти десятков человек, что у меня сейчас были,

практически каждый мог занять должность сержанта. С командирами взводов... ну тоже более-менее. Головатюк, Римозов, Кабан, Иванюшин... еще пара-тройка людей из первой десятки с этим теоретически могли справиться. А вот ротное звено — полный провал.

То есть выбирать, естественно, придется кого-то из этих, но, как подготовить из них более-менее приличного ротного, я пока совершенно не представлял. Может, ограничиться развернутой ротой? Человек в сто пятьдесят. Но для имеющихся условий задачи, на мой взгляд, получается несколько громоздко. Выстроить триста-четырееста человек, которые окажутся в лагере, отобрать сотню, а остальных послать? Выбирайтесь, мол, как можете. Не по-людски получается. И сильно отразится на боевом духе отобранных. Да еще, как только переловят остальных, у противника появится слишком много информации, которую я бы предпочел подольше не доводить до его сведения.

Впрочем, пока эти проблемы являлись проблемами будущего. А на первый план вышла задача обеспечения будущего батальона всем необходимым. За оставшиеся двое суток нужно было переместить в лес как минимум километра на три от склада около двадцати тонн груза. На мой взгляд, задача чрезвычайно трудная, но выполнимая. И одной из главных трудностей я считал то, что команда из пятидесяти человек, причем тяжело нагруженных, уже при первом рейсе должна была так вытоптать траву и оставить столько следов, что последующий поиск нашего склада для немцев не составил бы особого труда. Решил я ее следующим образом: разбил маршрут к выбранному месту складирования на участки по двести — триста метров от одной контрольной точки до другой и категорически запретил каждому бойцу двигаться от точки до точки по следам другого. А опушку леса вообще разделил на двадцать пять участков где-то по двадцать — тридцать метров каждый, приказав входить в лес, сдвигаясь на пару шагов в сторону.

Последнюю партию грузов мы перенесли уже вечером понедельника. Причем, когда последние из отобранных ящиков заняли свое место в лесу, я прибавил еще одну смену, которая была полностью посвящена тому, чтобы перенести в лес ящики с тяжелыми гаубичными снарядами.

На этом складе отчего-то совершенно не оказалось взрывчатки. Зато боеприпасов имелось великое множество, и разных. Я еще вначале, когда проводил ревизию, ради интереса развинтил один из снарядов большого калибра и взял образец взрывчатки, составлявшей его начинку. Судя по всему, это был тринитротолуол, вполне безобидное взрывчатое вещество, которое можно было выплавить из снарядов с помощью самой

примитивной технологии. Ибо для того типа боевых действий, который я планировал вести, взрывчатка являлась очень хорошим подспорьем.

Трава на опушке все равно оказалась повытоптанной, поэтому я, после некоторых колебаний, решил изменить первоначальный план и не исчезнуть без следа, а, наоборот, подготовить операцию прикрытия, заодно оттянув время начала расследования нашей деятельности еще на сутки. Этого, по моим расчетам, должно было хватить травяному покрову, чтобы прилично восстановиться.

Во вторник, часов около десяти утра, на дороге, ведущей к складу, показался грузовик, который обычно привозил продукты. Они ехали совершенно спокойно, поскольку на складе на первый взгляд все было в порядке. Трое моих ребят, переодетые в немецкую форму, маячили на постах, а Кабан — в будке у ворот. Слава богу, с утра накрапывал дождь, так что отсутствие расслабляющихся солдат из отдыхающей смены рядом с караулкой никого насторожить не должно было.

Машина подъехала к воротам и остановилась. Мгновением раньше шестеро бойцов, лежащие в кюветах по обеим сторонам дороги под плащ-палатками с нашитыми на них пучками травы, ветвями и иным мусором, вскочили на ноги и бросились вперед, выхватив уже почти привычные штыки и ножи. С водителем и капралом, находившимися в кабине, расправились молниеносно. Солдат, сидевший в кузове, оказался невооружен. И, немного придя в себя, сообщил мне, что склады охранял взвод батальона обеспечения 293-й пехотной дивизии, дислоцированного как раз в Бронна Гура. Там же размещался и штаб дивизии. Что ж, Кысмет послал мне очень удачный случай испытать моих ребят в бою и, как планировал, провести операцию прикрытия, нанеся при этом противнику куда больший ущерб.

Часам к пяти пополудни, когда мы уже выдвинулись на окраину Бронна Гура, со стороны засады, оставленной мной на дороге, ведущей к складам, раздалось несколько выстрелов. Похоже, местный старшина замучился ждать возвращения грузовика и уговорил командира послать кого-нибудь проверить, что там произошло. А тихо нейтрализовать посыльных не удалось. Впрочем, выстрелов было два или три, что доказывало, что комплекс моих упражнений, несмотря на отсутствие стрелковой практики, все-таки принес свои плоды.

Выстрелы всполошили немцев и заставили около двух взводов попрыгать в автомобилях и в сопровождении трех мотоциклов двинуться в сторону складов. Я дождался, пока они отъедут подальше, и подал сигнал к выдвижению. Мои орлы двинулись вперед короткими бросками от укрытия

к укрытию. Они успели подойти к зданиям, которые занимал дивизионный штаб и тыловые службы шагов на сорок, когда послышался первый удивленный возглас на дэйч:

— Вас? — И почти сразу же: — Ахтунг! Ах... — закончить немцу не дали.

Мои ребята ударили сразу из трех десятков стволов. Из трех, потому что еще двадцать человек, зажав в левой руке ТТ, а в правой гранату, броском преодолели последние метры и одновременно швырнули гранаты в окна зданий. А затем еще по три и уже не только по окнам, но и в подвалы, и в стоящие штабные автомобили, и всюду, где было заметно шевеление. Их ТТ рывкали редко, только в случае непосредственной опасности, ибо главной ударной силой были гранаты, гранаты и еще раз гранаты!.. Когда запас подготовленных к броску гранат иссяк, бойцы тут же бросились обратно, на ходу убирая в кобуры пистолеты и перекидывая со спины более эффективное оружие.

До того как противник опомнился и начал хоть как-то организовываться, мы успели оттянуться в лес и двинуться к населенному пункту Ружаны, каковой располагался почти в противоположном направлении тому, куда мы действительно собирались двигаться...

Отойдя где-то на километр, я остановил отряд и приказал провести быструю переключку. Назначенные мной временные командиры отделений и так должны были отслеживать личный состав, плюс еще я строго приказал забирать с собой всех, даже если есть уверенность, что берем трупы, так что я не слишком опасался, что кого-то оставили. Но теперь мне нужна была полная картина. После переключки я с удовольствием обнаружил, что все целы, раненых всего трое и только один серьезно. Общие же потери противника, по моим прикидкам (а сколько и кого погибло внутри помещений, я мог оценить крайне приблизительно), составляли от тридцати до шестидесяти человек, причем какую-то вполне существенную часть из них составили офицеры штаба дивизии. С учетом всех факторов эффективность операции я мог оценить как вполне удовлетворительную даже для уровня территориалов. А уж по местным меркам она была почти запредельной.

К лагерю неподалеку от Березы-Картузской мы подошли через три дня, запутав не слишком умелую погоню и укрывшись от самолета, появившегося в небе часа через полтора после атаки штаба немецкой пехотной дивизии. Задействованные в поиске ресурсы мне польстили, потому что появление самолета означало, что наша операция была оценена противником крайне высоко.

В принципе от преследования мы надежно оторвались уже к исходу первых суток и потому могли оказаться у лагеря уже на следующий день. Но я сделал крюк, чтобы заглянуть на наш лесной склад, дабы основательно загрузиться продуктами и медикаментами. Среди пленных вполне могли оказаться раненые. А одного нашего, раны которого оказались наиболее серьезными и требовали долгого периода восстановления, я решил оставить вместе с лейтенантом Сокольницкой на лесном складе с задачей дожидаться нашего возвращения. Хотя она очень возражала и рвалась с нами, заявляя, что, если среди пленных окажутся серьезно раненые, нам непременно потребуется ее помощь. На что я резонно заметил, что раненные серьезно вряд ли будут включены в состав маршевых колонн, ибо сильно затруднят передвижение оных. Так что мы задержались на складе на одну ночь, а наутро загрузились и двинули дальше.

Ни одной единицы оружия сверх вооружения моих ребят я брать не стал. Я не собирался сразу после операции освобождения двигаться к своему складу, а недели две планировал покругить по окрестным лесам вокруг Березы-Картузской. Потому что я не знаю, кем надо быть, чтобы не осознавать опасность появления в своем тылу нескольких сотен освобожденных военнопленных, да к тому же с помощью силовой акции некоего организованного подразделения. Следовательно, за нами обязательно начнется охота, которую я совершенно не собирался выводить в район нашего склада. Еще наткнутся ненароком...

С возможными преследователями, буде нам не повезет и нас настигнут, я рассчитывал справиться теми пятью десятками бойцов, кого я уже успел поднатаскать, а остальных пока интенсивно прогнать по уже опробованной мной программе. Тем более что у нас с лейтенантом Сокольницкой, которой я уже даже доверял постановку игл и вдоль позвоночного столба, оставив себе только ноздри, появилось в этом деле еще шестеро помощников. Так что должны были справиться... На все должно было хватить пары недель.

А вот если сразу дать этим нескольким сотням в руки оружие, я совершенно точно столкнусь с проблемами. Существенная часть захочет немедленно бить врага, и если я столь же немедленно не дам им такой возможности, начнет буянить, бунтовать и сорвет мне всю программу подготовки. А бросать в бой совершенно неподготовленных бойцов, каковыми, на мой взгляд, являлись военнослужащие обеих армий, я не собирался ни при каких условиях.

В лагере все осталось по-прежнему, за исключением того, что пленных

за колючей проволокой изрядно поубавилось. Чему я только порадовался. Около двух с половиной сотен бойцов пополнения меня на данном этапе устраивали гораздо больше, чем четыре.

В принципе план операции был практически готов. Для атаки лагеря я просто решил адаптировать тот план, который уже был отработан на практике при захвате складов под Бронна Гура. Из самострелов расстрелять часовых на вышке и у ворот, а затем с помощью штыков и ножей тихо прирезать спящих в палатках. До Березы-Картузской, буквально набитой войсками, от лагеря рукой подать, так что для всех было бы лучше, чтобы все прошло тихо. Иначе вступать в бой пришлось бы уже через полчаса после того, как мы уничтожим охрану лагеря. А это плохо. Нет, сомнений в том, что мы отбились бы, у меня не возникало, но на этот раз могло повезти не так, как при атаке штаба, и я мог бы лишиться нескольких ребят. А они мне были нужны все исключительно в качестве инструкторов. Да и вообще, я жутко не люблю терять подчиненных. Со мной за все время службы это случалось всего три раза, и я понял, что очень не люблю этого. А при том уровне, которого они достигли и которого вообще в этих условиях я мог от них добиться, мне неизбежно придется их терять. Но лучше бы начать это делать попозже...

Слава богу, и на этот раз все удалось. Хотя можно сказать, почти чудом. В самый ключевой момент из палатки вылез один немец и двинулся в сторону той пятерки, что заняла позицию у ближайшей к палаткам охраны вышки, явно собираясь оросить окрестности. Но ребята не растерялись, и Гарбуз, командовавший пятеркой, не стал дожидаться условленного времени, дал сигнал сразу же, как ночной шатун приблизился на десяток шагов, двумя энергичными движениями перенацелив на него крайнюю пару стрелков. Слава богу, остальных вполне хватило, чтобы расправиться с часовым на вышке. Вторая пятерка не растерялась и открыла стрельбу, едва только в ночной тишине раздался звук первой спущенной тетивы... Ну а потом все уже пошло без сучка без задоринки. Даже с теми, кто спал в палатках, расправились без единого звука.

Заключенных мы подняли через десять минут. Я приказал построить их вокруг меня буквой «П» и произнес речь сродни той, что уже произносил две недели назад перед колонной пленных в трехстах метрах отсюда. Но едва я повернулся, чтобы уйти, как стоящий с правого фланга высокий мужик угрюмо бросил:

— А чего ждать-то? Мы тут все готовы, командир. Наелись плена по горлышко...

Первый день вопреки ожиданиям прошел вполне спокойно. До обеда

мы отмахали по лесу около десяти километров. А затем я разбил новое пополнение на команды по пять-шесть человек, поставив во главе каждой по одному из тех пяти десятков, что уже прошли мою программу, и приказал заняться бирюльками. Через пятнадцать минут ко мне подошла делегация из двадцати человек во главе с тем же угрюмым мужиком.

— Товарищ командир, просим выдать нам оружие.

Я поднялся и окинул их спокойным взглядом.

— По-моему, я отдал другое распоряжение.

Угрюмый набылчился.

— Мы хотим сражаться, а не заниматься ерундой!

— А вы умеете? — усмехнулся я, отмечая, что все, кто находился в радиусе пятидесяти метров, бросили тренинг, которым, сказать по правде, они и так занимались с крайним пренебрежением, и с жадным вниманием следили за происходящим.

Кабан, группа которого расположилась шагах в десяти от меня, подтянул поближе свой ППД.

— Дайте оружие — увидите!

Я демонстративно задумчиво почесал затылок.

— Фамилия?

— Старший сержант Шкраба!

— Шаг вперед.

Старший сержант сделал широкий шаг. Я извлек из ножен нож и бросил ему рукояткой вперед. Он поймал.

— Нападай, — приказал я.

Шкраба недоуменно уставился на меня. Я пояснил:

— Ты просил оружие и обещал показать. Я дал его тебе. Показывай.

— На вас, что ли?

— Ну ты же мне хотел показать? Показывай. Если хотя бы царапнешь, я тут же освобожу тебя от занятий и выдам тебе хоть пулемет.

Шкраба несколько мгновений раздумывал, а затем перехватил нож поудобнее. Он сделал шаг, замахнулся, но этак демонстративно, с ленцой и... оказался на коленях с вывернутой рукой. Старший сержант двигался так медленно, что мне не было никакой необходимости использовать скачок. Я провел бы прием, параллельно сделав два притопа и три прихлопа.

Отпустив старшего сержанта, я вернул ему нож.

— Еще.

На этот раз Шкраба был более сосредоточен и осторожен. Но результат был тем же. Я снова помог ему подняться и, отвернувшись, негромко скомандовал:

— Шабарин, Головатюк — ножи!

Оба вытащили ножи и одновременно метнули их мне. Я с некоторым демонстративным форсом поймал их обеими руками и развернулся к той делегации, что прибыла вместе со Шкрабой, выбирая парочку наиболее крепких.

— Ты и ты — шаг вперед. Ловите. — Я метнул им ножи, после чего повернулся к старшему сержанту. — Теперь — трое. Условия те же. Начали.

С троими я специально разобрался просто картинно, выстроив их в ряд в одной и той же позе — на коленях и с вывернутыми руками. После чего отпустил их и, шагнув назад, сообщил Шкрабе:

— Пока все, что ты показал, меня не впечатлило.

Старший сержант снова набылчился.

— Мы что, собираемся ножичками махать?

Я пожал плечами.

— Ну хорошо. Даю еще одну попытку. — С этими словами я отстегнул диск от своего «дегтяря», выщелкнул из него четыре патрона и три из них протянул Шкрабе.

— Брось.

— Куда? — не понял он.

— Куда хочешь.

Старший сержант повертел их в руках, а затем резко подбросил вверх. Мой ТТ вылетел из кобуры и три раза злобно гавкнул. Все пораженно замерли. Один из делегации наклонился и, подобрав гильзу винтовочного патрона, изуродованную попавшей в нее пистолетной пулей, изумленно ахнул:

— Ух ты!..

Я развернул ТТ рукояткой к Шкрабе:

— Повтори.

Тот уставился на пистолет, а затем вновь поднял глаза на меня.

— И что, у вас все так могут?

Я медленно развернулся к Кабану. Того просто распирало от адреналина. Пожалуй, он был ближе всех к тому, чтобы прорваться-таки на первый уровень антропопрогрессии.

— Шабарин.

— Я! — вскрикнул Кабан, вскакивая на ноги и выдергивая свой ТТ из кобуры.

Я мысленно перекрестился и метнул в воздух оставшийся в руках патрон. Выстрел! Он... попал! Черт возьми, он попал! И... он таки

совершенно точно прорвался на первый уровень. Хотя вряд ли сейчас сумеет там закрепиться. Но это неважно, следующий раз ему уже будет легче поймать это состояние, а потом я ему помогу... Но сейчас пока было не до этого. Я с крайне равнодушным видом, как будто и не ожидал ничего иного, повернулся к старшему сержанту.

— Не все, — сообщил я, — но остальные могут не намного меньше. И, можешь мне поверить, много больше тебя. А вот когда и ты сможешь где-то близко — тогда и получишь оружие. Понятно?

Шкраба несколько мгновений мерил меня угрюмым взглядом, а затем нехотя произнес:

— Да...

Я качнул головой.

— Неправильный ответ, — медленно произнес я, втыкая в старшего сержанта тяжелый взгляд. Так получилось, что он стал психологическим лидером новичков, и я должен был во избежание будущих проблем полностью подчинить его себе. — Попробуем еще раз. Понятно?

— Так точно.

— Вот и отлично. Но должен предупредить тебя и всех остальных. Если еще кто-нибудь, неважно почему, посмеет не просто проигнорировать, а просто недостаточно добросовестно выполнить мой приказ, я не буду больше устраивать никаких цирковых представлений, а просто расстреляю нарушителя по законам военного времени. Понятно? — Я чуть возвысил голос, показывая, что обращаюсь не только к старшему сержанту, хотя смотреть продолжал только на него.

— Так точно... — хором выдохнула вся поляна.

На следующий день я вывел людей к тому самому острову среди болот, на котором мы уже однажды устраивали постирушку. Новому пополнению надо было помыться — от них уже несло так, что я радовался, что оставил Сокольницкую на лесном складе, а то бы точно обмороки начались. И постираться новичкам не мешало. Хотя на лесном складе всех ждало новое обмундирование, но сколько еще до того момента им предстоит пройти, пробежать и проползти на брюхе?..

Именно здесь нас и настиг вражеский самолет.

Все уже успели постираться, поэтому кусты и деревья вдоль берега были увешаны исподним и гимнастерками, а личный состав довольно радостно плескался в мутноватой болотной воде, как вдруг где-то за деревьями послышался заунывный звук двигателя.

— Воздух! — заорал Головатюк, но я тут же скомандовал:

— Отставить!

Пилот уже скорее всего заметил развешенные на каждом кусте или ветке рубахи и гимнастерки, так что сейчас явно направлялся к нам. Тем более что убрать их быстро мы все равно не сможем, так что прятаться никакого смысла не было. А позволить ему развлекаться стрельбой по беззащитным мишеням в стиле того, что рассказала Сокольницкая, я не собирался. Тогда какой смысл вытаскивать людей из воды. Пусть уж домываются. Тем более что и укрыться на острове от огня бортовых пулеметов было абсолютно негде. Деревья хлипкие и остановить пулю совершенно неспособны.

— Товарищ капитан, — встревоженно начал какой-то солдатик, выскакивая из болотца, — он же сейчас...

— Мойся, — успокаивающе кивнул я ему и поднялся на ноги, вскидывая свой «дегтярь».

Сейчас посмотрим, насколько защищены местные средства воздушной поддержки. Насчет того, что этот самолет я собью, особых сомнений у меня не было. При том уровне технологий, каковой я наблюдал, ничего типа, скажем, возвратно-каскадных фуллеренов тут быть не могло. Не говоря уж о силовых полях. А любой другой тип брони был слишком тяжел, чтобы полностью защитить летательный аппарат столь не приспособленной для этого конфигурации, удерживающийся в воздухе с помощью аэродинамических поверхностей. Ибо при прочих равных самый низкий расход материала дает шар. Поэтому в моем мире все боевые аппараты по форме стремились именно к нему, вернее к конструкции из перетекающих друг в друга шаров и овалов. Поскольку любая конструкция — всегда компромисс, и предпочтения по бронированию вступают в противоречия с требованиями к размещению оружия, удобству экипажа, с аэродинамикой, если аппарат предназначен для полетов в атмосфере, и еще тучей разных других. Но эти торчащие по обеим сторонам корпуса крылья не оставляли самолету никаких шансов...

Солдатик несколько мгновений недоуменно пялился на меня, будто не понимая, что это я собираюсь делать, а затем лицо его посветлело, однако обратно в воду он не полез, а остался на месте, лишь задрал голову вверх. В этот момент над островом и появился самолет. Я вскинул пулемет и аккуратно вогнал три пули ему в брюхо, приблизительно туда, где, по моим прикидкам, находился передний край сиденья пилота. Больше не получилось исходя из технической скорострельности оружия и скорости движения летательного аппарата. Если пилот в этом аппарате заключен в броневую капсулу, толщина стенок которой непробиваема моим оружием, это не приведет к поражению, но звон тяжелых пуль о броню должен сбить

его с траектории и не позволить отстреляться. А при следующем заходе мне придется работать по мотору или по управляющим тягам, размещенным в крыле и фюзеляже. Если же его бронирование ограничено лишь лобовой и задней проекцией... Оно оказалось ограничено именно ими. Поэтому самолет дернулся, завалился на крыло и, взрывкая двигателем, как подраненный лось, исчез за верхушками деревьев уже в явно неуправляемом полете. Спустя минуту где-то недалеко впереди раздался сильный удар, а еще через несколько секунд — не слишком сильный взрыв. Я опустил «дегтярь». Все вокруг, в том числе и мои орлы из первого десятка, оторопело уставились на меня.

— Командир «мессер» сбил... — изумленно пробормотал солдатик и восторженно заорал: — Урра!!!

И все заорали в ответ.

Я дождался, пока вопли утихнут, и вскинул руку.

— Гарбуз...

— Я, товарищ командир!

— Всем по два наряда вне очереди. За нарушение звуковой маскировки. Последовательность отработки определишь сам.

— Так точно, товарищ командир, — бордо отрапортовал старшина.

Я бросил взгляд в небо. Если пилот успел передать, что он наблюдает на подлете к болоту, следующий самолет должен был появиться минут через тридцать-сорок, если нет — позже, но появится обязательно. Я собирался ссадить с небес и его. А до того времени люди вполне успеют домыться, а обмундирование — немного подсохнуть. Я кивнул своим мыслям и опустил на траву.

Следующий самолет объявился где-то часа через полтора. Я неодобрительно качнул головой. Как-то не похоже на немцев, или они уже просто настолько привыкли к непрерывным победам, что расслабились и оборзели? Тогда все будет еще легче, чем мне представляется. Во всяком случае, на первом этапе.

Второй самолет я снял двумя пулями. После чего приказал сворачивать постирушку и готовиться к движению. Рассчитывать, что второй пилот повторит ошибку первого, я бы не стал. Поэтому теперь следовало поторопиться, пока по переданным пилотом координатам не нанесут артиллерийский удар и не подтянут сюда пару рот автоматчиков. Так, во всяком случае, по моему мнению, должен был поступить любой грамотный командир.

Артиллерийского удара мы не слышали, а вот перестрелка с моими орлами, десяток которых (конечно, из первых пяти десятков) я оставил

«поиграть» с немцами в прятки, до нас донеслась. Впрочем, вскоре она начала отдаляться, а потом и совсем затихла. При нынешнем уровне подготовки немецкие вспомогательные части (а вряд ли какой командир позволил бы отвлекать на поимку бежавших пленных боевые) были моим ребятам не конкуренты. Так что те поводили их до темноты, а потом броском оторвались, уйдя к назначенной мной точке randevu.

За следующие четыре дня мы продвинулись мало, потому что я резко взвинтил интенсивность занятий. Поскольку я лично не мог охватить все две с половиной сотни новобранцев одновременно, эффективность первого этапа обучения заметно упала, но все равно к концу недели я собирался начать этап скачкообразного изменения физических кондиций. Вследствие того же фактора он должен несколько растянуться по времени, но ничего, еще пара-тройка недель и... ух, оторвемся!

Автомобиль затормозил и остановился. Курт распахнул дверцу кубельвагена и выбрался наружу, инстинктивно чуть поморщившись. Рана еще побаливала. Ему пришлось выдержать непростой разговор с отцом и просто целую бурю с матерью, чтобы настоять на своем и все-таки вернуться сюда. В смысле не только на службу, но и на Восточный фронт.

— Герр гауптман! Чем могу помочь?

Курт обернулся. Перед ним предупредительно застыл капрал с повязкой дежурного по штабу.

— Доложите генералу, что прибыл гауптман фон Зееншанце.

— Слушаюсь, герр гауптман. — Капрал лихо отдал честь и исчез.

Курт стянул с руки перчатку из тончайшей лайки и обнаженной рукой потер лицо. Ну вот он и здесь. Теперь предстояло решить, что же делать дальше. Где искать? Курт покосился на двор, забитый машинами, мотоциклами и людьми, которые пребывали в вечной суете, столь свойственной всем штабам высокого уровня, окруженным разветвленной системой служб, где ежедневно решались тучи повседневных вопросов, и вздохнул. Пока в голове ни одной разумной мысли.

— Герр гауптман, генерал ждет.

Курт обернулся. Давешний капрал снова возник, будто чертик из табакерки. Курт кивнул и двинулся в сторону распахнутых дверей, через которые то и дело входили и выходили люди. Ладно, как говорил великий Наполеон Бонапарт: «Главное — ввязаться в бой, а там — посмотрим!»...

— Курт, мальчик мой, с какой миссией ты навел меня теперь? Опять будешь недреманным оком ОКХ? — весело спросил невысокий, ладно скроенный мужчина в генеральском мундире, поднимаясь из-за стола и распахивая объятия навстречу молодому офицеру.

— Не совсем, дядя Гейнц, — улыбаясь в ответ, сообщил Курт, — хотя должен тебе сказать, что ОКХ не слишком довольны темпами продвижения. Они явно отстают от запланированных.

Генерал нахмурился.

— Они там у себя в Берлине думают, что все всегда развивается согласно тем планам, которые они нарисовали. А это не так! Уж меня-то не стоит упрекать в том, что я нарочно торможу продвижение. Когда мог, я двигался гораздо быстрее всяких планов. Кстати, во Франции они меня ругали именно за это. Лучше бы вздрючили Канариса! Так ошибиться с

количеством войск вдоль границы... Да и вообще, русские не французы. Большинство из них дерется даже в безнадежной ситуации, пусть и не слишком умело. Но когда в сторону твоих солдат в ситуации, когда все уже ясно и нет никаких шансов, продолжают стрелять, ты все равно несешь потери. Причем теряются не только личный состав и техника, но и время. Вот отсюда и отставание.

Курт шутливо вскинул руки:

— Дядя, дядя, я уже сдаюсь! Тем более что весь твой запал не к месту. Я откомандирован на фронт на три месяца и потому не смогу в ближайшее время изложить твою точку зрения руководству. А через три месяца они все равно найдут, в чем тебя обвинить, только скорее всего уже в другом.

Генерал несколько мгновений, еще в запале, сердито смотрел на молодого офицера, но потом лицо его смягчилось, и в глазах вновь заиграли веселые искорки.

— Ладно, прости... Просто эти снобы из Берлина меня уже достали. Садись, — предложил он, указывая на два кресла, стоящие рядом с небольшим столиком. — Кофе? У меня есть настоящий, бразильский, хотя вы у себя там в Берлине, наверное, и так им избалованы.

— Нет, не избалованы, — негромко рассмеялся Курт. — В столовой управления теперь подают эрзац. Блокада англичан не способствует доступности колониальных товаров. Поэтому я не могу отказаться от столь заманчивого предложения.

— Линдеман! — возвысил голос генерал и бросил возникшему в дверях адъютанту: — Два кофе, — после чего вновь развернулся к гостю. — Как отец?

— Хорошо. Фюрер ему благоволит. Ходят слухи, он собирается поручить отцу нечто новое, и скорее всего на этот раз не из области вооружений. Фюрер считает, что русская кампания практически выиграна. Судя по докладам, поступающим в ОКХ, потери русских в живой силе просто чудовищны. Их армия исчезает, будто лед на солнце, и нет никаких оснований считать, что их удастся компенсировать. Особенно в командном составе. Солдата теоретически можно обучить за несколько недель, а вот с офицером, особенно среднего звена, такого не сделаешь. Так что даже если Сталин и наберет новых солдат, командовать ими будет некому.

Генерал прищурился.

— Ты собираешься разжевывать мне прописные истины?

Курт смутился:

— Простите, дядя...

В этот момент дверь кабинета распахнулась, и в него плавно всплыла

фрау с весьма впечатляющей фигурой. В руках она держала массивный серебряный поднос, который, казалось, просто стоял на ее бюсте. На подносе сверкали костяной белизной две чашки с дымящимся кофе, кофейник, молочник, сахарница с рафинадом и серебряными щипчиками и вазочка с печеньем. Расставив все это на столике, дама удалилась, сопровождаемая весьма лестными мужскими взглядами. Генерал поднял свою чашку, отхлебнул и заговорил:

— М-да... Что же касается твоих слов, то я согласен с фюрером. Хотя в этой области я не был бы столь уж категоричен. Ведь откуда-то русские взяли офицеров, чтобы сформировать эту лишнюю почти сотню дивизий, о которой Канарис даже не подозревал. Значит, мы не знаем как минимум о нескольких их военных училищах. И бог знает еще о чем. Ну да хватит об этом... Насколько я понял, у тебя — свободное назначение. Чем ты планируешь заняться здесь, на фронте?

Курт задумался. Сейчас следовало быть особенно осторожным. Он и так не слишком разумно повел себя в прошлый раз, когда покидал фронт. Нет, никто ничем его пока не попрекнул, но... все равно крайне неразумно. На их семью и так направлено множество взглядов, большинство из которых завистливые, а некоторые и ненавидящие...

Впрочем, встреча с тем необычным красным командиром и потеря русской девушки, которая, теперь он мог себе в этом признаться, произвела на него очень сильное впечатление, сильно выбили его из колеи. Курт прекрасно, как ему казалось, представлял себе, как может быть воспринято его увлечение русской. Тем более что она была военнослужащей, а они вели войну с ее страной. Но... чем больше он пытался выкинуть ее из головы и... из сердца, тем более прочно она там поселялась.

Так что он был готов к неприятностям, даже к тому, что придется оставить службу. Только бы ее найти!.. Со стороны семьи все было несколько сложнее и... проще одновременно. Конечно, и мать, и отец желали бы, чтобы Курт нашел себе девушку из хорошей семьи, с родословной, с устойчивыми связями и принятой в приличном, что называется, обществе, но... В конце концов, про мужчин рода фон Зееншанце всегда говорили, что у них традиция — жениться на славянках. Его бабушка была польской графиней, а двоюродная тетя — чешской баронессой. Так что поворчали бы, конечно, а потом приняли. Несмотря на то что отец не раз говорил, что большевики уничтожили в России хорошую породу и возвеличили быдло.

Если бы отец увидел ее, то, Курт в этом совершенно не сомневался, довольно быстро изменил бы свое мнение. В ней порода была. Точно!

Порода людей, превыше жизни ставящих честь и свою способность служить людям, первыми идти в бой или в дальний поход к краю мира. То есть то, что однажды возвысило их предков над тысячами таких же, как они, и сделало знатью... И что и сейчас отличало истинную знать от тех, кто лишь благодаря весьма сомнительным родственным узам продолжал пользоваться привилегиями, завоеванными верным служением предков. К сожалению, в наше время таковых становилось все больше и больше. Может, именно поэтому такие, как Сталин и Гитлер, получили свой шанс. Впрочем, лично к фюреру Курт относился вполне лояльно, но вот окружение!.. Слава богу, в «ночь длинных ножей» фюрер его слегка проредил...

— Знаете, дядя, хотя, возможно, это прозвучит несколько неожиданно, но меня сейчас больше беспокоит не положение дел на фронте, а... наш тыл.

— Тыл? — Генерал бросил на него испытующий взгляд. — Уже доложили?

— Что? — насторожился Курт.

Генерал вздохнул.

— Да, в общем, ничего особенного. Просто досадное происшествие. Из транзитного лагеря для военнопленных под Береза-Картузская, — произнес он, слегка коверкая непривычное название, — бежало несколько сотен военнопленных. И вот уже скоро месяц, как их не могут отыскать. В нашем глубоком тылу, заметь... Да еще при поисках умудрились где-то потерять два самолета. А немногим ранее в другом месте какой-то отряд русских совершил налет на штаб 293-й пехотной дивизии. Очень трагическое происшествие: штаб дивизии во главе с командиром практически полностью уничтожен, можешь себе представить? Правда, мне доложили, что с той группой русских разобрались...

Курт замер. Это был след! Во всяком случае, происшествие с лагерем, раз дядя говорит, что с отрядом, совершившим налет на штаб, разобрались. По зрелому размышлению, тот красный командир выглядел слишком необычно, чтобы позволить легко себя поймать, а вот доставить им серьезные неприятности — вполне. А где он, там должна была быть и она, Вилора. Очень необычное имя, как видно, чисто русское...

— С вашего разрешения, дядя, я бы хотел заняться этим вопросом.

Генерал на мгновение задумался, а затем пожал плечами.

— Что ж, если ты так хочешь... Хотя я бы предпочел видеть тебя при моем штабе. Твоя уникальная память и светлая голова мне бы оченьгодились. А свою храбрость ты уже доказал в Польше и во Франции. —

И он воткнул в молодого офицера испытующий взгляд.

Курт качнул головой.

— Непременно дядя, но чуть позже. Ибо моя светлая голова сообщает мне, что за этим, как ты выразился, досадным происшествием могут таиться некие будущие неприятности.

— Ну хорошо. Я прикажу выдать тебе предписание. Ты нашел, где остановиться? А то можешь погостить у меня.

Курт сделал отрицательный жест.

— Нет, не нашел, но я не хочу терять время. Еще довольно рано, так что я лучше получу предписание и отправлюсь поближе к месту моего расследования.

— Ну как знаешь. — Генерал поднялся из-за столика и крепко обнял молодого офицера, отчего Курт едва сдержал легкий стон. — Ну удачи! А сейчас извини... — И он развел руками.

Спустя полчаса, когда Курт вышел из строевого отделения, укладывая в карман свежеполученное предписание, его окликнул довольно громкий и неприятный голос, от которого прямо разило самодовольством.

— Гауптман фон Зееншанце?

Молодой офицер развернулся. По коридору размашистым шагом приближался высокий блондин, затянутый в черную форму с изображением сдвоенной молнии на петлице.

— Рад с вами познакомиться. Штандартенфюрер Ганс Либке.

— Очень приятно, — сдержанно-холодно отреагировал Курт: стоящий перед ним офицер являлся олицетворением тех, кого он как раз и недолюбливал в окружении фюрера.

— До меня дошли слухи, что вы собираетесь помочь мне управиться с моим хозяйством.

— Простите? — не понял гауптман.

— Ну... я тут занимаюсь пленными и всем, что с ними связано.

— А, вот в чем дело, — понимающе кивнул Курт, — не извольте беспокоиться. Мой интерес связан только с одним досадным фактом. И вызван скорее личными предчувствиями, чем распоряжением руководства.

— Вот как? Интересно. Хотя... у вас ведь уже есть опыт общения с пленными. Мне докладывали, что вас оперировала русский медик-лейтенант. И даже некоторое время сопровождала. Как, кстати, она поживает?

Курт пожал плечами. Хотя у него немного засосало под ложечкой. Этот тип сразу брал быка за рога, в завуалированной форме предупреждая, что если господин капитан накопает в его ведомстве нечто, способное

выставить его в неудобном свете, то и у него есть чем прижать господина капитана.

— Не имею ни малейшего понятия. Я не видел ее с того момента, как улетел.

— Странно, — штандартенфюрер наморщил лоб, — по моим спискам она тоже не проходит. Наверное, какой-то сбой. — Он шумно вздохнул. — Если бы вы знали, мой друг, какой дефицит у нас с людьми! Самых толковых забираете вы, армия, заявляя, что ведете войну и вам нужно самое лучшее. А что в таком случае остается нам? — И он раскатисто захохотал.

— Я непременно передам ваше мнение своему руководству, — вежливо сообщил Курт, у которого не было никакого желания общаться с этим типом. — А теперь позвольте откланяться. Я спешу.

— Понимаю, — кивнул штандартенфюрер. — Ну что ж, удачи! Надеюсь, вы сумеете разобраться во всем этом, а то, признаюсь, у меня немало хлопот. И отвлекает от других, более насущных дел. — И он крепко стиснул руку молодому офицеру. А затем долго смотрел ему вслед...

Ганс Либке всеми фибрами души ненавидел таких, как этот лощеный офицерик. Сын лавочника из Мюнхена, Либке довольно рано примкнул к движению национал-социалистов и даже вошел в СА. Тем более что его физические кондиции полностью укладывались в новую идеологию. Очень лестно было считать, что сам факт того, каким ты уродился, уже делает тебя элитой, солью нации и будущим владыкой мира. Но когда на нацистов начались гонения, закончившиеся арестом почти всей верхушки тогда еще немногочисленной партии, в том числе и будущего фюрера, Ганс быстро забыл о всякой идеологии и даже сжег свой партийный билет. Как же он потом жалел об этом!..

Но сделанного было не вернуть. Поэтому Либке пришлось начинать все с нуля, ловя презрительные взгляды бывших соратников, сумевших сохранить и документы, и отношения. С особенным презрением к нему относился сам Рем. И это закрывало перед Либке любые перспективы... до того момента, как Рема и его ближайших сподвижников не прикончили во время «хрустальной ночи».

После этого дела Ганса пошли в гору. Хотя и не так резво, как ему хотелось. Впрочем, во многом он сам был виноват. Основные проблемы заключались в его натуре мелкого лавочника. Едва дорвавшись до каких-либо материальных ценностей, он начинал хапать так, что окружающих просто оторопь брала. И, естественно, это порождало проблемы. В том числе и с непосредственным начальством.

Так произошло в Польше, где Либке поначалу зарекомендовал себя очень неплохо, но потом попался на отправке домой целых двух вагонов с награбленным. Подобное произошло во Франции и не так давно в Греции. Так что его руководство, вполне признавая за Гансом чистоту взглядов, ненависть к евреям, цыганам, славянам и иным неполноценным расам и беззаветную преданность фюреру, а также несомненные таланты трофейщика, вынуждено было отодвинуть его от стези, к которой он, несомненно, был предрасположен. Уж слишком много прилипало к его рукам, так сказать, в процессе.

Сам же Либке считал опалу происками врагов. Особенную ненависть у него вызывали чистоплюи из числа таких вот офицеришек из старой аристократии. Они... они кривили губы, обзывали его сыном лавочника, способным только на мелкое жульничество и воровство, и всячески наушничали, не давая Гансу получить то, что, как он искренне считал, принадлежало ему по праву победителя. Они занимались только тем, что считали достойным, сваливая всю грязную работу на таких парней, как Либке, а потом их за это же презирая. Разве это справедливо?

Ганс искренне презирал русских, в полном соответствии с партийными установками считая их недочеловеками, быдлом, чье предназначение может состоять лишь в том, чтобы быть бессловесным скотом на службе у истинных хозяев. Но в одном он был полностью с ними согласен. Они оказались совершенно правы, когда вырезали, расстреляли, уморили голодом и замучили в тюрьмах всю свою старую аристократию. Так же следовало поступить и фюреру, проявившему в этом деле непростительную мягкотелость. Ибо только они, новые люди фюрера, истинные арийцы, новая раса, чье предназначение — править этим миром, могут привести рейх к его подлинному величию!

Ну, ничего. Похоже, на этот раз судьба послала Либке возможность отомстить. Что-то было не так с этим Зееншанце. Уж слишком подозрительным выглядело его скорое возвращение после столь серьезного ранения. И вообще, с самим его отбытием в Берлин тоже все было очень странно. Почему самолет ждал его лишних два часа, где он шлялся все это время, если учитывать, что место ночлега он покинул около девяти утра. И куда делась та русская, которую он все время возил с собой. Он ее где-то спрятал? Скорее всего. Что ж, он, Ганс Либке, сумеет вывести на чистую воду предателя, не только способствовавшего побегу из плена вражеского военнослужащего, но еще и продолжавшего укрывать его. И, честное слово, сделает это с нескрываемым удовольствием!..

До Березы-Картузской Курт добрался на следующий день. От объятий дядюшки и еще более от волнения, вызванного разговором с этим Гансом Либке, разнылась рана. Пришлось заехать в госпиталь и запастись обезболивающим. Потом они еще задержались, потому что Вольфганг заливал бензин, так что ночь застала их в дороге, и пришлось останавливаться на ночлег в какой-то деревне.

Прибыв в Березу-Картузскую, Курт первым делом посетил коменданта. Тот как раз обедал. И был рад предложить офицеру, прибывшему со столь важным предписанием, разделить его немудреную трапезу, состоящую из наваристого овощного супа со смешным названием «борч», вареной картошки с домашним сливочным маслом, ничем не уступавшим прованскому, и сала. Ну и бутылочки домашнего шнапса местной выгонки. От шнапса Курт отказался, а остальное съел с удовольствием, потому что изрядно проголодался. Стремясь побыстрее добраться до места, он пренебрег завтраком.

— Какая помощь вам требуется, господин гауптман? — поинтересовался комендант, когда они покончили с обедом.

— Расскажите мне поподробнее о том случае нападения на транзитный лагерь.

— Ну-у-у, — комендант явно сильно занервничал, — я уже все доложил в рапорте.

— И все же, — настойчиво повторил Курт.

— Да там и рассказывать особенно нечего. Нападающие подобрались к лагерю, сняли часовых, вырезали охрану и освободили находившихся в лагере пленных.

— А как они смогли незаметно приблизиться к часовым? — поинтересовался Курт.

Комендант замялся.

— Мм... дело в том, что они... ну как бы это сказать... не совсем приблизились.

— То есть?

— Офицер, проводивший расследование, сообщил мне, что часовые были расстреляны из арбалетов.

Гауптман фон Зееншанце подался вперед.

— Из чего? Из арбалетов?!

— Ну... что-то вроде. Установить точно не представляется

возможным. Какая-то самоделка...

— Оказавшаяся вполне эффективной, — пробормотал Курт. — Вы указали это в рапорте?

Комендант побагровел.

— Я-а-а... не считал это заслуживающим внимание.

Курт стиснул зубы. Вечно так! Очень важные сведения замалчиваются, чтобы не привлекать внимания и скрыть собственную глупость и некомпетентность.

— Кто проводил расследование?

— Лейтенант Икке.

— Вызовите его.

— Слушаюсь! — Комендант торопливо вскочил на ноги и, натянув фуражку, выскочил за дверь.

Лейтенант добавил немного.

— На основании чего вы сделали вывод, что нападавшие использовали арбалеты?

Икке раскрыл офицерский планшет, извлек оттуда странный предмет и протянул его Курту.

— Вот, герр гауптман, часовые были убиты именно этим. Я обратил внимание на странную форму ран, а потом обнаружил пару таких предметов в трупе, который лежал в стороне от всех.

— В стороне от всех?

— Да, герр гауптман. Похоже, он просто не вовремя вышел мм... — лейтенант запнулся.

— Помочь, — закончил за него Курт.

— Так точно, герр гауптман. И его сняли из того же оружия. Стрелы полностью металлические и похожи на арбалетный болт. К тому же мне удалось идентифицировать предмет, из которого они изготовлены.

— И что же это?

— Шомпол от русской винтовки конструкции Мосина. Причем, взгляните, этот самодельный болт обернут тканью.

— Зачем?

— Мне кажется, для того чтобы, если он в случае промаха упадет на утоптанную землю или иную твердую поверхность, звук был более тихим.

Курт задумчиво повертел в руках самодельный болт. Если командир русских предусмотрел даже такие мелочи...

— А как погибли остальные?

— Они были зарезаны во сне, герр гауптман. Штыками от русских винтовок и ножами.

— Спасибо, лейтенант, вы мне очень помогли. Чувствуется, вы не новичок в расследованиях.

Икке просиял.

— Так точно, герр гауптман. Господин комендант всегда поручает мне расследование подобных происшествий, — радостно доложил он, не заметив, как начальник, вновь занявший место за столом, побелел.

— А что, были и еще? — рассеянно спросил фон Зееншанце, напряженно размышляя над тем, что он уже успел узнать за столь короткий срок.

— Так точно, герр гауптман. Где-то за две недели до нападения на лагерь.

— И что же случилось тогда? — насторожился Курт.

— Пропала колонна пленных. Небольшая. Человек сорок. И четверо конвойных. Причем бесследно.

— Когда точно? — Фон Зееншанце подался вперед.

Лейтенант назвал точную дату. Гауптман прикрыл глаза. Черт! Все сходится. Этот необычный красный, похоже, собирает себе отряд. Сначала у него было чуть более десятка, затем он отбил еще сорок человек, обкатал их, подучил, а затем совершил налет на лагерь. Курт возбужденно потер виски. Похоже, охота становилась интересной сама по себе. Вне зависимости от приза. Ему внезапно очень захотелось вновь пообщаться с этим русским, но уже на, так сказать, своей территории и в условиях, когда он контролирует ситуацию.

— Хорошо, лейтенант, вы свободны. Вы мне очень помогли, спасибо.

— Хайль! — радостно выкрикнул тот, вскидывая руку, и исчез.

Курт некоторое время сидел, задумчиво барабанил пальцами. Наконец комендант, все это время мысленно проклиная излишне разговорчивого лейтенанта, не выдержал и робко спросил:

— Господин гауптман, что-нибудь еще?

— А? — рассеянно отозвался Курт. — Да нет, больше ничего. Спасибо, вы мне тоже очень помогли. А далеко ли от вас Бронна Гура?

«Пожалуй, стоит поподробнее расследовать все не слишком укладывающиеся в привычную картину происшествия, произошедшее в этом районе...»

— Ну что вы, — засуетился комендант, осознавший, что вполне может уже сегодня избавиться от столь хлопотного гостя, — вовсе недалеко...

До Бронна Гура Курт добрался поздним вечером. Штаб 293-й пехотной дивизии отсюда уже съехал, поэтому большинства тех, кто мог бы что-то рассказать по поводу нападения, здесь не было. Но фон Зееншанце

доложили, что в местном лазарете еще оставалось несколько человек, долечивающихся после того боя. Так что он решил не отправляться сразу за штабом дивизии, а сначала переговорить с ними. Начинать расследование было поздно, поэтому Курт приказал Вольфгангу организовать ночлег, а разговор перенести на утро.

Первым в лазарете его встретил врач.

— Чем могу помочь?

— Я занимаюсь расследованием нападения на штаб 293-й пехотной дивизии и хотел бы поговорить с людьми, выжившими после него.

— Расследованием нападения именно на штаб дивизии? — уточнил врач.

— Да, — кивнул фон Зееншанце и тут же насторожился: — А почему вы спросили?

На лице врача нарисовалась досада.

— Ну да, простите, у того, что было раньше, никаких свидетелей не осталось.

— Раньше? А какое нападение было раньше?

Врач удивленно воззрился на него.

— Ну... за пару дней до налета на штаб дивизии русские совершили нападение на захваченные нами их собственные военные склады совсем близко отсюда. Наверху что, об этом не знают?

— Нет. — Курт недоуменно покачал головой. — Вы сказали, склады? И что же они там искали?

— Оружие, вероятно.

Курт замер, обдумывая новую информацию, а потом попросил:

— Расскажите мне поподробнее о нападении на склады.

Врач пожал плечами.

— Ну... я немного знаю, меня вызывали на вскрытие трупов. Вся команда охраны была зарезана. Судя по форме, раны наносились штыками русских винтовок и ножами.

Курт облизал внезапно пересохшие губы. Это же докладывал ему и лейтенант Икке. Неужели?.. Но ведь дядя говорил, что с отрядом русских, совершившим нападение на штаб, покончено! Или на штаб нападали другие?.. Два столь близких по времени нападения совершены разными группами? Маловероятно.

— Все зарезаны?

— Все, кроме троих. Точно идентифицировать, чем их убили, не удалось. Но если бы я не боялся обвинений в сумасшествии, я бы высказал предположение, что их расстреляли из чего-то типа луков или арбалетов.

Фон Зееншанце прикрыл глаза и некоторое время переваривал услышанное, затем спросил:

— А как вы думаете, кто напал на склады?

— Да тут и думать нечего, — решительно заявил врач. — Те же, что спустя пару дней напали на штаб дивизии. Захватили склады, вооружились и атаковали штаб.

Курт пожевал губами. Что-то не складывалось. Одна и та же тактика у двух групп, одна из которых уничтожена... Впрочем, может, не полностью?

— А на чем основывалась уверенность, что группа, напавшая на штаб дивизии, полностью уничтожена?

— Кто уничтожен? — не понял врач.

Курт удивленно уставился на него. Врач недоуменно пожал плечами.

— Мы не обнаружили ни единого трупa нападавших, а организовавший преследование старший лейтенант Шнитке потом сам лечился у меня, потому что получил пулю в мякоть левой руки. Так вот, насколько я знаю, результатом его действий стали еще шестеро убитых и полтора десятка раненых, но с нашей стороны. Русские поводили его за нос до темноты, а потом растворились в ночи.

Курт скрипнул зубами, чтобы не выругаться. Опять то же самое. Вранье, покрывающее собственную некомпетентность!

— Спасибо, вы мне очень помогли, — поблагодарил он врача, — но я все же хотел поговорить с выжившими.

— Да ради бога, — отозвался тот, — они все в шестой палате. Пойдемте, я вас провожу...

На русские склады Курт добрался после обеда. Разговоры с ранеными в общую картину добавили немного. Единственное, что отметили практически все: эти русские, в отличие от тех, с кем они до сих пор сталкивались, на сей раз действовали очень четко и организованно. Основной ударной силой у них были гранатометчики. Так вот те, совершенно не отвлекаясь, вышли на позицию и начали садить гранатами. Как образно выразился один из выздоравливающих, бывший студент исторического факультета берлинского университета, «балеарские пращники». Этим и были вызваны столь тяжелые потери. Причем все произошло за считанные минуты, а затем русские просто исчезли. Никто из выживших не смог сказать, что он успел сделать хотя бы по одному выстрелу в их сторону. Впрочем, наверное, это их и спасло. Всех, кто высунулся, русские пристрелили.

Склады Курт застал в куда более укрепленном состоянии, чем, по-видимому, они были до визита русских. Перед воротами со смещением

вкопаны два ежа, чтобы их невозможно было выбить с разгона, а чуть дальше за воротами оборудована баррикада из мешков песком, с пулеметной позицией.

Едва фон Зееншанце вылез из кубельвагена, к нему подскочил лейтенант.

— Герр гауптман, на вверенном мне объек...

— Не надо, — оборвал его Курт. Перед тем как отправиться на склады, он попросил коменданта Бронна Гура связаться с их охраной по телефону и сообщить о своем прибытии. Чтобы не тратить лишнее время на предъявление своих полномочий, а потом на уточнение их по телефону, что он именно тот, за кого себя выдает, и так далее.

— Слушаю вас, господин гауптман.

— Вы проводили ревизию того, что пропало на складах?

— Никак нет. — Лейтенант замялся. — Да и установить, что пропало, затруднительно. Поскольку неизвестно, сколько и чего было до пропажи. Трофейщики до нас никак не доберутся. Слишком много работы. Но мы установили, что были вскрыты склады номер два, три, семь, девять и десять.

— Что там хранилось?

— Оружие, боеприпасы, обмундирование, продовольствие... много чего, герр гауптман.

— Хотя бы приблизительный объем похищенного назвать можете?

Лейтенант виновато помотал головой.

— Мы были переведены на склад только после того, как все уже произошло, так что... Но я думаю, не слишком много. Нападение явно было произведено весьма ограниченными силами, так что вряд ли они могли унести так уж много.

— Я хочу осмотреть помещения.

Однако осмотр ничего нового не принес. Некоторые линии хранения оказались короче соседних, некоторые стеллажи зияли пустотами. Но кто и когда извлек из них ящики и тюки, установить не представлялось возможным. С тем же успехом это мог сделать и неуловимый командир русских, и их штатные кладовщики еще до начала войны. А скорее всего и тот, и другие. Так что объем похищенного пока оставался для Курта загадкой. Поэтому он решил считать, что как минимум похищенного хватит на то, чтобы вооружить три сотни солдат — почти батальон. В конце концов, русский отбил из маршевой колонны, а затем вытащил из лагеря (а теперь фон Зееншанце не сомневался в том, что все это сделал именно он) именно такое количество людей, и ему нужно было их чем-то вооружить.

Ибо до сих пор этот красный командир демонстрировал просто потрясающие способности в организации и планировании, так что не было никаких оснований отказывать ему в этом и теперь. Хотя когда Курт высказал эту мысль, лейтенант категорично замотал головой.

— Никак невозможно, герр гауптман. Да если бы они вынесли оружия и снаряжения на такую прорву людей, по их следам танковая колонна прошла бы... А мы почти никаких следов не обнаружили.

— И тщательно искали?

Лейтенант стушевался.

— Не особенно... В конце концов, наша задача — охрана, а у остальных и без того было полно забот в связи с нападением на штаб.

На это Курт лишь задумчиво кивнул. Русский офицер вызывал у него все больше и больше уважения...

Вечером фон Зееншанце заказал разговор по защищенной линии. Когда его вызвали в небольшую комнатку и посадили перед аппаратом, он на несколько мгновений прикрыл глаза, а затем решительно выдохнул и взял трубку.

— Слушаю, — раздался в динамике слегка приглушенный голос дяди Гейнца.

— Дядя...

— А, Курт, мальчик мой, как твои дела?

— Очень хорошо, дядя, и... Вот это-то как раз более всего и заставляет меня беспокоиться.

— А в чем дело? — несколько недоуменно спросил дядя Гейнц.

— У меня есть все основания предполагать, что необходимо немедленно развернуть самые широкие поиски исчезнувших пленных.

— Пленных? Ты что-то накопал?

— Да, дядя.

Трубка помолчала.

— Но их же вроде ищут.

— Как мне удалось установить, не слишком старательно. Похоже, те, кому это поручено, надеются, что кадровые русские солдаты под командованием, как я теперь уверен, очень талантливого офицера отчего-то сами утопят себя в болоте, сняв эту заботу с доблестных немецких войск.

Трубка снова помолчала, а затем с сомнением произнесла:

— И все-таки я не понимаю твоего беспокойства. Они же практически безоружны. Мне докладывали, что те, кто напал на транзитный лагерь, просто перерезали охрану ножами. Я знал, что вспомогательные части не отличаются высокой боевой выучкой, но бездарно проспать...

— Это не так, дядя, — прервал Курт. — У тебя просто не... полная информация. — Он едва удержался, чтобы не использовать слово «недостовверная», потому что это было бы уж слишком тяжелым обвинением. А ввязываться еще и в это расследование Курт сейчас совершенно не планировал. И так, по его предположениям, счет шел буквально на дни. — Я думаю, что никто ничего не проспал. Я разговаривал с офицером, производившим расследование. Часовые были расстреляны из самодельных арбалетов, причем болты для них были специально обмотаны тканью, чтобы при промахе и падении на утоптанную землю они не звенели. По моему мнению, этот факт говорит о высокой квалификации их командира и тщательной проработке деталей операции, не так ли?

— Я этого не знал...

— А что касается отсутствия оружия, то должен тебя огорчить. Оружие у них есть. И пользоваться им они умеют очень неплохо. То трагическое по своим последствиям нападение на штаб 293-й пехотной дивизии, после которого нашим доблестным охранным батальонам не только не удалось обнаружить ни единого трупа нападавших, но уже к вечеру потерять их следы, было организовано тем же командиром. Причем до атаки на штаб он и его люди успели посетить русские окружные склады под Бронна Гура и кое-чем там разжиться. — Курт сделал паузу, облизал пересохшие губы и продолжил: — Чем именно, точно установить не представляется возможным. К сожалению, трофейные команды до этого склада еще не добрались. Сам знаешь, при том количестве вооружения и имущества, которое нам удалось захватить у красных, им просто катастрофически не хватает людей. Так что точной описи того, что находилось на этих складах до визита нашего неуловимого командира русских, у меня нет.

— Но мне доложили, что группа, совершившая налет на штаб, полностью уничтожена.

Курт зло усмехнулся:

— Возможно, но в таком случае придется признать, что те, кто тебе это доложил, получили информацию от Господа Бога, потому что никто не смог обнаружить ни *единого* трупа нападавших!

Трубка снова помолчала. Впрочем, здесь особых комментариев не требовалось. Все и так было ясно.

— А это точно он? — спросил дядя спустя минуту.

— Охрана складов уничтожена таким же образом, как и охрана лагеря. Часовые расстреляны из самодельных арбалетов, а остальные зарезаны во

сне.

— Что тебе нужно? — Голос дяди был сух и деловит.

Курт облегченно выдохнул. Похоже, он сумел убедить генерала в серьезности ситуации. Полдела сделано.

— Батальон мотоциклистов.

— Что?!

— Поймите, дядя, столь крупный и организованный отряд, действующий в зоне наших коммуникаций, представляет собой огромную опасность.

— По-моему, ты преувеличиваешь опасность.

— Рейдовый батальон русских в нашем глубоком тылу — преувеличенная опасность?!

— Курт, ты же прекрасно знаешь, что несколько сотен вооруженных солдат — это еще не батальон. Откуда он возьмет офицеров, способных вести рейдовую войну, откуда в конце концов...

— Дядя, — прервал молодой офицер, — мне представляется, что именно этим обусловлено то, что он еще не развернул широкомасштабные действия. Но я не думаю, что он сидит сложа руки. Поймите... ну вы же сами всегда хвалили мою голову. Я считаю, что положение просто критическое. Мы ДОЛЖНЫ его найти! Пока еще не поздно.

— И ты считаешь, что мотоциклисты сумеют...

— Если честно, я не надеюсь, что мотоциклисты сумеют сразу же обнаружить этого неуловимого русского. Но даже по схеме потерь нарядов и патрулей мы можем уточнить район его возможного нахождения. И мотоциклисты — это еще не все. Для самой операции мне необходимы, во-первых, поддержка авиации и, во-вторых, мотопехотный полк. Именно мотопехотный, потому что подвижность моих сил — ключевой параметр успеха.

Трубка помолчала, а затем тяжело произнесла:

— Ты требуешь невозможно, Курт.

— Дядя, я...

— Помолчи, — сердито оборвал генерал и после короткой паузы продолжил: — Я дам тебе роту мотоциклистов. И прикажу авиации обрабатывать твои заявки наравне с фронтовыми. Мотопехотного полка ты не получишь. У нас даже мотопехотные роты наперечет. Сам же говорил, что ОКХ крайне недоволен темпами продвижения. Единственное, что я могу сделать, это переподчинить тебе маршевые подразделения, которые находятся в твоём районе... Молчи! — возвысил он голос, будто угадав, что Курт собрался горячо возразить. — И пойми, это намного больше того,

что я действительно могу тебе дать. Будь на твоём месте другой, я бы просто не стал его слушать, но я на самом деле с большим уважением отношусь к твоей голове. Поэтому и даю столь много. Большого тебе не даст и сам фюрер. Пойми это, мой мальчик, и постарайся справиться с тем, что есть. Ты меня понял?

— Да, дядя, — тихо ответил Курт, а в груди нарастало ощущение надвигающейся катастрофы. Он и так запросил по минимуму! Но, с другой стороны, дядя прав. Что такое снять с фронта даже одну роту, когда идет наступление, когда командиры всех ступеней просто стонут: «Резервы, резервы, резервы...»? Так что придется действительно обойтись тем, что есть. Ведь в его распоряжении будут немецкие офицеры и немецкие солдаты. Восемьдесят четыре немецких десантника, вооруженных легким стрелковым оружием, захватили и разоружили форт Эбен-Эмаэль, защищаемый гарнизоном более чем в тысячу человек. Неужели он не справится с толпой в три сотни русских солдат, уже почувствовавших на своей шкуре мощь немецкого оружия?.. — Хорошо дядя, я справлюсь.

— Вот и отлично, мальчик мой, и не подведи меня. Мне сейчас совсем не до этих пленных.

— Конечно, дядя, — покорно согласился Курт, с ужасом понимая, что его психологический тренинг не принес результатов, на которые он рассчитывал. И что, несмотря на все усилия, в его голове, которую дядя столь ценил, уже появилось и окрепло понимание того, что катастрофы уже не избежать.

Он тупо посмотрел на трубку, в которой вместо голоса дяди возникли короткие гудки, а затем треск, и осторожно положил ее на рычаг. Что ж, как говорится: что тебе дано — то и пошлетя. К тому же главной для него самого все равно оставалась другая задача. Вернуть Вилору. И ему еще предстояло придумать, как вытащить ее из закручивающейся кровавой круговерти целой и невредимой...

Сегодня Вилора проснулась рано. Ночью шел дождь, и плащ-палатка, растянутая на ветвях, под которой был устроен ее лежак, промокла. Поэтому Вилора проснулась оттого, что ей на лицо упала крупная капля, просочившаяся сквозь ткань. Несколько мгновений она сонно крутила головой, не понимая, откуда это на нее капнуло, а потом подняла голову и заметила, что там, где собравшаяся на плащ-палатке вода оттянула вниз грубую ткань, начала собираться новая капля. Вилора несколько мгновений наблюдала за этим процессом, а потом вздохнула и вылезла из-под шинели.

Дождь уже кончился, но лес был еще переполнен водой. Капли падали с деревьев, создавая впечатление, что дождь еще идет, и даже на полянках, в стороне от напитанных водой крон, в воздухе висела мелкая морось.

Вилора вытащила из-под второй плащ-палатки, лежавшей поверх подушки из лапника, портянки, ловко намотала их и сунула ноги в сапоги. Левый сапог, стоявший слишком близко к краю плащ-палатки, оказался мокрым внутри, и Вилора тихонько ругнулась про себя. Но делать было нечего. Она выбралась из-под плащ-палатки и, взяв ее за край, плавным движением задрала его вверх. Скопившаяся в середине вода с шумом выплеснулась наружу. Когда-то давно, когда это случилось в первый раз, Вилора поленилась вылезать и просто ткнула рукой вверх, натягивая плащ-палатку, чтобы скопившаяся вода быстрее вылилась во все стороны. А потом всю ночь пыталась, меняя позы, как-то уклониться от настоящего ручья, лившегося из того места, где она коснулась ткани плащ-палатки с внутренней стороны. Больше подобных ошибок она не совершала.

Уже рассвело. Вилора залезла было обратно, надеясь еще подремать, но сон ушел. И она просто лежала, положив руку под щеку, и смотрела куда-то, а в голову лезли всякие мысли.

Они с Малышевым торчали на этом лесном складе уже больше двух недель. Вдвоем. Сначала Вилора довольно активно занималась младшим сержантом, которому требовались регулярные перевязки и иглоукалывание. Она просто поражалась тому, какие результаты производит эта экзотическая процедура. Нет, хирургию она, конечно, заменить не может... Или может? С этим Вилора пока еще точно не определилась. Потому что, скажем, анестезию эти несколько устрашающе выглядящие деревянные иглы, как выяснилось, заменяли очень неплохо.

Малышев получил две пули — в бедро и брюшную полость — во

время налета на немецкий штаб, первой боевой операции, свидетелем которой стала Вилора. Потому что во время нападения на маршевую колонну и склады командир велел ей сидеть в лесу и не высовываться. И если ранение бедра было вполне безопасным, то пуля, вошедшая в брюшную полость, дел наделала. Малышева вынесли из боя на руках, а потом уложили на носилки. Вилора сделала первую перевязку и доложила командиру, что раненому показана срочная операция. Хотя как и где ее делать?... Инструментов у Вилоры было не так много — только то, что она засунула в свою санитарную сумку еще там, в медсанбате. А она вовсе не собиралась делать никаких операций, хотя несколько скальпелей и зажимов отчего-то все-таки прихватила. Но главное, не было никакой анестезии, а без нее оперировать такую рану было совершенно невозможно. О чем Вилора, едва ли не всхлипывая, и сообщила капитану Куницыну. Тот только молча кивнул и приказал начать движение. Им еще надо было оторваться от преследования.

Часа через два, когда стало ясно, что отвлекающий маневр десяти бойцов во главе со старшим сержантом Головатюком сработал и немцы ушли за отвлекающей группой, потеряв основную, командир отдал команду прекратить движение и повернулся к Вилоре:

— Что нужно для операции? — и тут же уточнил: — Кроме анестезии?

— Нужно простерилизовать инструменты и нитки, нужны марлевые маски, потом ватные тампоны, еще свет, и... ассистент, то есть хирургическая сестра. Одной мне будет очень...

— Гарбуз, костер, быстро! Вернее, давай сразу три. Горячей воды нам потребуется много, — скомандовал Куницын, а затем снова развернулся к девушке. — Ассистировать буду я. Я же и обеспечу анестезию. Марлевые маски сделаем, просто обмотав лицо бинтами, их у нас много. Ватные тампоны также придется заменять сделанными из бинтов. Свет... обойдемся тем, что есть, а местное освещение обеспечим фонарями. Еще что нужно?

Вилора ошарашенно смотрела на него. Нет, при некотором размышлении все, что он назвал, вполне (ну с некоторой натяжкой, вызванной полевыми условиями) заменяло привычные предметы, а под фонарями она уже оперировала, но ей отчего-то ничего такого в голову не приходило. А ведь она специалист-медик! И как он собирается обеспечить анестезию?

Оказалось, с помощью все того же иглоукалывания.

Едва Малышева положили на чистую плащ-палатку и капитан Куницын с изумившей ее сноровкой подготовил операционное поле,

продезинфицировав и изолировав стерильными бинтами, в его руках вновь появились уже ставшие почти привычными иглы. Чуть размяв пальцы, Куницын тихо произнес:

— Малышев, я сейчас начну втыкать тебе иглы несколько в другие точки. Больно не будет, а вот страшно — возможно. Поэтому первый вопрос: ты мне доверяешь?

— Так точно, товарищ капитан.

— Уверен?

Малышев выкатил глаза.

— Да больше, чем родному отцу, товарищ капитан. Вы столько для нас...

— Стоп, похвалы — потом. Главное — помни, что ты мне доверяешь, и не поддавайся страху. Понятно?

— Так точно!

— Вот и молодец, Толя, — непривычно ласково отозвался командир. — А теперь я начинаю. Постарайся не дергаться и не двигать головой.

С этими словами капитан Куницын оттянул ему левое веко и загнал двадцатисантиметровую иглу в угол глаза почти на всю длину. Всем, кто стоял рядом, одновременно поплохело. Даже Вилоре, хотя она, как медик, казалось бы, всего насмотрелась. Сам Малышев держался молодцом, только когда игла входила ему в глаз, не выдержал и попытался инстинктивно отвернуть голову. Но командир был начеку и мягко, но непреклонно придержал его голову за затылок. Затем капитан Куницын вогнал еще несколько игл, а потом спросил:

— Ну как ощущения?

Малышев облизал губы и хрипло ответил:

— Сейчас — ничего. Как и обычно, когда иглы втыкали, а поначалу жутковато было, товарищ капитан.

— А ноги чувствуешь? Пошевелить ими можешь?

Малышев замер, а затем удивленно произнес:

— Нет. Ничего не чувствую! То есть все, что ниже шеи, как отмерло.

— Типун тебе на язык, — усмехнулся командир и повернулся к Вилоре. — Все, анестезия действует, больной готов к операции.

Быстро замотали лица бинтами, и Вилора сделала первый надрез...

Операция прошла на редкость успешно. Капитан Куницын оказался великолепным ассистентом. Зажим, тампон и скальпель оказывались в руках Вилоры еще до того, как она успевала их назвать. Правда, пару раз он не угадал, но много позже, анализируя операцию, она с удивлением

обнаружила, что, пожалуй, использование того предмета, который подавал капитан, в тот момент оказалось бы более разумным. Ну или как минимум не менее обоснованным, чем заказала она.

Операцию Вилора провела за сорок минут. Чтобы не делать двух разрезов, пулю из бедра также извлекла через брюшину, тем более что, несмотря на два входных канала, в теле обе пули оказались в нескольких сантиметрах друг от друга. Когда она сделала последний стежок и облегченно разогнулась, командир осторожно отодвинул ее, аккуратно стянул с рук резиновые перчатки (их они на складе набрали несколько упаковок, но в сумку она сунула только три пары) и... осторожно наложил руки на только что сделанный шов. Вилора едва не вскрикнула. Это нарушало все каноны, согласно которым ее учили. Голыми руками на свежий шов? Да профессор Таунберг за такое руки бы отрубил!.. Но все-таки сдержалась. В конце концов, этот капитан Куницын сам по себе был сплошным нарушением всех мыслимых правил и канонов, в соответствии с которыми строилась вся привычная жизнь. Так, может, и здесь он знал и умел что-то, что, вопреки этим канонам, серьезно поспособствовало бы лечению. Хотя... от лечения наложением рук сильно пахло духом религии, которая, как Вилора точно знала, «сплошной обман и опиум для народа».

Спустя десять минут командир оторвался от раны и, утерев непонятно отчего выступивший на лбу пот (до сих пор никто и никогда не видел его вспотевшим), быстро вытащил иголки. Малышев тут же обеспокоенно задвигал руками и ногами, убеждаясь, что они снова ему подчиняются, и отряд снова тронулся в путь. Малышева при этом продолжали нести на носилках, но он уже не постанывал, как раньше, а почти мгновенно уснул.

К обеду следующего дня вышли к лесному складу, где командир поручил ей отобрать медикаменты и сформировать пару санитарных сумок на тот случай, если будет необходимо оказать первую медицинскую помощь. Вилора не слишком поняла, зачем им несколько сумок, но приказание выполнила беспрекословно.

— Вот что, Малышев, — сказал наутро командир, — с собой мы тебя не возьмем. Предстоит много двигаться, а в этом ты нам пока не соратник. Поэтому оставляю тебя с доктором здесь...

— Как это с доктором? — вскинулась Вилора. — Товарищ командир! Как это с доктором?! Это что же получается...

— Отставить разговоры, — усмехнулся Куницын и покачал головой. — Ух, какой у нас сердитый лейтенант, оказывается!

— Сердитый не сердитый, — вздернула подбородок Вилора, — а

планировать операцию без медицинского обеспечения — это, товарищ командир...

— Вот для этого я и просил вас, товарищ лейтенант, подготовить санитарные сумки. А сейчас еще попрошу провести тщательный практический инструктаж с рядовыми Коблевым и Мирошниченко. И на этом обсуждение моих приказов, я думаю, закончим.

Последнюю фразу он произнес знакомым непреклонным тоном, после которого даже такие лихие парни, как Кабан, и такие крутые могучие мужики, как старший сержант Головатюк или старшина Гарбуз, срывались с места и будто наскипидаренные мчались исполнять приказание. Но Вилора упрямо тряхнула челкой и пробурчала себе под нос:

— А я все равно не согласна, — что, впрочем, ничего не изменило.

И с того самого момента они с Малышевым на пару ковали на лесном складе...

Повалявшись еще полчаса, Вилора выбралась из-под плащ-палатки и отправилась разжигать костер. Сухие дрова были заготовлены заранее, еще когда они сооружали склад, и укрыты под брезентом. Тем более что Вилора постоянно пополняла их запас, поскольку больше делать здесь было особенно нечего.

Малышев поднялся довольно быстро. Уже на третий день после ухода отряда он встал на ноги и начал потихоньку, от дерева к дереву, от одного штабеля ящиков до другого, ковылять по складу. А через неделю заявил, что командир поставил ему индивидуальную задачу. Ну пока Вилора инструктировала санитаров.

От его «задачи» девушка поначалу пришла в ужас. Не говоря уж о том, что таскать тяжести, когда после операции прошло всего ничего, просто недопустимо — швы же разойдутся! — сама задача выглядела полным абсурдом. Ну скажите на милость, зачем кидать в костер артиллерийские снаряды? Им что, взрывов здесь не хватало? Но Малышев был непреклонен. Командир сказал — и точка! Вилоре удалось настоять только на том, что таскать снаряды на полянку в сотне метров от границы склада, на которой Малышев собирался в целях безопасности разводить свою химию, она будет сама. А потом оставалось только напряженно ждать, не раздастся ли там, куда она отволокла гаубичные снаряды, взрыв.

Однако мало-помалу процесс пошел, а взрывов как-то все не было. И вскоре она рискнула появиться на полянке, где колдовал Малышев. Как выяснилось, вопреки опасениям Вилоры начинка снарядов действительно не взрывалась от нагревания, а просто плавилась, как воск или пластилин. И Малышев сливал расплавленную начинку в пустые цинки из-под

патронов через отверстие вывернутого заранее взрывателя. Отчего они остывали красивыми длинными брусками, с закругленными краями, похожими на неразрезанные куски мыла. К тому же, причем Вилора поймала себя на том, что уже этому как-то и не удивляется, рана у Малышева заживала просто с ошеломляющей быстротой. Так что еще через пару дней он принялся сам таскать снаряды и запретил «товарищу лейтенанту» в целях, как он выразился, обеспечения безопасности появляться вблизи своей полянки. Милостиво разрешив снабжать его почти алхимическую в ее глазах мастерскую дровами. Но только тогда, когда он уже заканчивал процесс. Поэтому всех забот у Вилоры осталось лишь кормить своего единственного выздоравливающего, ну и себя заодно, да собирать дрова. Малышев проснулся, когда вода закипела.

— Доброе утро, товарищ лейтенант, — бодро поприветствовал он Вилору. — А у меня уже ничего не болит. Когда швы снимать будем?

Подобный вопрос он задавал уже третий день подряд. И судя по состоянию швов, он вполне имел право на существование. Но Вилора пока опасалась это делать. Мало ли как оно выглядит, по всем медицинским учебникам еще рано. Так что пусть походит еще пару дней. Вон какие нагрузки у парня. Хуже ему от этого точно не будет.

— Доброе утро, Малышев. Чем будешь завтракать?

— Ну-у, — Малышев глубокомысленно задумался, — скажем, гречку. — И оба рассмеялись. Меню у них было совершенно стандартным. На завтрак — гречка, на обед — гороховая похлебка, а на ужин — перловка. Слава богу, сливочного масла в килограммовых запаянных банках было вдоволь, так что на нем не экономили.

— Как думаете, товарищ лейтенант, а скоро наши вернутся? — задумчиво поинтересовался Малышев, выскребая из котелка остатки каши.

Вилора, еще только ополовинившая свою порцию, прекратила есть и задумчиво вздохнула.

— Не знаю. Хотелось бы, чтобы побыстрее. Устала уже ничего не делать.

— Вот и мне настоящего дела хочется, — поддакнул Малышев. — Фашистов бить хочу! А то сидим тут в глуши, как бирюки... — И он досадливо махнул рукой.

А Вилора снова склонилась над котелком. Нет, ей тоже хотелось настоящего дела, но главной причиной того, что она ждала возвращения отряда, было желание снова увидеть командира. Капитана Куницына.

Он... был необычен. Нет, это совершенно не то слово, которое она должна была бы использовать!.. Вот черт, она даже не могла точно сказать,

сколько ему лет. На первый взгляд, если просто смотреть на лицо и тело, капитан казался ненамного старше ее. На год, два, ну на пять максимум! Но когда подумаешь, сколько он знает и умеет, и как управляется с людьми, и как буквально все, от младшего политрука Иванюшина до лихого Шабарина-Кабана, смотрят ему в рот, едва только он открывает его, чтобы отдать приказ... Как такой молодой человек мог всему этому научиться?

Вилора невольно, безотчетно сравнивала его с другими парнями, с которыми ее сводила жизнь. С Темой Гогоберидзе, сыном сослуживца отца, который ухаживал за ней в десятом классе. С Панкратовым, молодым преподавателем из института, который явно неровно к ней дышал. С товарищем Николаем, которого она так любила и от которого в ее душе остались только боль и... брезгливость. И с Костей, который, как и капитан Куницын, был офицером, но... почти ничем не был на него похож.

Даже форма на них сидела по-разному. То есть Вилора считала, что на Косте она сидит очень лихо... до тех пор, пока не увидела форму на капитане. Он был не просто выше их всех, он был другим, совсем другим...

Единственное сравнение, которое приходило Вилоре в голову, это рыцарь Айвенго из романа английского писателя Вальтера Скотта. Да и то оно казалось ей натянутым. Потому что, будь капитан Куницын на месте Айвенго, все эти Реджинальды фон де Бефы и Брианы де Буальгиберы уже на двадцатой странице валялись бы в грязи, глотая слезы или захлебываясь кровью. Причем это произошло бы, даже если в руках у капитана не было бы его верного «дегтяря». Но все равно отчего-то в ее ощущениях Куницын сильнее всего ассоциировался именно с таким вот книжным рыцарем. Которых, как она точно знала из школьного курса истории, на самом деле никогда и не было. Или все-таки были? И капитан Куницын, будто принц на белом коне, явился из некоего заповедника, где каким-то образом до сих пор выращивают вот таких рыцарей без страха и упрека. Только с пулеметом в руках...

А еще Вилора с некоторым удивлением ловила себя на том, что капитан вызывает у нее некоторый страх. Она не понимала его причины и потому очень досадовала, обзывая себя глупой курицей, но... ничего не могла с собой поделать. Он был настолько непонятен и отличен от других, что в его присутствии она чаще всего терялась и все больше молчала. И это она-то, считавшаяся одной из самых бойких и активных комсомолок курса.

А еще капитан начал ей сниться... И ладно бы как-то прилично. Так нет же, в ее снах он почему-то не командовал людьми и не стрелял из своего неизменного «дегтяря», а... смотрел на нее. Причем совершенно не теми взглядами, которые она действительно у него видела. Ну как Тема

Гогоберидзе. И еще он касался ее — руками, плечом, — а она с замиранием сердца прижималась щекой к его крепкой груди.

Она видела ее всего один раз, когда капитан переодевался в чистое исподнее, перед операцией Малышева. Вернее, два. Потому что потом он переодевался. На самом деле его тело (ну в той части, которую она увидела) не было каким-то сверхъестественным, просто хорошо развитая мужская фигура, мускулистая и без капли лишнего жира. У того же товарища Николая фигура была даже более развитой. Но когда Вилора вспоминала капитана, ее охватывала дрожь.

А еще он говорил ей во сне какие-то слова. Самих слов она не помнила, только ощущение того, что она летит, летит, летит... И это уже вообще ни в какие ворота не лезло! Идет война, а она, будто мешчанка какая-то, вздумала втрескаться в своего командира. Тем более что он не дал ей для этого ни малейшего повода. Скорее уж Кабан сделал несколько очень прозрачных намеков. Не переходящих, впрочем, границ. Да и тот, стоило командиру бросить неодобрительный взгляд в его сторону после одной легкой двусмысленности, мгновенно прекратил всякие намеки.

Вообще Вилора не совсем понимала, как так получилось, но она оказалась в чисто мужском коллективе, будто в некой хрустальной капсуле. Никто никак и нигде!.. Вон и Малышев, вроде как молодой парень, и они с ним вдвоем наедине уже столько времени, а ни намека! Даже где-то обидно...

— Слушай, Малышев, а я тебе нравлюсь? — внезапно спросила. — Ну как женщина?

Малышев, уже подпоясавшийся ремнем и примеряющийся к очередному снаряду, замер. Потом глуповато улыбнулся.

— Ну конечно, товарищ лейтенант.

— Так чего ж ты даже ни одного комплимента мне не сказал, — сердито буркнула Вилора, сердясь, правда, скорее на себя саму за то, что затеяла весь этот разговор.

— Так если вам надо, то хоть десять, товарищ лейтенант, — расплылся в улыбке Малышев.

— А сам?

Улыбка парня стала виноватой.

— Так это... командир бы не одобрил... я так думаю.

— Он что, тебе сказал?

Малышев смутился.

— Ну нет, только... он же, ну в общем... ну когда товарищ Шабарин насчет вас тогда... ну вот я и думаю. То есть если вам, конечно, надо, то я

завсегда, вот только товарищ командир... — И он замолчал, окончательно сбившись с мысли.

Вилора вздохнула.

— Ладно, иди, занимайся. Это я так, пошутила, — махнула ему рукой, — а швы вечером снимем.

— Вот спасибо, товарищ лейтенант! — обрадовался Малышев и, подхватив очередной снаряд, двинулся в сторону своей полянки.

Покончив с завтраком, Вилора согрела воды и помыла посуду. А ее голова все это время была занята вопросом, как можно за столь короткий срок (Малышев был из той партии пленных, которую они отбили под Березой-Картузской) добиться, чтобы люди не только беспрекословно исполняли твои приказания, но и... опасались сделать нечто, что, как им кажется, ты мог бы не одобрить! Причем все время, что она была с отрядом, капитан никого не запугивал, не расстреливал и даже практически не наказывал. Да и не сказать, что прямо приказывал так уж часто. Есть командиры, которые даже покурить не разрешают, а приказывают. А Куницын многие распоряжения не отдавал, а скорее просто озвучивал: что, по его мнению, надо сделать. И всегда выдержанным, спокойным тоном. А вот оно как все повернулось. И ведь Малышев не один так думает. Все, абсолютно все...

И эта, внезапно обнаруженная и осознанная Вилорой странная власть над людьми добавила еще толику в копилку ее страха...

Весь сухостой в радиусе двухсот метров от склада она уже собрала, и теперь за дровами приходилось ходить намного дальше. Хотя сегодня можно было бы и не ходить, поскольку ни одной сухой щепки после такого дождя в лесу не осталось. Но делать все равно было абсолютно нечего. Поэтому, закончив с мойкой посуды, Вилора собралась, переобула мокрую портянку и двинулась в лес.

С дровами все оказалось в соответствии с ее предположениями. Так что, набрав небольшую вязанку из более-менее крупных веток, которые внутри должны были оставаться сухими, она двинулась обратно.

До склада оставалось около сотни метров, когда она услышала удивленный возглас:

— Ты гля... баба!

Вилора резко развернулась. У высокого дерева, на краю полянки, стояли двое... немцев? Во всяком случае, выглядели они как немцы. В немецкой форме, сапогах с короткими голенищами, только с русскими винтовками в руках.

— И в форме, — констатировал другой и настороженно покосился по

сторонам.

А Вилора лихорадочно соображала. Склад рядом. Бежать туда? А если они не одни? Значит, навести этих... немецких прихвостней на склад? Стрелять (пистолет был у нее в кобуре на поясе) тоже нельзя. Выстрелы услышит Малышев и тут же бросится ей на помощь, а ну как этих действительно много? Тогда в плен попадут они оба. Все это мгновенно пронеслось в голове девушки, и она, резко развернувшись, швырнула на землю вязанку дров и бросилась бежать в сторону, противоположенную складу.

— Стой! Мыкола, лови ее!

Сзади забухали сапоги. Вилора неслась не разбирая дороги, но сапоги вроде как приближались. Может, вытащить пистолет и начать стрелять? Если они не одни — надо непременно подать сигнал Малышеву... Нет, еще рано. Он еще может рвануть за ней.

— Ату ее, ату! — радостно взвизгнул голос сзади и громко загоготал.

Вот теперь пора! Вилора вырвала пистолет из кобуры, резко развернулась, чтобы не тратить зря пулю... и кувырком полетела на мокрый дерн от удара в лицо тяжелым прикладом трехлинейки. Пилотка слетела с головы, а волосы, заплетенные в небрежную косу, рассыпались по плечам.

— Ты смотри, симпатичная... — донеслось до Вилоры будто сквозь вату. Удар был очень силен, и в голове сейчас все плыло.

Она шевельнула рукой.

— Ты пистолетик-то брось, — посоветовал ей тот же голос.

А в следующее мгновение она почувствовала, как кто-то наступил ей сапогом на руку.

— Мыкола, я вот что думаю...

— Та отожд! — И два голоса снова заржали.

Вилора почувствовала, как заскорузлые и явно привычные к крестьянской работе пальцы хватают ее за ворот и... резким движением разрывают на ней гимнастерку. Вилора судорожно дернулась, распахнула глаза и... уткнулась в глумливый взгляд.

— Ты, девка, не бойсь. Ничего такого страшного с тобой не будет, — сообщил ей мерзавец в фашистской форме, хватаясь уже за воротник нижней рубахи. — Одна приятность... — Он резким движением разорвал на ней и нижнюю рубаху, обнажив грудь и живот.

— О-о! Ты гля...

Она вскинула свободную руку, пытаясь прикрыться, но этот урод глумливо усмехнулся и... замер.

— Руки убери, — раздался сзади негромкий голос. У Вилоры аж мурашки побежали по спине, когда она его услышала. Это был... ОН.

— Мыкола, — придушенно прошептал урод, буквально повиснув на лезвии ножа, уткнувшегося ему в горло.

Но сбоку послышался голос сержанта Коновалова:

— Мыкола оказался более понятливым хлопцем...

Вилора торопливо запахла разорванную гимнастерку, собирая себя в кучу после всего, что произошло, но главное, из-за того, что вернулся ОН, вскочила на ноги и заговорила:

— Товарищ капитан, я... они перехватили меня на подходе к складу. Я пыталась их увести. Там могут быть еще, а Малышев... он...

Куницын понимающе кивнул и спокойно задал вопрос:

— Сколько вас?

Вилора перевела взгляд на мерзавцев. Оба стояли на коленях с ножами, приставленными к горлу.

— Ну?!

— Одни мы... — придушенно произнес тот, который порвал на ней гимнастерку, — заставили нас...

— Об этом поговорим позже. — Командир на мгновение замер, прищутив глаза и даже не вслушиваясь, а как-то ощущая окружающее пространство, затем усмехнулся и приказал: — Коновалов, дай команду продолжать движение.

Спустя пару мгновений из-за деревьев показалось несколько незнакомых солдат, потом еще, еще... да сколько же их! Вилора изумленно распахнула глаза, позабыв, что стоит в разорванной гимнастерке. А солдаты все выскакивали и выскакивали из-за деревьев, сразу же переходя на бег. И лишь время от времени мелькали знакомые лица. Вот только что мимо пробежал Каба... то есть рядовой Шабарин. Он радостно улыбнулся ей и показал большой палец. И от этого, несмотря на все что с ней случилось, Вилора вдруг почувствовала, как на сердце становится тепло. Они вернулись. И ОН тоже.

Остаток дня прошел в лихорадочной суете. Вилора даже слегка ошалела от такого количества людей, деловито разбирающих пирамиды ящиков, достающих из них оружие, щелкающих затворами, вгоняющих в приемники магазины, от приглушенных, постоянно раздающихся команд, требующих снарядить, получить, построиться... Это после нескольких недель тишины и одиночества на пару с Малышевым!

Откуда взялись все эти люди, Вилоре сообщил тот же Малышев, успевший перекинуться словами кое с кем из «старичков», но по привычке

державшийся поблизости от нее. Тем более что, как выяснилось, командир определил его к Вилоре, в медицинскую секцию. И велел ей подобрать еще пару человек поздоровее. Поскольку таскать все медицинские принадлежности и запас медикаментов предполагалось на своем горбу. Как и будущих раненых. А также Вилоре предписывалось проинструктировать санинструкторов и санитаров из нижестоящих подразделений. И продумать программу их подготовки.

— Время наступает горячее, лейтенант, — сообщил командир, когда она, поменяв порванную гимнастерку, подошла к нему для более полного доклада, — и пациентов у тебя скоро будет много. Скучать не придется. Но ни одного из тех, кого медицина может вытянуть, я потерять не хочу. И за это ты, Вилора, отвечаешь лично.

И оттого, что ОН впервые назвал ее по имени, у Вилоры как-то сразу потеплело на сердце. А затем она с поразившим ее изумлением почувствовала, что... страшно соскучилась. И готова вот так, при всех, обнять этого удивительного парня. Но вместо этого состроила серьезное лицо и четко козырнула: «Слушаюсь, товарищ командир!» — после чего отвернулась и, как ей показалось, с крайне независимым видом двинулась в сторону ящиков с медикаментами и медицинским имуществом... И едва не полетела кубарем из-за того, что не заметила пустой ящик, валявшийся прямо посреди дороги. Удержалась на ногах только потому, что командир внезапно оказался рядом (да он же всегда оказывается рядом, когда это нужно! Вот ведь удивительно!) и подхватил ее под руку. Более дурацкого положения и придумать невозможно!

Так что к своим ящикам Вилора вернулась разъяренная на саму себя... и на весь мир в придачу.

А вечером Малышев рассказал ей интересные вещи про тех уродов, на которых она наткнулась. Их уже успели допросить и... ну не возиться же с ними в конце концов. Они сами избрали свою судьбу, когда согласились надеть форму врага и пойти к нему на службу. Оказывается, немцы наконец-то опомнились и буквально пару дней назад развернули настоящую охоту на сбежавших военнопленных. По лесным дорогам, между деревнями и хуторами металась мотоциклисты. А еще они мобилизовали местных во вспомогательные отряды полиции и объявили о крупной денежной награде тем, кто обнаружит, где скрываются беглецы. Вот эти два дурня и поперлись, как они говорили, «пошукать насчет грошей».

Впрочем, оба Вилору теперь совершенно не волновали. А вот что ее действительно волнует, показала ночь. Синяк от удара прикладом сильно

болел, так что заснула она поздно. А когда заснула... Утром она долго умывалась, чтобы успокоиться и холодной водой убрать с лица румянец, который заливал лицо всякий раз, когда она вспоминала свой сон. Ну просто какая-то озабоченная. Позор! И это комсомолка называется?!

После завтрака, который на этот раз, к счастью, готовила уже не Вилора (на столько-то людей!), к ней на занятия прибыли санинструкторы и санитары. И Вилора со стыдом вспомнила, что так вчера и не подобрала никого в команду. И выругала себя. Как всякие непотребные сны смотреть, так первая, а как до дела, так... На ее счастье, ей опять помог Малышев. Оказывается, она вчера рассказала ему об этом распоряжении, просто рассказала, ничего не требуя и не ставя никаких задач. И пока она разбиралась со своими чувствами, успокаиваясь после дурацкой ситуации с ящиком, Малышев быстренько поговорил со старшиной Гарбузом и Головатюком, который теперь исполнял обязанности командира первой роты. Так что пара-тройка кандидатов нашлась, и Вилоре оставалось только назвать эти фамилии командиру, для того чтобы получить их в свое распоряжение.

К капитану она подходила медленно, на заплетающихся ногах и изо всех сил борясь с предательским румянцем.

— Да, слушаю, — отозвался он, отрываясь от карт, которые напряженно рассматривал, и поднял на нее глаза.

Вилора почувствовала, что у нее подгибаются ноги. Да что же это с ней такое?! Мямля! Размазня!..

— Товарищ командир, мне для медицинской секции нужны рядовые... — Она с трудом закончила разговор и тут же бросилась обратно. Причем не к себе, а все к тому же ручью, в котором освежила свои алые щеки утром. Даже не заметив, что командир проводил ее внимательным взглядом, а затем задумчиво потер подбородок...

Через два дня, за которые суматоха среди ящиков улеглась, сместившись в окрестный лес, где группы вооруженных людей все время то перебегали от дерева к дереву, то утюжили лесную почву собственными животами, локтями и коленями, капитан собрал то, что он назвал оперативным совещанием. Вилора как начальник службы медицинского обеспечения также оказалась в числе приглашенных.

— Товарищи... — начал Куницын, выслушав доклады, а скорее жалобы всех присутствующих на то, что им катастрофически не хватает времени. И что им действительно необходимо еще два, три, четыре дня, неделю, чтобы... — Товарищи, времени у нас нет. Из допросов пленных выяснились интересные подробности. Похоже, у немцев появилась какая-то

светлая голова, которая нас вычислила. Поэтому сейчас за нами разворачивается широкомасштабная охота. А поскольку вчера мы взяли еще двоих из состава их полицейских вспомогательных сил, отправившихся разузнать, куда пропала предыдущая пара, я предполагаю, что примерное наше местонахождение им известно.

— Откуда же, товарищ командир? — удивился кто-то. — Мы же их перехватили. Никто ничего не успел доложить.

— Ну представь себе, что ты рассылаешь патрули по ключевым точкам. И все возвращаются и докладывают, что никого не обнаружено. А с одной точки — ни докладов, ни патрулей. Что следует предположить?

— Так они ж сами поперлись, никто их не рассылал.

— И пропали. Ты думаешь, их командиры настолько тупы, что не доложат о пропаже сразу двух пар охотников за вознаграждением, отправившихся в один и тот же лес?

И все почувствовали, как над их головами будто что-то сгустилось.

— Я думаю, только низкая облачность пока препятствует тому, что над этим лесом не кружат самолеты.

— Ну и что? — отозвался кто-то. — Пусть приходят. Давно ждем. Уже руки чешутся.

— Несомненно. Только я предпочитаю разыгрывать бой по своим правилам и в том месте, какое сам выберу и подготовлю, а не там, где мне его навяжет противник. К тому же, и это также должно будет стать для вас правилом, вы должны научиться думать не только о том, как выиграть предстоящий бой, но и о том, как ситуация будет складываться после боя. — Капитан сделал паузу и обвел всех внимательным взглядом.

И все, кто сидел вокруг костра, поняли, что все эти заморочки с бирюльками, с иглами, с кроссами и всякими другими упражнениями были еще цветочками. Во всяком случае, для них. А теперь он будет делать из них нечто совсем уж запредельное...

— Я наметил несколько объектов, уничтожение которых доставило бы немцам крайне много неприятностей. И один из них находится не так далеко отсюда. А если в этом районе будут сосредоточены крупные силы, что уже, я не сомневаюсь, происходит, то, пока мы с ними не разберемся, — заняться этим объектом мы не сможем. Причем, как я уже упомянул, таких объектов у меня намечено несколько. Поэтому нам не только необходимо уничтожить или хотя бы рассеять те силы, что сосредоточены против нас...

— Почему это рассеять? Уничтожить, и точка! — загорячился Римозов.

Командир замолчал и неодобрительно покачал головой. Римозов

покраснел.

— Виноват...

— Уничтожить или хотя бы рассеять, — вновь повторил капитан, — потому что если полное уничтожение противника будет означать для нас те потери, которые я посчитаю неадекватными, я... дам ему уйти. Это понятно?

Все несколько озадаченно закивали. Они были воспитаны несколько в другом ключе: «Беспощадно!», «До полного уничтожения!», «Не щадя себя!», «Ценой собственной жизни!»...

— Мне нужна победа, — четко и громко, будто программируя их, произнес Куницын, — но не любой ценой, а лишь той, на которую я соглашусь. Каждый из вас для меня более ценен, чем сотня немецких солдат. Поэтому я приказываю всем: беречь людей! Вы — командиры. Ваша задача не спать ночами, ломая голову над картой, считая на пальцах, колотясь башкой о березу, но в конце концов придумать, как достигнуть выполнения имеющейся задачи с минимальными потерями. А не бросать людей голой грудью на пулеметы. Понятно?

— Так точно... — отозвался круг.

— Итак, как я уже сказал, наша задача состоит в том, чтобы, во-первых, уничтожить или рассеять сосредоточенные против нас силы, во-вторых, уничтожить намеченные мной объекты и, в-третьих, создать у противника впечатление, что после всего, что мы сделаем, мы направимся совершенно в другую сторону, чем это будет на самом деле. Заставить его ловить нас там, где нас не будет, сосредотачивать силы для перехвата там, где мы не появимся. А там, где мы появимся, создать пустоту. Ведь ни у одного командира никогда не бывает так, чтобы у него всего было вдосталь: сил, оружия, времени... Вот и мы должны в первую очередь не столько убивать немецких солдат, хотя и это тоже, сколько заставлять немцев ошибаться, терять время, бить в пустоту. Тогда наш батальон станет для немцев страшнее танкового корпуса. Понятно, что я имел в виду, когда говорил о том, что вы должны думать о ситуации, которая сложится после боя?

И все снова отозвались:

— Так точно.

— Тогда слушайте боевой приказ...

— Подписывайте!

Капитан госбезопасности Бушманов пододвинул сидящему напротив него человеку в гимнастерке со знаками различия комбрига в петлицах протокол допроса. Тот несколько мгновений тупо пялился на капитана заплывшим глазом, а затем напрягся, как будто даже сказать слово для него теперь представляло некоторые трудности (впрочем, похоже, так оно и было), и прохрипел:

— Хрена...

Бушманов презрительно оттопырил нижнюю губу. Вот ведь упрямец. Все равно же подпишет, а хорохорится. Ну да раз просит...

— Журбин, Ющенко... — коротко бросил он, кивнув на сидящего перед ним, а сам отвернулся, доставая из кармана пачку «Казбека».

В следующее мгновение комбрига сбросило с табурета хлестким ударом в скулу. Бушманов, не торопясь, достал папиросу, прикурил и выпустил в потолок струю дыма...

Этот подследственный оказался крепким орешком. Вообще за последние пару лет качество «материала» явно изменилось. Еще года три-четыре назад работать с подследственными было одно удовольствие. Интеллигентные, образованные люди, привыкшие к повиновению и даже некоторому подбострастию со стороны окружающих, очень быстро ломались, попав в руки профессионалов своего дела. Они пытались нести какую-то пафосную чушь, пытались убедить следователя в чем-то таком непонятном. Мол, что они, как и прежде, преданы делу революции, что их задержание — страшная ошибка, которая нанесет советскому государству непоправимый ущерб, что все обвинения, выдвинутые против них, полная чушь, потому что им и нужды никакой не было становиться агентами польской, румынской или японской разведки. Не было, так чего становились-то? Но стоило применить к ним более жесткие меры, как они тут же переставали запыраться и покорно подписывали все, что уже было на них подготовлено в следственном отделе. Эти же... А свежий «материал» вообще отличался крайней тупостью и упрямством. Ну как можно не признавать очевидное? Сдали Минск? Сдали. Значит, виноваты. Значит, продались фашистам. Ан нет, запирается, изворачивается, тыкает в глаза своими заслугами, орденами, ранами, своим пролетарским происхождением. Да кого это волнует?

— Флык...

Капитан Бушманов опустил глаза и с раздражением покосился на кровавый сгусток, шмякнувшийся прямо на стол на расстоянии ладони от протокола. В центре сгустка белел эмалью крупный обломок зуба.

— Ющенко, поосторожнее там, весь столъ изгадил... Испортишь протокол — в карцер отправлю. Вместо этого...

— Виноват, товарищ капитан... Х-хек!

Капитан снова затянулся сигаретой. В этот момент сверху послышался приглушенный грохот, а лампа, висящая под потолком, слегка закачалась. Ну вот, опять бомбежка. И все из-за того, что такие, как этот... Бушманов бросил на подследственного ненавидящий взгляд — предательски отступают, сдавая фашистам город за городом, деревню за деревней... И чего запирается-то, упрямец? Нет, не тот контингент, не тот. Возможно, дело было в том, что три-четыре года назад он все больше имел дело с бывшими. С недобитым офицерем, всякими там инженеришками, только притворяющимися, что приняли Советскую власть, а на самом деле везде и во всем пытающимися вредить. С господами революционерами, так кичащимися своим дореволюционным стажем в РСДРП, которые также дворянин на дворянине, а сейчас... Сейчас пошли мужики, рабочая кость, с детских лет пускавшая юшку соседским пацанам на рабочей окраине или выходившая стенка на стенку на Пасху против парней из соседской деревни. Эти упрямы еще те... хотя сволочь не меньшая! И гадят не меньше, как можно было бы ожидать, учитывая их происхождение, а куда больше. Ну как можно было так подвести товарища Сталина? А еще орали: «Малой кровью, на чужой территории...» Суки!..

— Ладно, хватит пока, — брезгливо бросил Бушманов, гася папиросу в уже и так переполненной пепельнице. — Посадите-ка его.

Подследственного подняли с пола и водрузили на табурет. Но едва отпустили, как он начал тут же заваливаться на бок. Так что Ющенко еле успел поймать его. Бушманов недовольно поморщился. Ну вот, перестарались... Что за идиоты? Когда он был еще в звании сержанта и занимался тем же, чем эти два полудурка, то никогда не допускал, чтобы подследственный терял сознание. Ну какой толк от подследственного в бессознательном состоянии? Он же даже ударов не чувствует.

— Журбин, освежи его.

Дюжий сержант молча подошел к баку с водой, стоящему в углу комнаты на табурете, и, наклонившись, нацедил из крантика полную кружку воды, после чего вернулся и выплеснул всю кружку в обезображенное лицо подследственного. Тот никак не отреагировал.

Бушманов зло дернул ворот. Ну вот, двухчасовая работа насмарку. А ведь он знал, просто печенкой чуял, что еще чуть-чуть и...

— Ну что, идиоты, допрыгались? — зло рыкнул он на подчиненных. — И что теперь делать?

— Виноваты, товарищ капитан, — испуганно забормотал Ющенко, а Журбин просто молчал и пялился на капитана.

Вот ведь идиот! Третий год служит, а до сих пор не научился уставу. Ни тебе «так точно» от него не услышишь, ни «никак нет». Но рука тяжелая. Подследственных обрабатывает — любо-дорого посмотреть. Если не увлечется, как сейчас. Ющенко — тот другое дело. На службе жопу рвет. А с другой стороны — с гнильцой. Давеча попался на том, что снятые у арестованных обручальные кольца не сдал, а прикарманил. Причем не первый раз на подобном попадаетеся. Надо бы накатать рапорт начальнику. Во избежание, так сказать...

Ведь то, что они работают в органах государственной безопасности, совершенно не означает, что здесь не может быть врагов. Враги, они не дремлют и порой пробираются на самый верх. Он сам, будучи еще сержантом и служа тогда в центральном аппарате, принимал участие в аресте польского и японского шпиона и врага народа товарища Агранова. Вернее, какого товарища... гражданина Агранова. В том, что тот точно был предателем и шпионом, нынешний капитан Бушманов совершенно не сомневался. Ну не может верный сын трудового народа, беззаветно преданный делу Ленина-Сталина, так жировать. У Агранова с квартиры вывезли вещей три грузовика. Одна опись заняла целую тетрадку... У самого капитана Бушманова в комнате, которую он получил от наркомата еще сержантом, из вещей были только стол, два стула, железная кровать и полка с книгами, среди которых почетное место занимал «Краткий курс истории ВКП(б)» с многочисленными закладками. А из предметов, которые можно было хоть как-то отнести к предметам роскоши, — электрическая настольная лампа с зеленым абажуром. Все с бирками и инвентарными номерами, поскольку были получены по наряду на складе наркомата.

Но подобный образ жизни отнюдь не был порождением какого-то страха или попыткой нарочито подчеркнуть свою беззаветную преданность делу революции. Бушманов действительно считал, что им, боевому отряду рабочего класса, на деле осуществляющему диктатуру пролетариата, надлежит жить именно так — держа в узде свои желания и даже в быту не давая себе никакой слабину. Потому что стоит только чуть поддаться и... ведь все те, кого он арестовывал, тоже когда-то были заслуженными людьми. И вроде как беззаветно служили делу Ленина-Сталина. Ан нет!

Дали себе слабину, начали обрастать мещанскими желаниями. А враг — он тут как тут, он не дремлет. И нате, пожалуйста, даже не заметили, как оказались на крючке у японской или польской разведки. И, разложившись окончательно, стали врагами того дела, которому раньше служили.

Капитан госбезопасности Бушманов был искренне убежден в том, что именно так все и происходило...

— Ладно, волоките его в камеру, — с досадой в голосе приказал он. — Пусть отлежится день-другой. На сегодня все. Свободны.

— Товарищ капитан, а давайте я тут трохи в камере приберу, — подал голос Ющенко, опасливо косясь на качающуюся лампу. Он панически боялся бомбежек. — Столик вон протереть надо...

Едва только Бушманов поднялся в свой кабинет, тут же зазвонил телефон. В принципе, согласно инструкции, во время бомбежки они все должны были спускаться в бомбоубежище, но управление размещалось в здании, расположенном довольно далеко от станции, на которую, как правило, и сбрасывали бомбы немецкие «Ю-87». Так что многие втихую игнорировали инструкции. Тем более что работы было непочатый край. В принципе расследование вредительской деятельности группы генерала Павлова было практически закончено, а главные фигуранты (сам бывший командующий Западным фронтом генерал армии Павлов, бывший начальник штаба того же фронта генерал-майор Климовских, бывший начальник связи того же фронта генерал-майор Григорьев, бывший командующий 4-й армией генерал-майор Коробков) уже и расстреляны. Но фигуры второго эшелона пока находились в работе. Что было нехорошо, и потому начальство смотрело на это косо. Да если бы делом Павлова все ограничивалось. Так ведь нет же! Уже ждали своей очереди новые материалы. Капитан снял трубку.

— Слушаю, Бушманов.

— Зайди ко мне, — послышался в динамике голос непосредственного начальника, майора государственной безопасности товарища Буббикова. За глаза его все звали Бобиковым, он знал и жутко из-за этого бесился.

— Вызывали, товарищ майор?

— Да, заходи, — Буббиков сидел за столом и что-то писал, — присаживайся, я сейчас.

Бушманов сел и положил свои крупные руки со слегка сбитыми костяшками (отметины еще с тех времен, когда он пребывал в чинах Ющенко и Журбина) на зеленое сукно стола для совещаний, который примыкал к рабочему столу товарища майора, образуя длинную ножку буквы «Т».

— Значит так, Бушманов, — начал майор, поставив последнюю подпись и закрыв папку. — Из Москвы получено указание: перенести работу в низовые органы. Нам предписано выделить людей для укрепления особых отделов в армиях и корпусах. Не справляются они с работой. Сам видишь, немец уже где. Я тебя включил в свою группу, которая направляется для помощи особому отделу 13-й армии. Выезжаем завтра утром. Вопросы?

Бушманов слегка помрачнел. Ну вот, а он собирался хорошенько выспаться.

— Никак нет, товарищ майор.

— Вот и хорошо. Как у тебя с расследованием?

— Работаем, товарищ майор.

— Ну-ну, работай. Но имей в виду, твое расследование на личном контроле у комиссара, — Буббиков благоговейно ткнул пальцем в потолок. Свою кличку он получил не только за схожесть фамилии, но и за то, что был страшным трусом и лизоблюдом. Два года назад лично арестовал и сдал двух своих подчиненных, едва только до него дошли слухи, что принято решение *проверить* его отдел. Тогда он вывернулся, хотя Бушманов искренне считал, что его начальник одним из первых заслуживает того, чтобы попасть под чистку органов, ибо никак не соответствует образу сотрудника государственной безопасности, недреманно стоящего на страже интересов рабочего класса и Советского государства. Но его мнения, к сожалению, никто не спрашивал.

— Понимаешь момент?

— Так точно, товарищ майор, — отчеканил Бушманов, поднимаясь из-за стола.

— Да ты сиди, — махнул Буббиков рукой. — В нашей группе еще будет старший лейтенант Коломиец. Встречаемся в полвосьмого утра в фойе управления.

Бушманов внутренне усмехнулся. Ну еще бы! Как же без Коломийца. Старшего лейтенанта он недолюбливал. Тот был откровенно туп, вроде Журбина, и сержантское звание, по мнению капитана, было его потолком. Но вот, поди ж ты, дослужился до старшего лейтенанта. В основном благодаря практически собачьей преданности майору.

— Вопросы есть?

— Никак нет. Разрешите идти?

— Ну иди...

Бушманов спустился в свой кабинет. Бомбежка уже прекратилась, поэтому он потушил свет, подошел к окну, раздвинул светомаскировочные

шторы и, достав из пачки папиросу, прикурил. Затянувшись, он некоторое время смотрел на языки пламени, выбивавшиеся из-за крыш с той стороны, где была расположена железнодорожная станции. Опять фрицы разбомбили что-то важное. И почему это у них все получается? Ведь станцию прикрывает целая батарея — четыре зенитных орудия! А, насколько он знал, за все время налетов они пока не сбили ни одного самолета. И куда смотрит их особый отдел?

Докурив, Бушманов выкинул бычок наружу, закрыл окно и тщательно запахнул светомаскировочные шторы. После чего подошел к телефону и снял трубку:

— Ющенко ко мне...

Спустя пять минут в приоткрывшуюся дверь просунулась побитая оспинами морда.

— Вызывали, товарищ капитан?

— Да, зайди.

— А я вот вам, товарищ капитан, с пищеблока борща... — скороговоркой начал Ющенко, протискиваясь в дверь с котелком, накрытым ломтем черного хлеба.

— Некогда... — оборвал его Бушманов. — Давай-ка подследственного обратно в допросную.

— Так, товарищ капитан, он же еще, наверное, и не очухался? — разочарованно протянул Ющенко, который скорее всего уже нажрался на пищеблоке борща и сейчас собирался придавить храпака часов на пять-шесть. — Ему Журбин так приложил...

— Ну так облейте его пятком ведер! — раздраженно бросил капитан. — Мне что, вас учить надо? И в допросную. Некогда мне с ним рассусоливать. Завтра с товарищем майором убываем на фронт. В командировку. Так что к утру надо закончить.

— Так точно, товарищ капитан, — услужливо вытянулся Ющенко. — То ж мы зараз...

Спустя пятнадцать минут капитан Бушманов сидел на краю стола, глядя в совершенно заплывшие глаза подследственного и размышляя над тем, как все-таки додавить этого упрямца.

— Ну что, — негромко начал он, — будем подписывать протокол?

Подследственный разлепил губы, сейчас больше всего напоминающие две огромные багровые сардельки, и, втянув носом кровавую юшку, прохрипел:

— Хрена! Немцу не сдался и тебе, сука, не сдамся...

Бушманов неодобрительно покачал головой и, поднявшись, расстегнул

и снял ремень, после чего принялся расстегивать обшлага рукавов. Журбину здесь доверять никак было нельзя. Опять вырубит. А ему до утра, кровь из носу, нужно было закончить расследование. Кровь из носу! Ну не может же он уехать на фронт, оставив недоделанным дело, которое находится на особом контроле у руководства. Значит, если родина требует — будем работать всю ночь...

* * *

До штаба 13-й армии добрались уже ближе к полуночи. Дважды «эмку», на которой они ехали, обстреливали одинокие «мессеры»-охотники, но оба раза ефрейтору Коптюху удавалось как-то вывернуться. Первый раз они, пока «мессер» закладывал вираж, успели съехать с дороги и укрыться в перелеске, а второй раз нагнали колонну грузовиков, и Коптюх втиснул «эмку» между двумя машинами, выпав из поля зрения пилота. Немец все равно порезвился, постреляв по колонне и запалив несколько грузовиков, но их бог миловал...

В штабе армии они встретили рабочую суету, которая, однако, как-то обтекла их стороной. Начальник особого отдела армии был извещен об их приезде, но в пять часов поступило сообщение, что группа диверсантов, переодетых в форму Красной армии, попыталась совершить налет на штаб 20-го мехкорпуса, была отбита ротой охраны и отошла в лесной массив. Поэтому особист срочно убыл в штаб мехкорпуса. Все это майору Буббикову доложил дежурный по особому отделу лейтенант, испуганно пялясь на него узкими киргизскими глазенками. Майор нахмурился. Когда было надо, он, несмотря на свой не слишком высокий рост и столь же малопредставительную внешность, мог выглядеть очень солидно. Что товарищ Мехлис, право слово... Людей просто в дрожь бросало от взгляда его водянистых глаз.

— Ну-ну, — майор повернулся к Бушманову. — Видите, товарищ капитан, насколько своевременная директива поступила от руководства. Сам начальник особого отдела, бросив порученный ему участок работы, едет лично разбираться с рядовой немецкой диверсионной группой. У него что, товарищ лейтенант, — возвысил он голос, разворачиваясь к дежурному, — подчиненных нет?

— Никак нет, товарищ майор государственной безопасности... то есть так точно, есть.

— Ладно, где этот ваш штаб? Показывайте.

— Так точно, товарищ майор... — Лейтенант послушно выпрыгнул из-за стола и замер, переминаясь с ноги на ногу. — Только это...

— Ну что еще? — недовольно спросил Буббиков.

— А кто в особом отделе останется?

— То есть как кто? Вас что здесь, только двое?

— Так точно. Ташмин и Зангелидзе погибли. Ташмин еще в июне, а Зангелидзе на прошлой неделе. Мы же докладывали...

— Как погибли? Вы что тут, в атаку ходите? — недовольно воззрился на него майор.

— Никак нет, — виновато развел руками лейтенант. — В засаду попали. Когда от Минска отходили...

Буббиков зло скривился.

— А не надо было Минск сдавать! Тоже мне вояки... — Он пожевал губами, потом кивнул. — Ладно. Найдите кого-нибудь, кто мог бы показать нам дорогу и... Коломиец!

— Я, товарищ майор.

— Останешься здесь. Окажешь товарищу лейтенанту практическую помощь...

Но сразу в штаб 20-го мехкорпуса они все-таки отправиться не рискнули. Была уже ночь, дороги разбиты бомбами, к тому же где-то неподалеку от штаба рыскала немецкая диверсионная группа. Так что майор Буббиков принял решение заночевать здесь, а уж с утра...

Ночь прошла относительно спокойно, и Бушманову удалось выспаться и за вчерашний день. А где-то около девяти утра, когда они уже позавтракали тем, что организовал лейтенант, и майор Буббиков сходил, как он выразился, «пообщался» с командармом, в небе появились «юнкерсы».

Бушманов спрыгнул в окопчик, в котором уже находился какой-то солдатик. Он нервно косился на небо и бормотал:

— Как по расписанию. Вот суки! Кажин день в девять утра прилетают.

Бушманов презрительно скривил губы.

— Не поднимайте панику, солдат, вы что, бомбежки ни...

И в этот момент жахнуло! Бушманов и сам не заметил, как оказался на дне окопчика в позе эмбриона, с зажатыми ладонями ушами. Как выяснилось, между тем, когда бомбят станцию, расположенную почти в километре от тебя, и тем, когда бомбы сыплются прямо тебе на макушку, есть большая разница. Тем более что на станцию немцы валили по большей части «зажигалки», а здесь...

Налет закончился через сорок минут. Бушманов выбрался из окопчика,

отряхнулся и пошел искать начальство.

Майор Буббиков оказался ранен. Осколком. От помойного ведра. Кто-то из хоззвода как раз решил вынести помойное ведро, и тут объявили воздушную тревогу. Он и бросил ведро там, где его застала тревога. А бомба попала в него и разнесла все помои. Осколком от ведра оказался ранен майор государственной безопасности Буббиков, который сейчас гордо сидел на топчане в местном лазарете и наблюдал, как ему извлекают из ладони кусочек жести и перебинтовывают руку. Руку он велел забинтовать побольше, так чтобы бинт покрывал не только ладонь, но и запястье. И подвесил руку на косынку. То есть ему, конечно, никто не сказал, что это осколок от помойного ведра, и он считал, что ранен осколком бомбы, но Бушманов, пока ждал его, слышал, как за тонкой стенкой палатки, посмеиваясь, переговариваются санитары. И сделал себе в мозгу отметку — обратить особое внимание на медицинский персонал.

Буббиков объявился спустя десять минут. Выглядел он с рукой на перевязи довольно браво.

— Ну что, капитан, тронулись.

— Товарищ майор, может, я один? — поинтересовался Бушманов. — Вы же того... ранены.

— Ничего, рана у меня легкая, делу не помешает. Некогда нам тут с ранами разлеживаться, товарищ капитан. Некогда.

С этим Бушманов был полностью согласен.

До штаба 20-го мехкорпуса они добрались в два часа пополудни. Начальник особого отдела был здесь. Он сидел за столом тоже с перевязанной рукой и хлебал из котелка щи. Когда Буббиков вошел, он отложил ложку и тяжело поднялся на ноги.

— Товарищ майор государственной безопасности...

— Отставить! — махнул Буббиков, усаживая напротив начальника и снимая фуражку. — Ранены?

Они оба с перевязанными руками, сидевшие друг напротив друга, выглядели несколько забавно. Хотя рука начальника особого отдела была забинтована на всю длину, до плеча, и сквозь повязку кое-где проступала кровь.

— Так точно. Две пули.

— Когда вас?

— Ночью. Когда диверсантов брали.

— Взяли? — вскинулся Буббиков.

— Трех. И еще шестерых положили. Но несколько ушло.

Буббиков неодобрительно покачал головой.

— Плохо.

Начальник особого отдела помрачнел и кивнул.

— Да... еще и Павлюка потерял. Начальника особого отдела корпуса.

Буббиков опять неодобрительно покачал головой, но затем внезапно сменил гнев на милость:

— Ладно. Я вам здесь капитана Бушманова оставляю на усиление. Он опытный работник — справится.

— Вот спасибо, товарищ майор, — обрадовался начальник особого отдела, — а то мы тут уже совсем... — Тут он заметил, что и у майора рука на перевязи. — Товарищ майор, а вас-то где?

— Да так, сегодня утром осколком зацепило при авианалете... Ладно, пленных уже допрашивали?

— Никак нет. Там двое раненых. Пока им помощь оказывали, да и с убитыми разобраться требовалось, я вот решил перекусить. Со вчерашнего обеда во рту — ни маковой росинки.

— Ну что ж, хорошо, тогда давайте их сюда...

Допрос пленных затянулся до самого вечера. А после ужина Буббиков и начальник особого отдела армии уехали обратно в штаб армии, оставив Бушманова вместе с молоденьким младшим лейтенантом, который единственный остался в живых из всего особого отдела корпуса. Бушманов просидел два часа, разбирая бумаги погибшего Павлюка, а потом приказал младшему лейтенанту:

— Вот что, лейтенант, принеси-ка мне личные дела офицеров.

Тот недоуменно уставился на него.

— А зачем, товарищ капитан?

Бушманов нахмурился. Да откуда он взялся, этот младший лейтенант? С луны свалился, что ли?

— Вы что, — ледяным тоном начал капитан, — не видите, что творится? Фронт рушится. Немцы занимают один город за другим. Позорно сдан Минск. Вы что тут, совсем ослепли?

Младший лейтенант установился на него испуганными глазами!

— Так это... — робко начал он, — фриц уж больно силен. Всю ж Европу завоевал. И Польшу, и Норвегию, и Францию...

— Запомните, товарищ младший лейтенант, — наставительно начал Бушманов, — рабочий класс буржуазных государств не собирался умирать за интересы своих эксплуататоров. Именно поэтому немцы прошли всю Европу церемониальным маршем. Но с нашей армией не так. Она плоть от плоти, кровь от крови нашего народа! И наши солдаты героически гибнут, но не сдаются, защищая свою страну до последней капли крови... — Тут

он слегка запнулся и чуть поправился: — Ну за исключением некоторого числа дезертиров и предателей, которых мы с вами, заметьте, именно мы с вами не успели выявить. Но именно из-за этого, лейтенант, героическая гибель многих наших солдат и офицеров случается зря. Потому что мы недоработали. Не выявили потенциальных предателей и изменников родины. Вовремя не изолировали их. Дали им возможность нанести удар в спину нашей героически сражающейся армии. Понятно?

— Так точно, товарищ капитан, — отчеканил младший лейтенант, при этом глядя на Бушманова каким-то странным взглядом.

— Вот и хорошо. Похоже, мы с вами сработаемся, лейтенант. А сейчас принесите мне личные дела офицеров и... как фамилия того младшего лейтенанта, который переводил с немецкого во время допроса?

Младший лейтенант ответил.

— Откуда он так хорошо знает язык?

— Ну... говорит, долго жил с родителями за границей. Они у него из коминтерновских.

— Ну-ну, — глубокомысленно кивнул Бушманов. С коминтерновскими он встречался. Несколько раз. Когда еще работал в Москве, в центральном аппарате. Редкостные сволочи оказались! Такую подрывную работу развернули... — Вот с него, пожалуй, и начнем.

Всю неделю Бушманов напряженно работал, и к концу ее у него накопился материал на семерых офицеров, причем, что было особенно важно, за этими семерыми явно просматривалась организованная группа... Но на исходе недели немцы нанесли новый удар и снова прорвали фронт. Бушманов с младшим лейтенантом чудом успели вырваться из захлопывающегося котла, а когда наконец корпус закрепился на новом рубеже, выяснилось, что из семи его фигурантов четверо погибли. Причем тот, кого капитан рассматривал как ключевую фигуру всего дела, даже героически, подняв батальон в сумасшедшую атаку и прорвав позиции немецких подразделений, которые должны были захлопнуть котел. Собственно, благодаря именно этой атаке им с младшим лейтенантом и удалось выскользнуть из окружения.

Бушманов похудел, осунулся, но продолжал работать, отводя себе на сон едва ли более трех-четырёх часов в сутки. Отвлекали допросы пленных, но, слава богу, их было немного, так что каждую свободную минуту Бушманов вновь листал папки и просматривал материалы личных дел.

Когда выяснилось, что рота лейтенанта, чье личное дело он просмотрел и отложил в сторону, без приказа оставила свою позицию, он

приказал арестовать командира и снова поднял его дело. Как он мог его упустить?! Где он проглядел предательство?!

Вечером младший лейтенант докладывая о результатах предварительного допроса командира роты. И этот доклад Бушманову крайне не понравился.

— Да забыли просто про него, товарищ капитан.

— Как это забыли?

— Ну так. Сейчас в ротах по пятнадцать-двадцать человек осталось, а в батальоне, соответственно, не больше сотни. А от его батальона вообще рожки да ножки остались — одно название. Ну немец во время прорыва эти рожки да ножки и того... А выше, в штабе полка, думали, что от батальона вообще ничего не осталось. И не передали приказ. К тому же как его передашь-то? Штаб полка как раз по другую сторону прорыва оказался. Так что формально — да, отошел без приказа. Да только он там вообще практически в одиночку оказался. Слева — никого, немцы остатки батальона полностью доби́ли, никто не выжил, а соседи справа отошли по приказу своего командования. Так что и слева немцы, и справа тоже. Вот он и принял решение отойти, чтобы людей сохранить.

— Запомните, младший лейтенант, — ледяным тоном начал Бушманов, — если каждый ротный будет самостоятельно принимать решения, оборонять ли ему позиции или отойти, то...

— Да понимаю я все, товарищ капитан, — воскликнул помощник, — только там действительно особенный случай получился. Ну поймите же вы!

Вечером Бушманов отправил младшего лейтенанта отдыхать, а сам лично сходил и взял папку с его личным делом. Что-то товарищ младший лейтенант перестал вызывать у него доверие...

Когда обстановка в полосе действий корпуса немного стабилизировалась, Бушманова вызвал к себе майор Буббиков. Он встретил капитана сидя в кабинете начальника особого отдела армии и горделиво блестя свежей медалью «За боевые заслуги».

— Ну здравствуй, здравствуй, капитан.

— Здравствуйте, товарищ майор, и поздравляю с наградой.

— А-а, это... — Буббиков небрежно скосил глаза на медаль. — Пустое. Не за медали воюем. Хотя, надо признаться, информация, которую удалось получить от тех пленных диверсантов, была высоко оценена руководством... А вот твоя работа меня не радует, Бушманов, совсем не радует.

Капитан помрачнел. Да, пока хвастаться было нечем. Но кто же знал,

что те четверо погибли?

— И знаешь почему? — продолжил между тем Буббиков. — Да потому что твой корпус опять отстывает. Знаешь, какая директива пришла из наркомата? Оценивать работу органов по практическому результату. А именно, насколько способны курируемые ими части и соединения держать фронт. Отбивать атаки немецко-фашистских оккупантов. И где, спрашивается, я вижу твою работу? — слегка распаляясь, продолжил майор. — Учти, Бушманов, по итогам работы группы в управлении собираются сделать далеко идущие выводы. И мы должны приложить все — ты меня понял — категорически все усилия, чтобы помочь нашим бойцам удержать фронт. Ни шагу назад! Понятно?

— Так точно, товарищ майор, — угрюмо отозвался Бушманов.

— Вот и отлично. Значит, возвращайся в корпус. Кстати вот. — Он протянул ему небольшую коробочку и бланк.

— Что это? — не понял Бушманов.

— Медаль и наградное удостоверение для того младшего лейтенанта, который помогал нам допрашивать захваченных немецких диверсантов...

Выйдя на улицу, Бушманов достал папиросу и, прикурив, яростно затянулся. Черт! Ну как тут работать, когда твое же руководство ставит тебе палки в колеса?! Он с ненавистью посмотрел на коробочку, которую держал в руке. Зашвырнуть бы ее куда подальше, а по приезде в штаб корпуса арестовать того младшего лейтенанта... На него уже столько материала накоплено. Так ведь нет! Медаль ему вези...

Вернувшись в корпус, Бушманов вызвал к себе своего единственного подчиненного.

— Вот что, лейтенант, собирайся, поедem в дивизии. Здесь я все основательно прошерстил. Кое-какой материал есть, но нужно поработать еще. Заодно надо проехаться по переднему краю, поговорить с людьми. Может, подкинут какую-нибудь информацию, а то закопались в бумажках...

Из штаба корпуса они выехали следующим утром. На попутке. То есть для офицера, исполняющего обязанности начальника особого отдела, в корпусе не нашлось транспорта. Это уже говорило о многом. И Бушманов задумался о том, что надо было во время поездки в армию запросить личные дела командира корпуса и старшего дивизионного комиссара. Ну да еще успеется. Главное сейчас — систематизировать накопленный материал. А еще Бушманов собирался в обязательном порядке посетить передовую. Младший лейтенант все уши прожужжал про то, какой некомплект личного состава в подразделениях корпуса, а подобное положение дел часто приводит к тому, что у людей возникают неправильные мысли. Человек

слаб, подвержен страхам, унынию, и задача органов безопасности — укрепить его дух, напомнить ему о том, что он по-прежнему находится под недреманным оком передового отряда рабочего класса. Чтобы, если не собственными силами, то хотя бы под страхом неминуемого сурового наказания он полностью выполнил свой долг перед лицом своего народа и своих товарищей.

А еще где-то в глубине теплилась мыслишка, что и ему удастся подцепить какую-нибудь пулю или осколок (только желательно не от помойного ведра) и, непременно оставшись на боевом посту и с честью выполнив приказ родины, также заслужить хоть какой-нибудь знак отличия. Мыслишка теплилась, но капитан Бушманов сердито гнал ее от себя, как недостойную истинного офицера госбезопасности.

На передовую они попали через два дня. Столь важных гостей привезли на полковой НП и подвели к стереотрубе. Бушманов специально приказал не беспокоить никого из командования полка и ограничился только сопровождением полкового особиста. Капитан довольно долго рассматривал через окуляр вроде как совершенно мирные поля, перелески и опушки, а потом оторвался от стереотрубы и бросил взгляд на линию фронта, заслоняясь ладонью от садившегося солнца.

— Тихо все.

— Так точно, товарищ капитан, — бойко доложил особист. — Немец воюет строго по расписанию. Сейчас у них ужин и отбой. А вот с утречка...

В этот момент со стороны линии фронта внезапно послышалась канонада. Все удивленно переглянулись, потом особист пожал плечами:

— Непонятно... Может, кто из окружения прорывается? Хотя чего-то поздно. Где раньше-то были?

В этот момент из-за поворота траншеи послышался громкий топот и в блиндаж НП влетел майор, на ходу застегивающий портупею.

— Лубин, что, атака? — ошалело заорал он, прикикая к стереотрубе.

— Да вроде нет, товарищ комполка, — доложил особист, — пальба какая-то у немцев в тылу.

— Может, наши из окружения прорываются? — предположил майор.

А Бушманов поморщился. Как-то товарищи сразу теряют бдительность. «Наши», «из окружения»... а ну как это провокация фашистов? Между тем майор оторвался от стереотрубы и повернулся в сторону связиста, притулившегося со своим аппаратом в углу блиндажа.

— Батарею мне, быстро!.. Саблин, там, похоже, какая-то группа сквозь немецкие боевые порядки к нам прорывается. Можешь поддержать их

огнем?.. Сколько?.. Ах ты, мать честная!.. Ну тогда ладно... Да помню я, помню, что сам приказывал... — Майор раздраженно бросил трубку на рычаг и сообщил всем: — Ничего не попишешь. По пять снарядов на орудие осталось. — Он снова приник к стереотрубе и забормотал: — Ну ребятки, вы уж давайте там сами. Немножко же осталось. Хотя бы до переднего края. А тут мы вас из винтовок и пулеметов поддержим...

Бушманов задумался, затем сурово сжал губы, поправил фуражку и кивнул особисту:

— Пошли.

— Куда, товарищ капитан? — с готовностью откликнулся тот.

— Встречать этих. — Бушманов кивнул в сторону линии фронта...

С орбиты гвардейские монады пошли в режиме «ноль» с полностью отключенными контурами боевых лат и закапсулированными энергоисточниками. В принципе особенной необходимости в столь жесткой маскировке скорее всего не было, но позор Кеннеди надолго закрепился в памяти командиров Гвардии. Поэтому теперь все предпочитали дуть на воду. Первые сто пятьдесят километров гвардейцы падали по баллистической траектории, защищаемые от бушующей снаружи ионизированной бури только тонкой фуллереновой скорлупой и еще более тонким слоем универсального отражателя, пленкой в несколько микронов покрывающего внешнюю поверхность боевых лат.

На высоте пятидесяти километров были выпущены аэродинамические поверхности, и падение стало управляемым. Пусть только с помощью ориентации в пространстве собственного тела. Следующие сорок пять километров батальон с помощью аэродинамических поверхностей стягивался к объекту атаки, распределяясь по шести штурмовым группам, которым предстояло проникнуть внутрь через шесть тоннелей, обнаруженных аппаратурой гвардейского крейсера, все еще пребывающего в состоянии нулевой эмиссии. Сами гвардейцы уже, вероятно, были засечены аппаратурой контроля пространства. Ибо не заметить создаваемые ими хвосты ионизации было невозможно. Но вследствие того, что автоматическое сканирование источника ионизации, видимо, не показало наличия хоть каких-то электронных компонентов или источника питания, блок обработки информации классифицировал эти засечки как обычный космический мусор и постановил игнорировать их при выдаче информации на центральный монитор. А ведь чувствительность стандартной аппаратуры контроля пространства и используемые программы обработки позволяли засечь даже работу одного-единственного резистора, запитанного от примитивной химической батарейки!

Так что гвардейцы пока могли рассчитывать на внезапность. Но это положение дел должно было измениться в течение следующих сорока секунд...

Крейсер вынырнул из режима нулевой эмиссии и шестью сосредоточенными залпами, совершенными всего за 1,7 секунды, пробил шесть новых входов в обнаруженные тоннели. А внизу в этот момент уже вовсю ревели баззеры тревоги и сотни людей мчались сломя голову по

коридорам и межуровневым трапам к оружейным, орудийным башням, пультовым ракетных установок и иным постам, которые они должны были занять по боевому расписанию. Но на самом деле было уже поздно.

На обзорных экранах вспыхнуло сразу несколько сотен отметок, идентифицированных блоком обработки информации как имперские гвардейцы в боевых латах с включенными на полную мощность в режим торможения антигравитации, которым до входа в тоннели оставались считанные секунды. Так что когда из умело замаскированных шахт только поползли вверх и начали разворачиваться в боевое положение зонтики систем наведения и орудийные блоки, штурмовые группы десанта влетели в еще дымящиеся и пышущие жаром шахты, пробитые залпами крейсера.

Моя монада шла в первой линии, поэтому именно мы первыми влетели в створ старого тоннеля. Основные оборонительные системы, что, совершенно естественно, были сосредоточены у входных ворот и на поверхности вокруг них, а крейсер пробил тоннель в ста сорока метрах от входного портала, сразу выведя нас в тыл первой линии обороны. Так что сначала нас встретили тишина и пустота. Я развернул монаду в линию и, приказав отключить антигравитацию, повел своих ребят вперед легкой рысцой. Впрочем, легкая рысца гвардейца позволяет ему развивать скорость около сорока километров в час, так что до следующего рубежа обороны мы добрались спустя пятьдесят секунд.

Он был не слишком серьезен. Две а-контактные установки, на которые мы потратили по паре выстрелов. Впрочем, роту-другую десантников секторов Атлантис или, например, Кеннеди, они могли бы задержать надолго... Чуть большую задержку вызвали изолирующие ворота, но, когда Змей с ними разобрался, у нас в распоряжении оказалась схема всего подземного комплекса. Поэтому я активировал связь и сбросил ее комбату. В ответ от него пришло лаконичное «+1».

С организованным противодействием мы столкнулись только на третьем уровне. По моим оценкам, те, кто должен был оказывать его на первых двух, просто не успели до нашего появления занять позиции и активировать все защитные системы, а когда мы прошли дальше, и вовсе решили не делать этого. И это показывало, что скорее всего нам противостоят территориалы сектора Атлантис. «Дальнейшее сопротивление бессмысленно...», «бесполезные потери...», «принял решение сдаться, чтобы спасти личный состав...» — подобные штучки в их манере. Поэтому, несмотря на то что территориальные силы сектора являлись наиболее технологически оснащенными, среди территориальных сил Империи они котиrowались не слишком высоко. Убить врага в

конечном итоге можно и камнем, главное, было бы желание это сделать...

На третьем уровне располагались большие ангары, заполненные в основном горнопроходческой и горноразведывательной техникой, и там мы впервые столкнулись с серьезным сопротивлением. Похоже, планом действий на случай атаки предусматривалась эвакуация основного персонала с помощью скалоходов, но мы столь быстро прорвались на этот уровень, что защитники даже не успели их завести. И, чтобы дать время пилотам скалоходов разогнать реакторы и увести технику под загрузку, на нас бросили роту десантников Атлантис в полной боевой броне.

О боевых латах Гвардии по обитаемому космосу ходят сонмы легенд, подавляющее большинство которых не имеет никакого отношения к действительности. Главное в Гвардии не латы, а то, что внутри них. Вот, скажем, технологически наши боевые латы и боевая броня десантников сектора Атлантис выполнены практически на одном уровне, но в наших латах десантник сразу бы потерял шестьдесят процентов подвижности. Просто потому что слабее и не обладает нашей скоростью реакции, а также потому, что наши латы на двадцать процентов тяжелее.

И распределение этого веса на наших латах более выгодно. Например, мы управляем всеми инициаторами антигравов напрямую, а большинству территориалов требуется специальный управляющий блок плюс комплект гироскопов плюс специальная компьютерная программа и процессор. И все для того, чтобы не врезаться в какую-нибудь стену или не расшибить себе башку о низкий потолок тоннеля. А недостижимое для территориалов время реакции на цель вызвано как раз тем, что наши программы наведения крайне примитивны и потому выдают маркер почти мгновенно, а также практически не подвержены сбоям вследствие применения противником программ подавления.

Но территориалы с нашими программами наведения в лучшем случае попали бы куда-то в сторону цели. Как говорится: «Господин полковник, боец Джонс выполнял шестое упражнение контрольных стрельб. В результате стрельбы — цель испугана!» То есть, учитывая, что львиная доля лишнего веса, который мы на себе таскаем, приходится на энергоисточники, мы можем забрать на оружейный блок и актуаторы силового поля почти втрое больше мощности, чем территориалы. В том же секторе Атлантис как-то попытались создать нечто подобное, но выяснилось, что, для того чтобы их десантник в этом громоздком монстре сумел хоть как-то передвигаться, ему пришлось ставить более мощные мускульные усилители, более массивные гироскопы и опять же более мощные антигравы, что в комплексе подъело изрядный процент мощности

энергоисточников. А время реакции стало отставать от нашего почти на порядок. Так что когда чрезвычайно гордящиеся этим новейшим высокотехнологичным оснащением десантники Атлантика появились на больших императорских военных играх, они проиграли почти всем, даже сектору Конго...

На самом деле их основная проблема в том, что в экономически развитых секторах статус военного-территориала довольно низок, поэтому в территориальные силы идут те, у кого нет особенных шансов пробиться в гражданской жизни. А среди них даже третий уровень антропопрогрессии встречается довольно редко. Люди с четвертым, пятым и шестым уровнем предпочитают делать деньги и добиваться признания на гражданке, а достигшие седьмого почти поголовно решают искать счастья в Гвардии...

Десантники попытались с ходу выстроить «огневую сеть», объединив программы управления оружием сразу сотни индивидуальных управляющих модулей, встроенных в их боевую броню. На самом деле это был их единственный шанс хоть как-то задержать нас, но мы не дали им на это времени. Монада открыла огонь, едва мы пересекли линию ворот, причем огонь по штурмовикам вело только одиннадцать гвардейцев из тринадцати, двоих кандидатов в Гвардию я оттянул слегка назад и нацелил на оживающие скалоходы. Если повредить буры и размягчающие модули, скалоход становится совершенно бесполезен. Что мне и было надо...

Так что приблизительно через сорок секунд огневого контакта остатки роты десантников просто сложили оружие. Все как обычно: «принял решение сдаться, чтобы спасти личный состав», и ведь их командир искренне уверен, что сделал все что мог и совершенно чист перед законом и собственным долгом. Впрочем, возможно, так оно и было.

Когда мы прорвались на следующий уровень, пришел пакет информации от комбата об общей обстановке и сообщение, что моя монада пока продвигается быстрее всех. Вследствие чего он принял решение предоставить мне полномочия «ситуационного лидера». Это означало, что я принимаю командование над всей штурмовой группой, да и остальные штурмовые группы должны будут выполнять мои распоряжения, если не последует их отмены вышестоящим руководством.

То, что заговорщики из числа лидеров сектора Атлантика (а кто же еще, если охрану засекреченного, причем именно от Императора, объекта осуществляют элитные подразделения территориальных войск сектора) скрывали под трехкилометровой толщей гранита, я увидел на шестом уровне. Согласно данным сканирования, ниже было расположено еще два уровня, но скорее всего там располагались технические службы и службы

обеспечения. Потому я перенацелил на них третью и четвертую штурмовые группы, а свою повел в сектор, выделенный на плане объекта как блок наибольшего приоритета. Сердце объекта было именно здесь.

Мы ворвались в лабораторию в тот момент, когда там кипела лихорадочная работа. Десантников здесь не было, а внутренняя охрана, предназначенная для создания определенной атмосферы среди работающих в данном блоке людей или в крайнем случае для наведения порядка среди персонала, даже не рыпнулась, покорно бросив оружие и разблокировав все изолирующие двери (иногда страшные сказки о гвардейцах все-таки могут принести некоторую пользу). Так что в сферический зал, обозначенный на плане как «экспериментальный блок 7», мы вошли, уже не ожидая никакого сопротивления.

В центре зала висела на растяжках круглая платформа с отверстием посередине диаметром около пяти метров, на противоположном от входа конце ее размещался стандартный виртуализированный блок управления, которым оснащаются тысячи обычных гражданских и бытовых систем — от комплексов автоматической мойки до архитектурных мастерских. В контрольной точке блока стоял человек в стандартном изолирующем комбинезоне, используемом как медиками, так и, скажем, рабочими на особо чистых производствах. Он с ненавистью смотрел на нас. Я жестом остановил монаду.

— Вы... — начал он, вскидывая руки, отчего блок тут же перешел из состояния покоя в рабочее. Вывел на голоэкрان перед собой виртуальное меню, которое каждый пользователь таких блоков обычно программирует под себя. — Вы, жалкие прихвостни вашего жалкого императора! Надутые и наглые рабы, чувствующие себя спокойно, только если над вами довлеет рука хозяина! Душител и гонители свободы...

— Зуб, Кость, приготовьтесь отстрелить ему руки по плечи, Крыс — гравизацепы. Когда отработают Зуб и Кость, приготовься выдернуть его из зоны контроля блока, — быстро приказал я.

— ...свободных людей, — продолжал между тем этот тип, сверля нас горячечным взором. — Ибо правильно сказали древние: «Лучше умереть сражаясь, чем жить на коленях!»

С этим я в принципе был согласен, и, если бы дело было только в этой фразе, мы с ним точно бы договорились. Но, похоже, этот тип был помешан на том, чтобы принести людям очередной бесценный дар. На этот раз свободу. И даже не догадывался, что подобными вещами невозможно одарить человека извне, ибо настоящая свобода — *внутри нас*. А то, что снаружи, в лучшем случае ее иллюзия. А в худшем — просто результат

искусного манипулирования. То есть лишь *видимость* свободы, к тому же ограниченная множеством искусственных рамок — законами, традициями, гражданскими правами и правилами приличия, экономической целесообразностью и здравым смыслом. Недаром именно приверженцами концепта свободы как некой неременной ценностной составляющей такого способа организации социума, как демократия, в процессе его адаптации к реальной жизни придуманы разные оксюмороны типа: «Свобода — это прежде всего ответственность» или «Свобода накладывает на человека множество обязанностей». Тогда чем несвобода отличается от свободы? Меньшим числом обязанностей, что ли?

— ...проклинать! — с пафосом закончил тип.

— Пошел! — скомандовал я.

Сверкнули две вспышки, и тип, воя и болтая в воздухе обрубками рук, плавно приземлился у моих ног.

— Крыс — медблок, — распорядился я (мне совершенно не нужно было, чтобы этот тип сдох, а руки ему потом прирастят в регенерационной капсуле) и, включив антиграв, поднялся на круглую площадку. Что бы там ни задумал этот тип, сделать ему это не удалось. Осталось только на всякий случай отключить активацию виртуализированного блока и доложить комбату об окончании операции. Так я думал, спокойно направляясь к краю отверстия в центре площадки, собираясь просто перепрыгнуть на ту сторону.

Как выяснилось, это оказалось ошибкой...

* * *

Я проснулся и резко сел. Над головой чернело небо. Мой батальон тихо посапывал вокруг на плащ-палатках, в обнимку с оружием. Я некоторое время сидел, отходя ото сна, а затем поднял руку и размял шею. Да уж... вот, значит, как было дело. Следовательно, в секторе Атлантик овладели технологией создания пространственных порталов. В принципе вполне ожидаемо. Насколько я знал, имперское казначейство даже финансировало исследования в этой области. Но почему заговорщики из числа лидеров сектора считали эту технологию ключевой?

Нет, оно, конечно, намного удобнее, и логистика существенно упрощается, но на что они рассчитывали в военном отношении? Ключевые планеты им придется защищать при любом раскладе, а после достижения определенной плотности войск и вооружений дальнейшее приращение сил

уже не увеличивает, а, наоборот, уменьшает устойчивость обороны. Своевременное восполнение потерь? Да ради бога. Но хотел бы я посмотреть, как они умудрятся это сделать, если операция по умиротворению среднезаселенной планеты занимает по времени от двадцати до сорока двух часов. Ну ладно, пусть на этот раз для подавления мятежа придется задействовать не пару гвардейских дивизий, а полный корпус. Или даже два. Но корпусов-то десять!

На что они рассчитывают? На то, что их поддержат «все свободные люди галактики»? На самом деле единственные по-настоящему свободные люди галактики практически все на противоположной стороне. В гвардейских корпусах и действующем резерве. *Свобода — внутри нас.* И если она там есть, то свобода снаружи — всего лишь вопрос собственного решения и некоторой толики Кысмета.

Адепты равенства часто попрекают Императора тем, что гвардейцы неподотчетны закону. Мол, что это за неприкасаемые? Что это за самураи с их правом «убить и уйти»? Они бы еще больше разбушевались, если бы узнали, что в Гвардии вообще не существует наказаний. Никаких. Единственное наказание, которое есть у Императора в отношении гвардейца, это лишение его этого звания. Но пока не было ни единого случая применения этого наказания... А ведь все просто.

Мы действительно самые свободные люди в этом мире. И наша ноша — наш собственный выбор. Мы свободно приняли решение подчинить свою жизнь Долгу и Чести. Кысмет — он властен над всеми, от последнего батрака где-нибудь на планетах фронта до самого Императора. И то, что кое-кто считает себя полновластным властителем собственной судьбы, показывает лишь его близорукость. Мы знаем, что мы не боги, чтобы полностью властвовать над своей судьбой, и наше ключевое отличие от тех, кто статусом ниже нас, лишь в том, что мы властвуем над своей судьбой в несколько большей мере.

Ну ладно, пусть в заметно большей. Но все равно Кысмет властен над нами. Царь Соломон, изрекший: «Да текут дни по желанию моему», — был глупцом. Впрочем, он позже осознал свою ошибку. А может, и сразу все знал, только решил поиронизировать...

Ну а что касается Воли Императора, то это только иллюзия, что мы исполняем волю одного человека. Десятки и сотни миллиардов людей — финансисты и политики, ученые и шоумены, артисты и рабочие ежедневно, ежечасно, ежеминутно формируют живой и трепещущий пульс огромной Империи. Который ежедневно и ежеминутно отслеживается сотнями тысяч людей — сисанами, администраторами, медиками, психологами и многими

другими. И в каждый момент времени существует очень ограниченное число оптимальных решений. И бремя Императора состоит не в том, чтобы повелевать, повинаясь своим прихотям, а наоборот, максимально задавить себя, подчинить себя благородной и возвышенной цели, забыть себя, заглушить всякое влияние своего эмоционального «я» на процесс принятия решений. И только сделав это, избрать из ограниченного числа оптимальных решений одно, за которое потом и нести всю полноту ответственности...

Любой из гвардейцев может принять на свои плечи бремя Императора, ибо тот избирается только из их числа. И во многом столь высочайший общественный статус Гвардии в социуме Империи определяется еще и тем, что, общаясь со стоящим перед тобой гвардейцем, ты, вполне возможно, общаешься с будущим Императором... Но когда я задавался вопросом, а хотел бы я стать им, то ловил себя на том, что единственным моим действительно неизменным желанием на протяжении уже многих лет, что я принадлежу к Гвардии, было желание, чтобы чаша сия меня минула.

Впрочем, что-то я слишком увлекся отвлеченными рассуждениями. У меня ж тут вроде как война в разгаре. И самым важным, что мне необходимо уяснить в случае с этим сном, было то, почему мое подсознание подбросило эти воспоминания именно сейчас. Похоже, оно просекло нечто такое, что заставило его взволноваться. И открыть мне то, что было укрыто в глубинах памяти, что все методики работы с собственной памятью, которыми я обладал, до сих пор не смогли мне помочь извлечь. Или просто все дело в том, что я уже адаптировался в этом мире и начал понемногу приходить в порядок? Да и, кстати, меня затянуло в тот портал в полной боевой броне, а выбросило здесь отчего-то голым, как утверждал старший лейтенант Башмет. Тоже ведь загадка...

* * *

Батальон я поднял с рассветом. Вот уже второй день мы уходили из плотного кольца, которое пытались сомкнуть вокруг нас немецкие войска. То есть на самом деле острой необходимости в подобном уходе не было. Насколько я смог узнать из рассказов захваченных пленных и анализа карты, мы вполне могли закрепиться на паре выбранных мной рубежей и если не разнести в клочья, то как минимум настолько солидно потрепать силы противника, что ему точно пришлось бы оставить нас в покое на несколько дней. До полной перегруппировки. Но пока это не решало

третьей задачи — не вводило противника в заблуждение относительно наших последующих действий. И лишь сегодня мы достигли рубежа, который полностью отвечал моим целям.

К опушке леса мы вышли около десяти утра. Я остановил батальон и велел готовить позиции. Причем по-серьезному. С окопами полного профиля. Ибо ожидал, что немцы задействуют для атаки на нас не только пехоту, но авиацию и артиллерию. Как минимум минометы. Своим минометчикам я также приказал максимально зарыться в землю, приготовив не только позицию, но и перекрытые щели. И батальон начал готовить рубеж.

К утру следующего дня у нас была позиция, которая, возможно, и не слишком отвечала классическим канонам системы обороны батальона, зато была, на мой взгляд, идеально приспособлена для моих целей. Хотя тут мне приходилось действовать скорее по наитию.

Гвардейцы очень редко оборудуют стационарные позиции. В условиях, когда все используемое на поле боя оружие обладает точностью поражения, измеряющейся в худшем случае в сантиметрах, а мощность огневого комплекса отдельного бойца позволяет прожигать двадцатиметровый тяжелый бетон, оборудование стационарных укрытий бессмысленно. Гораздо большее значение имеют маневренность и общая подвижность каждого бойца и всего подразделения. Но здесь, где все средства поражения, информацию о которых мне удалось найти, использовали неуправляемые боеприпасы, а основным способом поражения противника являлось не столько индивидуальная подготовка каждого солдата и боевого расчета, сколько создание определенной плотности огня, степень защищенности на поле боя играла очень большую роль. И я не собирался ее игнорировать.

Сама операция началась с того, что я выдвинул в купы деревьев, довольно живописно разбросанные по обширному лугу, тянущемуся вдоль дороги, несколько групп наблюдателей и приказал минометчикам пристрелять основные ориентиры. Естественно, звуки выстрелов и разрывы мин привели к тому, что спустя где-то час на дороге появились мотоциклисты. Наблюдателям, которых я приказал отобрать только среди бойцов, вооруженных винтовками, была дана команда обстрелять мотоциклистов с минимальной эффективностью. Максимум ранить и продырявить мотоциклы. При той подготовке, которую прошли мои бойцы, требуемый уровень эффективности огня уже не представлял непреодолимой проблемы.

Все прошло довольно удачно, так что еще через четыре часа на

обочине дороги появились сначала грузовики, из которых начали выгружаться немецкие войска, а затем и подводы с полицейскими из вспомогательных сил. Мои наблюдатели тут же открыли плотный огонь из винтовок, а когда им начали отвечать, стали медленно отходить к опушке.

Немцы оказались верны себе. Сначала прилетели самолеты и двадцать минут обрабатывали опушку леса. После окончания авианалета я велел провести перекличку, показавшую, что благодаря хорошо оборудованным укрытиям единственными потерями от действий авиации оказались трое легкораненых. Затем немцы развернулись в цепь и двинулись в сторону леса. При этом по опушке открыла огонь минометная батарея, развернутая на противоположной стороне дороги. Пока все шло настолько идеально, что я стал даже опасаться, что в самый последний момент произойдет нечто неприятное. Мы, гвардейцы, в чем-то сродни даосам. В нашем представлении мир при всей его упорядоченности содержит в себе изрядную долю хаоса, который в любой момент может вмешаться в любой, даже самый точный и детально разработанный план, и потому надо всегда быть готовым к этому выплеску хаоса, способному все пустить наперекосяк. Но пока все шло в точном соответствии с моими предположениями, и немецкие цепи подходили все ближе и ближе к опушке.

Когда до наших окопов осталось около сотни метров, по траншеям прошло легкое шевеление. Согласно моим распоряжениям до сих пор огонь по приближающимся немцам велся только двумя стрелками из каждого отделения, и только из винтовок. Причем им была поставлена задача не поражать более одной цели на сотню шагов. Так что до сих пор немцы чувствовали себя довольно уверенно. Тем более что основные потери несли полицейские из вспомогательных сил, шедшие в первой линии. Теперь же ротные подали команду занять позиции всем стрелкам. Восемь «максимов» также установили на тщательно выровненных бермах, и сейчас наводчики спешно уточняли прицел и затягивали винты вертикальной наводки. Еще два десятка шагов...

Такой огонь называется кинжальным. Открытый с короткого расстояния, практически в упор и с высокой плотностью, он не оставил ни полицейским, ни немцам ни единого шанса. Мои минометчики открыли огонь, буквально со второго залпа накрыв немецкую минометную батарею (сказалась предварительная пристрелка). Уверенные в себе немцы к этому моменту перенесли обстрел вглубь леса, чтобы воспрепятствовать практически неизбежному, по их мнению, отходу разбитых русских. Покончив с батареей, мои принялись обрабатывать остатки залегших цепей

немцев.

Через пятнадцать минут после того, как батальон открыл огонь, я дал команду покинуть окопы и броском выдвинуться метров на тридцать вперед. К тому моменту полицаев практически полностью выбили, а немцы понесли тяжелейшие потери. Сделав короткую остановку, мои бойцы приготовили гранаты и швырнули их по настильной траектории, с оттягом, с замедлением броска, чтобы те успели взорваться еще в воздухе, метрах в двух-трех над поверхностью земли. Это получилось у, дай бог, четверти метнувших, но я был не склонен их винить. Время горения замедлителя было крайне неустойчивым, да и навыка таких бросков не было практически ни у кого. К тому же и так получилось неплохо. Едва только отгремели взрывы и бойцы приготовились к последнему броску, как немцы истошно завопили и внезапно начали подниматься на ноги, бросая оружие. Батальон замер. Несколько мгновений ничего не происходило, только количество немцев, поднявшихся и бросивших оружие, все росло и росло, а потом Гарбуз, лежавший неподалеку от меня, повернул голову и изумленно произнес:

— Товарищ командир, это что, они нам сдаются, что ли?..

Сказать по правде, когда ко мне подвели командира, руководившего всей операцией, я оказался не слишком удивлен. Нет, предчувствий у меня заранее никаких не было, хотя, как я теперь понимал, только потому, что просто не размышлял над этим вопросом. Для того чтобы свести воедино разрозненные факты и вычислить всю опасность, которую мой отряд мог для них представлять, да к тому же суметь убедить в этом вышестоящее начальство еще до того, как я начал действовать, и эта опасность сделалась очевидной, требовались незаурядные способности и высокий уровень влияния. И под перечень этих требований гауптман фон Зееншанце подходил идеально. А если еще прибавить сюда личную заинтересованность, то иного кандидата просто не существовало.

Он встретил меня словами:

— Мы вас недооценили.

Я подумал, что он даже не подозревает насколько, но вслух спросил другое:

— Это все силы, которые вам удалось сосредоточить против меня?

Гауптман усмехнулся.

— Неужели вы думаете, что я отвечу на этот вопрос?

— Почему бы и нет? — пожал плечами я. — Сейчас вашей жизни ничего не угрожает, но его можно будет задать еще раз, просто применив к вам более болезненные способы побуждения к ответу.

— Вы собираетесь меня пытаться?

Я рассмеялся.

— На самом деле нет, тем более что всю необходимую мне в данный момент информацию я способен извлечь из перекрестного допроса вон тех пленных. — Я кивнул в сторону нескольких десятков немецких солдат и едва ли дюжины полицаев, которые остались в живых из приблизительно шести рот, что были в распоряжении гауптмана до начала операции. — С вами же мне хотелось просто побеседовать.

Он покосился в сторону лейтенанта Сокольниковой. Вследствие того, что работы для медиков среди личного состава нашего батальона сейчас практически не было, лейтенант деятельно занималась немцами, среди которых, наоборот, практически не осталось не раненых. Вот тоже еще забота!..

Я прекрасно помнил те взгляды, которыми она меня одаривала там, на лесном складе. И у меня не было иллюзий по поводу того, какие чувства в них читались. Слава богу, большинство бойцов и так уже записали ее в мои, так сказать, фаворитки, поэтому никаких особенных проблем ей это не принесло. Но мне-то что делать? Ведь на этот раз я точно не смогу ограничиться одним-двумя свиданиями. А на том пути, который мне предстоял, личные привязанности скорее ослабляли, чем делали сильнее, серьезно расширяя возможности моих врагов — настоящих и будущих — для воздействия на меня.

Но... если таков Кысмет, что мы можем изменить? Тем более что в девушке было то, что меня очень привлекало! И это отнюдь не внешность, а... довольно редко встречающаяся способность к беззаветной верности и непоколебимой преданности. И готовность честно нести свою ношу, в чем бы она ни заключалась. Просто ли в необходимости рожать детей и обихаживать их и мужа или в том, чтобы ночами до рези в глазах, до того, как скальпель вываливается из рук, склоняться над операционным столом, вырывая у смерти еще одну жизнь. А чаще всего таким женщинам приходится делать и то и другое...

Впрочем, женщины, принадлежащие к русскому этносу, всегда отличались этими качествами, пусть и не в таких серьезных концентрациях. Но свои лучшие качества этот этнос оказывался способным предъявить миру лишь тогда, когда в его сильной половине начинали преобладать мужчины, достойные таких женщин...

— Что ж, я не против, но при одном условии.

— Каком же? — заинтересованно спросил я, совершенно точно зная ответ.

— Потом вы дадите мне возможность пообщаться с фрейлейн Вилорой.

— Согласен...

Беседой, которую я, дабы избежать лишних ушей, предложил провести поглубже в лесу, по моему мнению, мы оба остались довольны. А в конце фон Зееншанце, по-моему, даже несколько подзабыл о своей просьбе. Но я ему напомнил:

— Вы по-прежнему хотите повидаться с фрейлейн Вилорой?

Гауптман вздрогнул, и с лица его ушла легкая улыбка, блуждавшая там последние пятнадцать минут.

— Да, непременно.

— Отлично, — сказал я, поднимаясь и доставая из кобуры свой ТТ.

— Что вы делаете? — удивленно произнес гауптман.

— Создаю основания для встречи с лейтенантом Сокольницкой и... ваше алиби для будущего расследования. Не дергайтесь. — С этими словами я несколько раз выстрелил в него, поразив в левую руку и правую голень, а также оставив впечатляющую царапину на лице. На выстрелы тут же прискакал мой взвод управления почти в полном составе, но я махнул рукой, показывая, что все в порядке.

— Мой вам совет, гауптман, уходите из этой армии. И вообще, постарайтесь насколько возможно дистанцироваться от этого режима. Для него наступают очень тяжелые времена. Уж можете мне поверить.

Он, еще ошеломленный столь неожиданным окончанием нашей вполне дружелюбной беседы, настороженно вскинул на меня глаза:

— Что вы имеете в виду?

Я улыбнулся. Не люблю озвучивать очевидное. Фон Зееншанце уставился на меня в упор, а затем тихо спросил:

— Кто вы?

Я качнул головой.

— Сейчас не время и не место об этом говорить, но, если вы хотите получить хотя бы шанс оказаться со мной на одной стороне, воспользуйтесь моим советом. — Я сделал короткую паузу, давая ему возможность если не понять, то хотя бы запомнить мои слова, а затем спросил: — Для встречи с фройляйн Вилорой вам нужен переводчик?

Он на мгновение задумался, потом качнул головой.

— Ну что ж... единственное, уединение я вам предоставить не могу. Это будет плохо и для вас, и для нее. — Я убрал ТТ в кобуру и махнул своим. — Возьмите этого фрица и отнесите к остальным. И пусть лейтенант Сокольницкая окажет ему первую помощь.

Через полтора часа после окончания боя над опушкой леса появился немецкий самолет. Он не стал снижаться, шеренги немецких трупов, усеявшие поле, были отлично видны и оттуда. Но нас на опушке уже не было. Оставшихся в живых полицаев я приказал расстрелять: предательство не заслуживает никакого снисхождения, — а вот уцелевших немцев просто связали и привязали к деревьям. Собранное немецкое оружие сложили в огромную кучу, облили бензином из грузовиков, которые также привели в полную негодность, и подожгли. Когда этот костер догорит, то даже его несгоревшее металлическое содержимое окажется годным только на переплавку. После чего я увел батальон обратно в глубь лесного массива.

За вечер и начало ночи мы удалились от места боя почти на пятнадцать километров. Здесь я устроил привал, собрав новое оперативное совещание.

— Итоги первого боестолкновения можно считать положительными, — начал я, а затем устроил своим командирам такой раздракон, что, будь народ чуть менее крепким, точно без обмороков бы не обошлось.

Иванюшин в конце даже досадливо обмолвился:

— И когда вы все успели заметить-то, товарищ капитан?

Я усмехнулся:

— Работа у меня такая. Ладно, на этом разбор закончим. Скажу только, несмотря на то что большинство этих недостатков, к счастью, в тех условиях, которые нам удалось создать, не были критически важны, так будет не всегда. Всем понятно, к чему может привести недостаточное внимание к маскировочным мероприятиям в случае подготовки засады или плохо выполняющее свои обязанности походное охранение на марше. И обратил я ваше внимание на них потому, что завтра батальон разделяется.

Все замерли. Они уже как-то привыкли, что я всегда рядом. И одной из причин, по которой я избрал именно эту тактику при проведении следующей операции, была именно необходимость дать своим командирам подразделений немного «поплескаться» в одиночку.

— Достаньте карты, — приказал я, — лист номер семь. Итак, следующими объектами атаки будут склады горюче-смазочных материалов вблизи населенных пунктов Оранчицы, Кобрин и Черемха...

На следующее утро обе роты ушли, а я с подразделениями, отнесенными к управлению батальона, двинулся в сторону Оранчиц.

До складов мы добрались на четвертый день марша. Все это время в небе постоянно маячили немецкие самолеты. Это несколько затрудняло

продвижение, но леса здесь были достаточно густые, так что обнаружения удалось избежать. Однако за роты я немного волновался.

Склады на меня особенного впечатления не произвели. Хотя охраны на них было заметно больше, чем на артиллерийских под Бронна Гура. Впрочем, оно и понятно. Те склады оказались заполнены вооружением, боеприпасами и имуществом, в подавляющем большинстве годным только на переработку. Горючее же, хранящееся на этом, могло напрямую идти в дело. И шло. Во всяком случае, когда мы подошли к складам, там стояли под разгрузкой несколько железнодорожных цистерн, а под загрузкой — два топливозаправщика и несколько грузовиков, в которые загружали бочки. Похоже, немцы просто включили эти склады в свою логистическую схему. Что, на мой взгляд, было вполне оправданно.

Атаку я назначил на два часа ночи. Поскольку на этот раз мы были более свободны в граничных условиях, все началось с того, что мы забросали гранатами казармы охраны. Причем особая ирония проявилась в том, что для этой атаки были в основном использованы немецкие гранаты, тут же окрещенные моими бойцами «колотушками», которые были единственными трофеями, принятыми нами на вооружение после первого боя. Практически одновременно были расстреляны часовые и охрана ворот. Затем бойцы перенесли огонь на танки с горючим, а два самых крупных из них я приказал подорвать сосредоточенными зарядами. Так что спустя сорок минут, когда мы покидали расположение складов, от языков огня, занявших полнеба, вокруг стало светло как днем.

Следующую атаку мы предприняли через три дня на стратегической автомагистрали Минск-Брест. За два дня, с утра первого из них и до вечера второго, в течение которых мы двигались параллельно магистрали, на ней было уничтожено более четырех десятков грузовиков и разгромлены три небольшие комендатуры, расположенные в населенных пунктах, через которые она проходила. Это практически полностью парализовало движение по трассе.

Судя по тому, что за эти два дня немцы практически никак не отреагировали на наши наглые (мы особенно и не скрывались) действия, их командование было в полной панике. Чего и следовало ожидать. Вряд ли у них под рукой имелся еще один столь талантливый командир, как фон Зееншанце, а он точно выбыл из игры в связи с ранением. И возможно, если он последует моему совету, насовсем. Подразделения, которые можно было бы довольно легко задействовать в операции против нас, мы уничтожили, а других в районе не было. Снимать войска с фронта? Ну... так мы их, похоже, еще не напугали. Скорее всего, в настоящий момент

немцы лихорадочно перебрасывали дополнительные силы из тыловых районов поблизости и, возможно, с территории генерал-губернаторства.^[4] Да и вообще, три почти одновременных нападения на склады ГСМ,^[5] расположенные столь далеко друг от друга, должны были полностью сбить их с толку.

А еще через день мой батальон воссоединился на лесном складе неподалеку от Бронна Гура, который был выбран в качестве точки randevu. И более бурной радости, честно признаюсь, мне пока наблюдать не приходилось. Все-таки иногда свободная демонстрация искренних чувств способна дать такой заряд, какого ты никаким иным способом получить не сможешь...

К сожалению, батальон понес первые потери. В первой роте, у Головатюка было трое убитых и семеро раненых, один из которых тяжело. У Иванюшина — пятеро убитых и восемь ранено, но все легко. Я, к счастью, обошелся без убитых, а раненых имелось только четверо. Причем во многом потому, что лично работал на подстраховке, двигаясь позади своих и своевременно снимая опасных стрелков. Ночью я вижу всего процентов на тридцать хуже, чем днем, и способен сохранять остроту зрения при намного большем, чем у моих ребят, световом контрасте. У рот такой подстраховки не было. Но в общем и целом операцию я решил считать успешной.

Дав людям двухдневный отдых, я снова вывел их к артиллерийским складам. На этот раз охрана здесь была более солидной, но соотношение сил не оставляло немцам никаких шансов. А наши последние действия настолько запугали небольшие гарнизоны, что подкрепления со стороны Бронна Гура так и не рискнули появиться. Так что через двадцать минут после начала атаки мы уже орудовали в знакомых пакгаузах. Расход боеприпасов во время всех состоявшихся операций оказался даже несколько больше того, чем я предполагал, наши запасы почти истощились, и этот «визит» был крайне необходим. Впрочем, я собирался нанести его изначально, прежде чем мы окончательно покинем этот район, потому и не стал уничтожать склады во время нашего первого, так сказать, посещения. Но сейчас мы собирались уходить, так что через два часа склады запылали. А батальон двинулся дальше на восток.

Спустя два дня мы совершили налет на железнодорожную магистраль Минск-Брест, разгромив эшелон и сняв рельсы почти на двухкилометровом отрезке. Кроме того, удалось за ночь выкопать из насыпи несколько сотен шпал. Я даже пожалел, что не додумался запастись на складах столь

полезной вещью, как БСЛ-110,^[6] ну да задним умом все крепки. И утром мы покидали магистраль, оставив за собой пылавшие на насыпи гигантские костры, столбы дыма от которых явно были видны не на один десяток километров, вселяя страх в солдат и командиров небольших немецких гарнизонов.

Когда я говорил своим бойцам, что мы окажемся для немцев опаснее танкового корпуса, я ни грамма не лукавил. Немцы неожиданно для себя потеряли контроль над гигантской территорией, потому что вследствие наших дерзких действий были вынуждены, опасаясь уничтожения, спешно снимать гарнизоны и комендатуры из небольших населенных пунктов и переводить их личный состав в более крупные гарнизоны. А об одиночном или в крайнем случае небольшими колоннами передвижении по дорогам им пришлось забыть. Теперь их грузовые автомобили могли себе позволить передвигаться только в составе больших колонн и под усиленной охраной. По всему выходило, что немцам придется выстраивать у себя в глубоком тылу новый фронт, на этот раз против меня.

Следующий удар захватчики вновь получили на автотрассе Минск-Брест. Мы подготовили засаду. Представление о том, насколько немцы испуганы, я получил, увидев, с какой охраной следует автоколонна. В состав конвоя, кроме четырех грузовиков с солдатами, входили бронетранспортер и два штурмовых орудия. Мы подпустили немцев поближе, а затем открыли огонь из пулеметов и противотанковых ружей. Поскольку целей для противотанковых ружей было всего три, по каждому штурмовому орудию открыло огонь сразу по пять ПТР. Еще два принялись обрабатывать БТР. Так что самая грозная часть конвоя была уничтожена в первые же секунды боя. А солдаты охранения, попавшие под шквальный огонь, в большинстве даже не успели покинуть кузова грузовиков.

Сразу после боя я посадил роты на захваченные грузовики и отправил одну из них на восток, а другую на запад, с задачей подавить всякое движение на магистрали километров на двадцать-тридцать в каждую сторону. Впрочем, особо много целей им не попало, хотя в паре населенных пунктов бойцы порезвились на славу. Показали немцам, что гарнизон численностью в роту недостаточен для того, чтобы считать себя способным защититься от атаки моих людей.

Это привело немцев в такое неистовство, что на следующий день над лесным массивом, в котором мы, по их предположениям, скрылись после окончания операции, весь день висело не менее трех десятков самолетов. Причем не просто висели, а остервенело бомбили каждую кочку и каждую лягушку, посмевавшую вылезти наружу и привлечь к себе внимание.

Мы наблюдали за всем этим издалека, из другого лесного массива...

Через два дня наконец установилась пасмурная погода; мы покинули взбудораженные, будто осиный рой, в который ткнули палку, глубокие немецкие тылы и двинулись в сторону фронта.

Пользуясь пасмурной погодой, я позволил себе несколько взвинтить темп движения, и батальон за пять дней преодолел более ста пятидесяти километров, выйдя, как выразился Головатюк, к «еще непуганому немцу». Возможно, такие темпы передвижения кому-то покажутся не слишком впечатляющими, но меня они полностью устраивали. Потому что имели очень понятную причину. И имя ей — лес.

Организованные армии не любят лес. Через лес практически не может двигаться техника, да и крупные массы людей идут сквозь него с большим трудом. К тому же, если нужно преодолеть расстояние между парой значимых точек, например между двумя населенными пунктами или населенным пунктом и, скажем, мостом через реку, то по самому удобному маршруту, как правило, уже проложена дорога. Все остальные маршруты скорее всего менее удобны, ибо, например, могут упираться в овраг, бурелом или заросли колючего кустарника.

Обороняющиеся в лесу сразу получают огромное, вплоть до десятков, а то и вообще до считанных метров, сокращение дистанции действенного огня по противнику. Для наступающих, наоборот, затруднительно пользоваться средствами огневого усиления и авиационной поддержкой. Короче, лес — место ни для боя, ни для марша. Даже контролировать лес чрезвычайно тяжело, ибо наблюдательные посты в лесу способны контролировать куда меньшее — на порядки — пространство, чем в других условиях. И чтобы надежно перекрыть наблюдательными постами и патрулями даже небольшой лесной массив, нужен такой расход сил и средств, что ни на что другое их не останется.

Но я сразу, с первого дня задумал сделать лес своим союзником. И именно в соответствии с этой мыслью и построил всю систему подготовки, почти совершенно исключив иную местность в качестве варианта для прокладки маршрутов движения.

Сначала было сложно. Не перечесть сколько раз моим бойцам пришлось вправлять вывихи ног, как много было исцарапано лиц и рук и порвано обмундирования. Мои орлы спотыкались о корни, проваливались в лесные овражки, сваливались в лесные ручьи, но мало-помалу привыкали к лесу. А лес привыкал к ним. За длинными колоннами моего батальона, идущими через чащобу, с каждым днем оставалось все меньше и меньше

обломанных сучьев, растоптанных кустов, следов коленей и локтей на мягкой лесной почве. Стайки соек и галок поднимали все меньший гам, а ежи вообще перестали обращать на нас внимание. Мы чем дальше, тем больше превращались в часть леса, неотделимую от него.

Первое время на расстояние, которое по дороге мы могли бы преодолеть за час, в лесу мы тратили четыре, а то и пять часов, потом оно сократилось до трех, затем до двух. Теперь же мы были способны двигаться походной колонной по среднeperесеченному лесу всего лишь немногим медленнее, чем по дороге. Поверьте, это дорогого стоит.

Если на пути колонны появлялся ручей или овраг, обход которого не удавалось быстро обнаружить, передовое охранение быстро срубало саперными лопатками с остро заточенным боковым краем пару-тройку нетолстых деревьев (с соблюдением, впрочем, всех мер маскировки) и перебрасывало через препятствие временный мостик, оставляя около него сигнального. Он встречал головную часть ротной колонны сообщением: «Один», либо «Два», или «Нормалек». «Один» означало, что устроенный мостик способен выдержать одного человека, и следующему необходимо ждать, пока предыдущий не покинет мостик. «Два», соответственно, что мостик выдержит двоих, а «Нормалек» означал отсутствие любых ограничений. Непроходимые заросли либо обходили, либо в них прорубался проход с помощью все тех же саперных лопаток. Причем достаточно узкий, и не прямой линией, а извилисто, чтобы наблюдатель с воздуха не смог бы абсолютно точно идентифицировать его как дело, причем недавнее, человеческих рук, а считал бы или как минимум допускал, что это след прошедшего лося или кабана. Подобные препятствия, конечно, сильно замедляли наше движение, но уже не были для нас непреодолимыми.

Именно это и обуславливало нашу столь непонятную для немецких командиров неуловимость. Мы не создали в лесу постоянную базу, где укрывались бы после боевых операций, и которую, пусть и с трудом, но можно было бы обнаружить, а затем, окружив превосходящими силами, при поддержке авиации и артиллерии уничтожить. Мы не использовали лес для временного укрытия, чтобы потом опять воспользоваться удобной дорогой, как это делало большинство сравнимых с нами по численности групп, выходящих из окружения. Мы выходили из леса только для того, чтобы нанести удар. А потом уходили обратно, уже почти равнодушно взирая на немецкие самолеты, кружащиеся в небе и высматривающие, когда же на какой-нибудь, пусть даже маленькой, лесной, но все равно *дороге* появится эта проклятая русская воинская часть. Потому что не

может же она идти и идти сквозь леса, да еще в отсутствие проводников. Это же просто абсурд! Лес — лишь временное укрытие. Спрятавшись в лесу, войска немедленно теряют подвижность, а это подразделение показало себя очень мобильным. Значит, надо смотреть на дороги еще более внимательно.

Но мы сделали нашей дорогой — лес. И не пожалели об этом...

А спустя еще шесть дней мы вышли к Березине.

Я дал батальону два дня на отдых и приведение себя в порядок. И на этот раз даже самый опытный воздушный наблюдатель не смог бы обнаружить ни единого следа того, что здесь, на заросшем лесом берегу реки, устроили постирушки три сотни человек.

А вечером второго дня я снова собрал оперативное совещание.

— Итак, мы сейчас находимся на территории, как славно выразился наш старшина, «непуганого немца», что, с одной стороны, очень неплохо, но с другой — мы об этой территории пока ничего не знаем. Поэтому задача номер один: добыть информацию. Следовательно...

— Нужен язык, — заявил Шкраба, за время боевых действий выдвинувшийся в почти штатные командиры разведчиков и потому приглашенный на это совещание.

— Точно. Какие будут предложения?

Мои командиры переглянулись, потом Головатюк произнес как нечто само собой разумеющееся:

— Дорога. Они же здесь еще непуганые...

Языков я получил на следующий день, причем сразу двоих. Один был поваром, и Шкраба загреб его в тот момент, когда он ехал на реквизированной у местного населения подводе с продовольственного склада, изрядно накачавшись с приятелем-кладовщиком местной самогонкой, а второй — водителем грузовика.

Машину перехватили на участке дороги, идущей по берегу реки, и, после того как оприходовали повара, загнали его в реку. А руль и приборную доску щедро оросили все той же самогонкой, отобранной у повара. Чтобы у тех, кто обнаружит грузовик, появился соблазн объяснить происшествие не нашим появлением в округе либо действиями еще какой-то схожей группы, а последствиями обыкновенной пьянки за рулем, закончившейся тем, что пьяный водитель вывалился из кабины в реку, где и утонул. А тело унесло течением.

С поваром мои разведчики тоже подкинули немцам простое объяснение, мол, захватили не только его, но и все продовольствие, которые он вез. Немцы изрядно прошерстили местное население на предмет

жратвы, так что оно вполне могло несколько обозлиться и таким вот образом компенсировать отобранное. Человек вообще так устроен, что при возникновении любых неприятностей, как правило, предпочитает искать не истинную причину, а наиболее простое и удобное для него объяснение. Ну а меня очень порадовало, что ребята вовсю начали следовать моим наставлениям о введении противника в заблуждение. Даже в столь ограниченных операциях, как захват языка.

Допрос пленных нарисовал очень интересную картину. Вокруг и особенно впереди все было забито войсками. Такой идиллии, в которой мы действовали ранее, здесь и близко не наблюдалось. И стоит нам только разворошить это осиное гнездо, как на нас обрушатся такие силы, что даже подумать жутковато. Но и мы были уже не те, что раньше. Нас уже сложно испугать. В конце концов, мы оказались, наверное, единственным подразделением отчаянно обороняющейся армии, перед которым немцы в испуге складывали оружие...

Первой задачей я поставил вновь добыть карты. Причем не только себе, но и моим командирам. Они в отличие от меня не умели запечатлевать информацию в памяти с единого брошенного взгляда. Впрочем, я уже как-то замечал, что сначала Головатюк и его взводные, а потом и другие вечерами, сидя у костра, занимались тем, что... зубрили карту. Запоминая наизусть обозначенные на ней не только крупные населенные пункты и, скажем, мосты, но и всякие овражки, ручьи, перелески, мостки. И, похоже, у них неплохо получилось. Во всяком случае, я был свидетелем, как задачу походному охранению Головатюк ставил, не доставая карты, точно перечислив при этом весь предполагаемый маршрут движения.

А ребята-то за мной тянутся!..

Ближайший штаб, в котором можно было разжиться картами, по показаниям пленных, находился в сорока километрах от места, где мы расположились. Водитель как-то сделал туда пару рейсов. Это определило мое решение и на этот раз сработать в одиночку. Я собирался начать действовать сразу быстро и масштабно, не только не дав противнику времени опомниться и организовать против нас согласованные действия, но и даже точно понять, где мы, сколько нас и одно ли подразделение против них действует или несколько разрозненных.

Но даже и в этом случае, при такой насыщенности войсками и буквально в минутах полетного времени от расположенных поблизости аэродромов фронтовой авиации, в запасе было максимум три-четыре дня, прежде чем нас серьезно зажмут. Поэтому максимум, на что мы могли рассчитывать, — это на какую-нибудь единичную операцию, а затем нужно

быстро уносить ноги. Нет, я не сомневался в том, что если нас зажмут, то как минимум один раз мы вырвемся, но с какими потерями... А каждый лишний день пребывания в местности, забитой войсками, повышал вероятность случайного обнаружения. И тогда все мои расчеты по времени следовало сразу делить на два, а то и на три. Поэтому я решил действовать в одиночку, чтобы обернуться за день.

Я вышел на рассвете и уже к полудню оказался на окраине деревни, в которой, судя по информации водителя, располагался штаб немецкой танковой дивизии. Я бы добрался быстрее, но незнание местности сыграло свою роль. Пришлось несколько раз искать обходы оврагов, а однажды форсировать вброд небольшую речушку с крайне топкими берегами. Но, в общем, пока я был вполне в графике.

Теперь предстояло решить, как проникнуть внутрь штаба. Самым простым на первый взгляд казалось снова повторить трюк с захватом транспортного средства, но я в принципе не люблю повторяться. При повторении большая опасность скатиться в привычное, а там уже остается полшага до ошибки. И тогда придется вырываться из гущи немцев с боем.

Нет, в своих кондициях я не сомневался, но, если, не дай бог, такое произойдет, шум поднимется невероятный. И о внезапности наших действий и периоде растерянности противника можно будет позабыть. А это порождало такую цепочку негативных моментов, в конце которой я предполагал возрастание ситуативных потерь не менее чем в два раза. А если вмешается хаос, то и на порядок. Что меня категорически не устраивало. Поэтому я решил рассмотреть иные варианты.

К избе, в которой размещалось нечто вроде секретной части, я подобрался около пяти часов вечера. Путь через деревню, занятую немцами, оказался не очень сложен. Уж больно расслабленно они тут себя чувствовали. Большинство не занятых на службе рассосались по дальним огородам, дабы максимально снизить шанс попасться на глаза офицеру, и разлеглись на траве, сняв сапоги и мундиры. Я подобрался к одному такому кадру, безмятежно похрапывающему на солнышке, выставив напоказ свои черные пятки, присел и аккуратно зажал ему сонную артерию. Он еще несколько мгновений могуче всхрапывал, а потом обмяк. Нет, убирать его я не собирался, лишний труп — лишний шум, только обеспечил, пока я буду шастать в его форме по деревне, чтобы он не хватился своих шмоток и не поднял кипеж (ну вот, уже лексикон Кабана привязался...) по поводу их отсутствия.

Спустя десять минут я уже лениво брел огородами, почесывая белую

грудь, посверкивавшую между полами накинутаго на плечи мундира, и старательно позевывая. Лицо зевающего слишком перекошено, чтобы брошенный на него случайный взгляд мог бы сразу опознать или, в моем случае, сразу *не узнать* зевающего.

День сегодня стоял жаркий, поэтому на улице было не особенно многолюдно. Тем более что на самой улице я показался всего пару раз. Один — когда переходил на другую сторону, а второй — когда в крайне расхристанной позе и с надвинутой глубоко на лоб пилотке минут семь изображал нагло спящего после сытного обеда солдата. Мне нужно было понять, кто находится внутри выбранной мной в качестве объекта акции избы и как часто туда заходят люди.

Если подходить принципиально, то, конечно, семи минут для получения достоверной выборки маловато, но я надеялся, что в моем случае этого хватит, ибо каждая лишняя минута была чревата тем, что на улице появится кто-то из офицеров. А я сильно сомневался, что какой-либо офицер равнодушно отнесется к такому зрелищу, вроде нагло и даже демонстративно дрыхнувшего среди бела дня солдата. Так что спустя семь минут я убрался во двор и разлегся на лавке уже там, ожидая удобного момента.

Изба оказалась помещением, не пользующимся популярностью, и внутри, судя по результатам наблюдений, находился всего один человек. В принципе был вариант подождать до темноты, пока большая часть шляющегося по окрестностям личного состава уползет дрыхнуть, но я не был уверен, что в этой избе не заночует еще пара-тройка человек. Никакой проблемы для меня это не составляло, зато резко повышало шансы на то, что мне придется их убить. А это означало практически расписаться в том, что здесь действовал диверсант. Что было совсем не в моих интересах. К тому же ночью звуки вследствие того, что все успокаивается, гораздо более слышны, а при столь крупном штабе будет достаточно бодрствующих, чтобы среди них нашелся один, расслышавший что-то не то и поднявший тревогу. Не обязательно, конечно, но очень вероятно. Так что я решил все закончить до окончания ужина.

На ужин местный личный состав позвали около шести часов. Повар в фартуке, который, вероятно, когда-то был белым, вылез на крыло своей полевой кухни и заорал, одновременно стуча поварешкой по алюминиевой миске. Спустя пару минут из деревенских изб, с сеновалов и с дальних концов огородов к импровизированной столовой, оборудованной во дворе неподалеку от полевой кухни, потянулись неспешные вереницы разморенных завоевателей. Какой-то доброхот побеспокоился и обо мне,

тряхнув за плечо и весело гаркнув:

— Вставай, парень. Ужин!

Я недовольно побурчал, сладко потянулся, ожидая пока он покинет двор, а затем встал и, почесываясь и прихрамывая, будто со сна у меня затекла нога, двинулся в сторону избы.

Внутри оказался только один человек. Я ввалился в избу, проигнорировал удивленный взгляд, громко буркнул: «Доннерветер, чем это так воняет?!» — затем сделал пару шагов, обходя стол, за которым он сидел, и коротким движением врезал ему в уже привычную точку номер три под основание черепа. Он тут же обмяк. Я быстро обыскал помещение. Карты оказались здесь. Я взял два десятка листов, аккуратно свернул их и заткнул сзади за пояс, а затем наклонился над печью.

К сожалению, здесь удача была не на моей стороне. Впрочем, сложно было ожидать, что в такую жару кому-то придет в голову растапливать печь. Я тихонько ругнулся себе под нос, выгреб из-за печки ведро с золой и несгоревшими углями и быстро набросал в топку углей. После чего позаимствовал у типа, которого я отключил, зажигалку и, щедро сбрызнув угли бензином из зажигалки, запихнул туда же собранные со стола документы, предварительно окинув их взглядом, чтобы запомнить содержание, и добавив с края пару листов карт. По-видимому, эту печку клал настоящий мастер, потому что огонь занялся весело и спустя пять минут угли уже вовсю лиловели. Я удовлетворенно кивнул и задвинул заслонку, перекрывающую дымоход. После чего тихо покинул избу. Следующие десять минут я следил за дверью, не придет ли кому-нибудь в голову, скажем, принести обитателю избы пожрать, либо просто кто-то захочет зайти поинтересоваться, почему, скажем, Йохан не идет на ужин. Но все обошлось. Поэтому я тихонько двинулся обратно, к телу, у которого я позаимствовал форму.

Через четверть часа я уже двигался в обратную сторону, к месту расположения своего батальона. Пока все прошло идеально. Если в дом не зайдут в течение часа, отключенный мной немец спокойно угорит, заставив потом всех ломать голову, зачем это он растопил печь и сделал это с помощью документов и секретных карт? Несомненно, назначат расследование. Будут строить разные версии, например потерю ориентации вследствие отравления местным алкоголем. Кто-то бросится яростно не соглашаться, но все будет крутиться вокруг вполне бытовых тем. Если же в избу зайдут раньше, то немца спасут. И даже если он что и вспомнит, так это то, что в избу заходил какой-то солдат и унюхал нечто неприятное. После чего его как отрубило. И он будет ломать голову над тем, что это с

ним произошло, уже вместе со всеми. Главное, что никто не сможет предположить во всем этом действия вражеских диверсантов, не рискуя при этом прослыть полным идиотом. Ну ничего себе диверсанты — никого не убили, ничего не украли, а только сожгли. Зачем приходили-то? Печку растопить?..

Вечером я собрал новое оперативное совещание. Если бы передо мной не стояла задача обучения, я бы просто отдал распоряжения и распустил командиров готовить подразделения, но, поскольку такая задача стояла, я поступил по-другому:

— Значит так, товарищи командиры, — начал я, раздав карты, на которые уже нанес информацию, имевшуюся на данный момент, — теперь нам предстоит решить, что делать дальше. Варианта — два. Во-первых, учитывая плотность войск противника, мы можем продолжить скрытное движение к линии фронта, до которой осталось несколько переходов. Во-вторых, учитывая, что в радиусе нескольких десятков километров находится ряд объектов, имеющих стратегическое значение, мы можем сначала устроить немцам весьма крупные неприятности, а затем уже двинуться к линии фронта. При этом, я думаю, все понимают, что после того, как мы устроим эти неприятности, продолжать движение нам придется в намного более беспокойной обстановке. Ваши предложения?

Все молча смотрели на меня. Я тоже молчал. Э, нет, ребята, мне нужны командиры, способные реально оценивать обстановку, искать и находить оптимальное решение, а не просто исполнители, пусть даже талантливые.

— Товарищ командир, — громко откашлявшись, начал Иванюшин, — если я правильно понял, то основными объектами, которые было бы желательно уничтожить, являются, во-первых, железнодорожный и автомобильный мосты через реку, во-вторых...

Оперативное совещание закончилось далеко за полночь. И я был им страшно доволен. Мои ребята, по существу, самостоятельно разработали всю операцию, оставив мне только труд подправить некие штрихи, заметные лишь опытному глазу, и уточнить диспозицию по времени. Но опыт — дело наживное. А вот прогрессировали ребята просто семимильными шагами.

На следующее утро батальон опять распался на три оперативные группы. Себе я взял задачу уничтожения железнодорожного моста, поскольку, судя по имеющейся информации, он охранялся наиболее сильно. Поэтому около десяти утра после плотного завтрака три колонны двинулись к выбранным для атаки объектам. Темп движения предполагался не слишком высоким, поскольку в этой местности была довольно плотная

сеть населенных пунктов и вследствие этого развитое дорожное сообщение. Поэтому при постановке задачи я уделил особое внимание мерам маскировки при совершении марша и бдительности походного охранения.

К мосту мы вышли на третий день, потому что почти весь предыдущий пришлось отсиживать (вернее отлеживаться) в просматриваемом насквозь перелеске неподалеку от железнодорожной насыпи. За это время мимо нас проследовал всего один эшелон, и это означало, что движение на разрушенном нами участке железной дороги в прежнем нашем районе дислокации пока еще полностью не восстановлено. Впрочем, это было объяснимо. Мы их там так напугали, что, я думаю, работы немцы начали только после того, как сумели наскрести достаточно подразделений, чтобы обеспечить не просто охрану, а полноценную оборону участка работ. И вели их скорее всего только в дневное время, на ночь убираясь обратно в гарнизон. Ну а то, что мы собирались предпринять теперь, должно было еще больше затруднить им переброску сил к линии фронта и резко ограничить возможности маневра. В таких условиях любой разумный командир должен был бы надолго забыть о продолжении наступления.

Мост охранялся еще лучше, чем нам сообщил пленный водитель. Общая численность охраны составляла не менее усиленной роты при поддержке двух батарей зенитных орудий, общим числом в восемь штук. Рота охраны имела оборудованные полевые позиции с окопами полного профиля, а кроме того, по обеим сторонам моста на расстоянии от двадцати до ста метров от входного и выходного пролетов с помощью мешков с песком были оборудованы еще несколько пулеметных гнезд. Подходы к мосту и оборонительным позициям прикрывались минами. С точки зрения обычной полевой тактики этого времени для атаки на мост потребовался бы полноценный пехотный батальон со средствами усиления. Или диверсионная группа в полной экипировке. Ну или один гвардеец. А уж если у него еще есть помощники...

К операции я готовился два дня, вернее две ночи, излазив весь район обороны, и даже на вторую ночь довольно спокойно переправившись по мосту на противоположенный берег. Человек, не ожидающий особой опасности, существо довольно безмятежное. Даже если он стоит на посту. А использование в системе ночной охраны прожектора, на мой вкус, скорее недостаток, чем подспорье, ибо прожектор создает слишком сильный контраст освещенности. Вследствие чего, для того чтобы остаться

незамеченным, нужно только не попасть в его луч. Остальное просто. Двигайся, когда все трое часовых смотрят в другую сторону, и не двигайся, когда кто-то смотрит в твою. В этом случае даже на открытой местности часовой тебя не заметит. Его глаз будет ослеплен отраженным светом от полосы освещенного прожектором участка местности. Впрочем, пару раз я чуть было не попался...

Атаку мы начали на рассвете. За два часа до этого я снял около сорока мин, сделав довольно широкий проход вдоль путей, и аккуратно разместил снятые мины на наиболее коротких маршрутах выдвижения от казармы охраны, располагавшейся на нашей стороне реки, а также к окопам, орудиям и пулеметным позициям. Когда начнется стрельба, суматошно бегущих по своим местам солдат ждут очень неприятные сюрпризы.

За полчаса до рассвета я выдвинул практически к самому срезу воды все свои пулеметы. Их главной задачей было не допустить ни единого выстрела со стороны зенитных орудий, каковую, учитывая мои минные постановки, я считал не шибко сложной. Ну а дополнительной задачей была огневая дуэль с пулеметными расчетами, во всяком случае, до того момента, пока мы не подберемся к ним на расстояние броска гранаты. Минометчикам же было приказано подавить дежурных пулеметчиков на противоположенном берегу реки и в случае чего накрыть четыре расположенных там же зенитных орудия, если у наших пулеметчиков по каким-то причинам с этим выйдет заминка.

Все прошло довольно успешно. Прежде чем поднялась тревога, бойцы сумели по проделанному мной проходу подползти практически вплотную к дежурному пулеметному расчету. Так что когда раздался первый вопль «ахтунг!», в пулеметное гнездо полетело сразу четыре гранаты. Пулеметная очередь захлебнулась, едва начавшись. Бойцы быстро поднялись и бросились вперед, торопясь добраться до окопов, а за их спинами забухали минометы, накрывая противоположный берег. Немцы начали выскакивать из казармы через пару минут, но мои бойцы молчали, ожидая, пока первые из солдат не добегают до установленных мною мин, а затем в окна казармы снова полетели гранаты.

Все было закончено через пятнадцать минут. Я приказал переправить тяжелое вооружение на противоположный берег, взорвать гранатами орудия на этом берегу и занять оборону, поскольку неподалеку располагался городок, буквально набитый немцами. Я был уверен, что вскоре к нам пожалуют гости, привлеченные устроенным концертом. Минометчиков я поставил за зенитки. Сам же занялся подготовкой моста к взрыву...

Я успел заложить только четыре из шести необходимых зарядов, когда со стороны западного берега реки послышались шум моторов и лающие команды на дэйче. Что ж, немцы опомнились довольно быстро, но, к сожалению, все равно поздно. К их сожалению, конечно...

Зенитки у немцев оказались просто загляденье. Первую атаку мы отбили, даже не успев расстрелять по одной ленте из трофейных пулеметов. И едва ли по половине магазина из остального оружия. Все сделали зенитки. Взрыватели бризантных снарядов устанавливались на необходимую дальность, и наступающие (пока весьма жидкие) цепи пехоты были просто сметены стальным дождем осколков. А предпринять вторую атаку немцы не успели. Я дал команду на отход.

И с реакцией у немцев также обстояло не лучшим образом. Мои бойцы успели пробежать половину моста, когда фрицы наконец опомнились и, открыв шквальный огонь (правда, вследствие большой дальности не слишком эффективный), торопливо двинулись вперед. Их первый десяток даже успел ворваться на мост, и тут сработала первая пара зарядов. Так что те, кого не разорвало на месте, вопя, полетели вниз вместе с западным концом мостового пролета. Мы же в этот момент, подорвав гранатами замки оставшихся четырех зениток, на глазах у немцев, неторопливо, с достоинством, двинулись на северо-восток... чтобы спустя полтора километра резко сменить направление движения на юго-восточное и скорым маршем двинуться к назначенной точке randevu.

* * *

Батальон воссоединился через полтора дня. Вторая рота под командой Иванюшина, так же использовавшая свой объект атаки — автомобильный мост — для переправы на противоположный берег, подошла чуть позже. А первая рота Головатюка, заранее, за ночь до атаки на свой объект, подготовившая плотики для переправы тяжелого вооружения и имущества и замаскировавшая их в небольшом перелеске на берегу Березины, сумела оторваться от преследования и переправиться через реку еще до рассвета. Поэтому Головатюк добрался до точки randevu первым. Я подсчитал потери. На этот раз мы потеряли в общей сложности двенадцать человек убитыми и около тридцати ранеными. Из них как минимум трое — тяжело. Поэтому, несмотря на то что весь район уже всполошился, мы были вынуждены задержаться, чтобы Вилора сделала три операции этим трем. Бросать мы их не собирались, к тому же я рассчитывал, что с помощью

моих иголок уже через неделю тяжелые будут способны к самостоятельному передвижению...

Следующие несколько дней мы двигались только ночами, останавливаясь всякий раз, когда над головами появлялись немецкие самолеты. Леса здесь были менее густыми, и я не хотел рисковать. Судя по тому, что самолетов, кружащихся над нами, были единицы, а звенья и эскадрильи тянулись куда-то гораздо севернее, нам удалось и на этот раз ввести противника в заблуждение. И было бы глупо из-за собственной безалаберности навести их на реальный маршрут батальона.

Двумя днями позже мы переправились еще через одну реку, на этот раз воспользовавшись опытом роты Головатюка, и спустя сутки оказались в прифронтовой полосе. Я дал батальону один день отдыха, поставив задачу Шкрабе добыть языка. Он справился довольно быстро. На этот раз попался капрал, следовавший в штаб дивизии с пакетом. В пакете оказался просто царский подарок — карта! Да еще с нанесенной обстановкой. Из допроса и анализа карты выяснилось, что немцы готовили местную операцию по оптимизации линии фронта, так что на самом деле все складывалось просто великолепно. Если мы сорвем эту операцию, да еще приволочем советскому командованию ценного пленного, то процесс моей легализации должен будет пройти без сучка без задоринки.

Я даже не подозревал, *насколько* в тот момент был наивен...

* * *

Поскольку пропажа посыльного со столь секретными сведениями должна была неминуемо поднять большой переполох, я решил действовать быстро. Едва стемнело, мы выдвинулись к штабу полка, из которого и был отправлен капрал, и застали там нервную суету. Несмотря на ночь, штаб гудел как растревоженный улей.

Я развернул минометчиков на опушке леса, а станковые пулеметы расположил на обоих концах деревни с задачей воспрепятствовать подходу подкреплений, буде они успеют появиться. А затем дал сигнал к атаке.

Штаб был уничтожен практически молниеносно. Атака была очень похожа на ту, что мы провели в Бронна Гура, — приближение на расстояние гранатного броска, затем атака гранатами, однако в этот раз мы не стали отрываться и уходить, а наоборот, ворвались в здание штаба. К сожалению, командир полка и начальник штаба оказались убиты гранатами, но замначальника штаба и начальника разведки полка нам

удалось захватить. Быстро выпотрошив сейфы, я дал команду на отход, и спустя час мы уже двигались ускоренным маршем в сторону линии фронта. Нам оставался последний бросок...

На засаду мы нарвались к вечеру. Если честно, уже после полудня у меня начало нехорошо сосать под ложечкой, и я несколько переформировал походную колонну батальона, выделив еще один, второй, головной дозор в составе также целого взвода. И когда впереди, там, где двигались оба взвода, послышалась стрельба и начали рваться минометные мины, у меня появилось лишних три минуты на развертывание. Возможно, это нас и спасло. Потому что, когда впереди взревели моторы танков, я уже успел сманеврировать бронебойщиками и начать разворачивать роты.

Бой был страшным. Когда мы позже посчитали потери, оказалось, что в этой схватке мы потеряли убитыми почти сорок человек, то есть почти в два раза больше, чем все потери батальона во всех боевых операциях до этого. И меня совершенно не утешал тот факт, что потери противника составили сотни людей. Впрочем, надо отдать должное, засаду немцы подготовили очень грамотно. И соотношение сил явно было не в нашу пользу. Нам преградили путь два батальона, успевшие полностью развернуться и оборудовать позиции, и у них были танки. Единственное, что было на нашей стороне, — это лес...

Из шести танков, которые бросили против нас, мои бронебойщики успели сжечь пять. Один вовремя просек ситуацию и уполз куда-то за свой левый фланг. Наступающие цепи мы прижали к земле огнем станковых и ручных пулеметов. По насыщенности этим оружием моему батальону не было равных ни в немецкой, ни в Красной армии. И немцы явно не ожидали такой плотности огня. Минометчики пристрелялись довольно быстро и втянули немецких коллег в затяжную дуэль, сильно ослабив их воздействие на батальон. В схватке на несколько минут установилось шаткое равновесие, которое довольно скоро должно было качнуться в ту или иную сторону. Но я не собирался давать противоположной стороне ни единого шанса.

— Головатюк, Иванюшин — перекатом вперед! — приказал я. — На рубеж броска гранат!

И спустя десяток секунд пулеметчики каждого отделения, пригибаясь, коротким броском рванули вперед. Восемь-десять шагов и вновь припасть к траве, а затем, чуть отдышавшись, воткнуть сошки ДП в мягкую почву и, вскинув приклад к плечу, надавить на гашетку. Короткие — в два-три патрона — очереди туда, где что-то шевельнулось, где виднеется над травой макушка вражеской каски. Не столько чтобы непременно убить, а

чтобы не дать им поднять голову, не дать прицельно выстрелить по тем ребятам, кто сейчас, пригибаясь, несется над травой, спеша занять место рядом с тобой, на твоём рубеже, на котором ты пока один. Но вот уже справа затарахтел ППД, затем сварливо и хлестко подала голос винтовка, потом еще одна... И вот уже снова твоя очередь бежать к следующему рубежу — навстречу вражеским пулям, надеясь лишь на то, что те, кто остался позади, не дадут этим фашистским уродам поймать в прицел твое лицо и успеть нажать на спуск...

Я считал умение моих людей воевать гранатами тем самым козырем, который позволит нам обратить довольно удачную и, скажем прямо, блестяще исполненную задумку немцев против них самих. Тем более что, по моим прикидкам, средняя дистанция броска у моих людей была метров на восемь-десять дальше, чем у немцев. А если еще использовать более тяжелые Ф-1, то мои парни должны были зашвырнуть их метров на пятнадцать дальше, чем беспорядочно кувыркающиеся в воздухе и цепляющиеся за ветки немецкие «колотушки». Конечно, в этом случае и бросающий, поскольку он находится на открытой местности, попадает в радиус разлета осколков, но тут уж как повезет. Иногда, чтобы добиться перелома, просто необходимо идти на риск, в иных ситуациях кажущийся неразумным. Так устроена война. К тому же между эпицентром разрыва и моими ребятами наличествовали кое-какие препятствия в виде стволов деревьев и густой кроны.

Так и произошло. А уж того, что русские пойдут в остервенелую рукопашную, примкнув штыки и обнажив ножи, они вовсе не ожидали...

Мы прорвались. До ничейной полосы с наскоро оборудованными проволочными заграждениями и противопехотными минами, просто набросанными поверх травы, мы добрались бегом. Похоже, мы двигались через участок одного из этих двух батальонов, потому что траншеи, через которые мы перепрыгивали, были практически пусты. Лишь кое-где в цепи время от времени вспыхивала короткая, на десяток-другой секунд, перестрелка, по-видимому, с дежурными расчетами и наблюдателями, у которых не достало ума укрыться и переждать, пока эта страшная толпа русских пронесется над ними и скроется на той стороне. Мои бойцы неслись вперед, даже не отвлекаясь на то, чтобы швырнуть в проем блиндажа дежурную гранату. Это было опасно, потому что если кто-то из более умных фрицев там затаился, то немного позже они могли ударить нам в спину. Но сейчас я, пожалуй, склонен был не предпринимать ничего, что задержало бы наше движение.

В принципе операцию по оптимизации линии фронта можно было

считать сорванной. Не говоря о том, что разгром штаба полка уже сделал ее практически неосуществимой: похоже, для засады на нас немцы использовали как раз те силы, которые и были сосредоточены для этой операции. Два полнокровных батальона при поддержке танков... по моим подсчетам, сейчас это почти равнялось обескровленной тяжелыми арьергардными боями русской дивизии.

Еще двести метров бега по усыпанной воронками ничейной полосе, и... из траншеи впереди высунулось оторопелое лицо и, настороженно направив в нашу сторону ствол трехлинейки, пробормотало:

— Братки, вы откуда?

Бежавший первым Кабан сорвал с головы пилотку и, швырнув ее вверх, восторженно заорал:

— Наши-и-и!!!

Я остановил батальон, отойдя где-то метров на шестьсот от первой линии окопов. Мои орлы были радостно растеряны, многие обнимались, кое у кого в глазах стояли слезы. Радостная сумятица продолжалась несколько минут, а затем ко мне подошел Кабан и внезапно спросил:

— Товарищ капитан, а нас не расформируют?

И весь батальон повернулся ко мне, глядя с молчаливой надеждой. Я не мог обмануть их ожидания.

— Нет, — ответил я и отрицательно мотнул головой.

— Кто здесь командир?

Я обернулся. К нам легкой рысью подбежал слегка растрепанный майор без головного убора и с расстегнутым воротником. Сзади него рысило еще несколько человек, среди которых я буквально натолкнулся на взгляд одного капитана. В отличие от остальных форма на нем выглядела довольно новой. Я негромко подал команду:

— Становись!

Батальон охватила легкая суета, всегда предшествующая моменту, когда строй затвердевает стройными шеренгами.

— Равняйся! Смирно! — Я развернулся к майору. — Товарищ майор, сводный батальон...

Через два часа в распоряжение полка, через чей участок мы вышли к своим, подъехало высокое начальство. И меня вызвали к нему. Когда я вошел в блиндаж, за столом сидели аж два полковника и один генерал. А еще там был капитан, которого я заметил еще при первой встрече после нашего прорыва. Судя по васьковскому околышу и по тому, что он был здесь, капитан принадлежал к органам безопасности. И его взгляд мне сразу очень не понравился...

— Итак, капитан, — начал генерал, когда я доложил о прибытии, — расскажите нам, как в ближайшем тылу немцев появился целый батальон?

— Пришел, товарищ генерал, — сообщил я весьма очевидную вещь.

— Пришел? Откуда?

— Ну... если брать начальную точку маршрута, то из района Кобрин — Береза-Картузская — Бронна Гура.

— Откуда?! — генерал изумленно вытаращил глаза. А потом побавровел: — Ты мне тут ваньку-то не валяй. Нам тут сказочек-то не надо...

Я качнул головой.

— Никаких сказок, товарищ генерал. Мой сводный батальон был сформирован из остатков подразделений 75-й стрелковой дивизии и личного состава других частей именно в районе Кобрин — Береза-Картузская — Бронна Гура. Часть личного состава — пленные, освобожденные из транзитного лагеря военнопленных в районе Березы-Картузской.

— В вашем отряде есть сдавшиеся в плен? — подался вперед тот самый капитан с неприятным взглядом.

— Никак нет, — спокойно ответил я.

— Но ведь вы только что сказали...

— Я сказал, что в моем отряде есть люди, освобожденные из лагеря военнопленных. Но не один из них не *сдался* в плен, они *попали* в плен, причем подавляющее большинство уже будучи ранеными, контужеными и расстреляв весь боезапас до последнего патрона.

— Какая разница, — презрительно кривя губы, начал капитан, — если попал в плен...

— Большая, — оборвал я его. — Для тех, кто действительно сражался с немцами и видел их глаза через прорезь прицела, конечно.

Я почти сразу понял, что с этим капитаном у меня не получится никакого сотрудничества в любом случае. Так что я выбрал его как объект социального давления. Среди сисанов распространена пословица: «Скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто ты». Наши враги показывают нас социуму не менее, а, пожалуй, более ярко и рельефно, чем любые друзья. К тому же, для того чтобы утвердиться в этом социуме в качестве значимой фигуры, мне все равно нужно было доказать окружающим, что я могу быть не только верным другом, но и очень страшным врагом. И капитан вполне подходил в качестве объекта, на котором можно отлично разыграть и эту комбинацию. Чем сильнее и страшнее в глазах зрителей тот, кого ты сумеешь задавить (а тут разница в статусе просто разительна — обыкновенный пехотный капитан против страшного и почти всемогущего капитана государственной безопасности), тем более убедительной будет твоя будущая победа.

Капитан смерил меня злобным, но уже слегка удивленным взглядом, а во взглядах остальных появился странный интерес. Похоже, я очень верно избрал объект для конфликта.

— Ну хорошо, допустим, — начал полковник, сидевший по правую руку от генерала. — А как вы объясните то, что батальон вооружен гораздо лучше, чем даже штатное подразделение?

— Под Бронна Гура располагаются... вернее, располагались окружные артиллерийские склады, на которые немцы, по-видимому, свезли имущество с захваченных ими полковых и дивизионных складов, расположенных поблизости. Там можно было вооружить не то что батальон, а пару дивизий.

Все сидящие за столом переглянулись.

— То есть вы утверждаете, что захватили и уничтожили окружные артиллерийские склады под Бронна Гура.

— Так точно. Захватывали мы их дважды. Первый раз на трое суток, чтобы запастись вооружением и боеприпасами, перед тем как совершить налет на лагерь военнопленных под Березой-Картузской, а второй — после того, как провели операции по уничтожению складов ГСМ под Орачинцами, Кобрином и Черемхой. Нужно было восстановить боезапас, и, поскольку мы покидали этот район, я не хотел оставлять немцам столь богатые трофеи.

— Да сколько еще можно слушать это наглое вранье?! — взвился капитан. — Товарищ комкор, я требую, чтобы этого предателя передали органам госбезопасности. Мы быстро выведем его на чистую...

— Это просто, — вновь прервал я капитана.

Все уставились на меня. Я молчал. Теперь нужно было дожидаться вопроса. И генерал меня не подвел.

— Что, просто? — переспросил генерал.

Странно, столь высокопоставленное лицо, а совершенно не владеет словом и очень легко поддается манипуляции. Типичные реакции *простого* человека.

— Проверить мои слова, — пояснил я. — Пошлите авиаразведку. Координаты этих складов у вас должны быть, и если на месте всех этих четырех складов вы обнаружите пятна гари, то, следовательно, возможно, я не вру.

Все задумались над моим предложением. Затем капитан влез опять. Он твердо решил вывести меня на чистую воду.

— Товарищ комкор, этот предатель, явно завербованный немцами, просто блефует. Он прекрасно знает, как у нас сложно с авиацией, и уверен...

— Один скоростной истребитель? — добавив удивления в голосе, спросил я. — У вас не найдется всего одного скоростного истребителя? Когда сгорает окружной склад ГСМ — образуется довольно обширное пятнышко, для обнаружения которого достаточно одного наскоро брошенного взгляда. К тому же доказательства того, что мой батальон действовал эффективно, есть и поближе. Например, два взорванных моста через Березину. Железнодорожный и автомобильный.

— Что?! — Комкор едва удержался, чтобы не вскочить. — Вы хотите сказать, что взорвали мосты?

— Так точно. Это было предпоследней операцией моего батальона, а результаты последней — вот. — Я раскрыл полевую сумку и достал из нее немецкую карту, после чего раскрыл ее, сделал шаг и положил на стол перед комкором.

Он тут же уткнул в нее глаза и спустя несколько мгновений взволнованно вскрикнул:

— Черт возьми, они готовят местное наступление!..

— По поводу его можете не волноваться, — успокоил я генерала.

— То есть? Поясните.

— Во-первых, штаб, который должен был руководить этой операцией, полностью уничтожен. А документы и несколько оставшихся в живых офицеров находятся у меня в батальоне. И я прошу сразу по окончании операции прислать ко мне представителей разведки для их передачи. Ну и, во-вторых, силы, предназначенные для этой операции, немцы использовали для организации засады на мое подразделение. Именно с ними мы и

сцепились, когда прорывались к вам. И уничтожили их.

Все сидящие за столом снова переглянулись. Потом комкор растерянно потер лысину.

— Что-то все, что ты нам тут рассказываешь, капитан, сильно смахивает на небылицы. Как-то все у тебя по-газетному получается.

А я смотрел на него и никак не мог понять, как такой человек мог стать генералом. Он не верил мне — ну ладно. Но он же не верил и себе, своим возможностям! Это что, последствия того, какую методику товарищ Сталин избрал для создания своего варианта имперской элиты? Если так, то совершенно понятно, почему немцы столь легко и быстро двигаются вперед. И откуда у них столь невероятное количество пленных...

Элита бывает разной. По существу, это слой социума, который выполняет в ней только одну функцию: создавать образцы и правила их потребления. И в этом смысле, если какой-то поп-певице, эпатажному спортсмену, скандальной журналистке, голоактеру или светской львице находится достаточно подражателей, то они явно являются элитой. Весь вопрос: *какой?* Потому что есть элита и элита. Есть элита, так сказать *крестьянская* или *мещанская*, вошедшая в этот слой по существу так же, как таковой становились разбогатевшие крестьяне, мельники, мелкие купчишки давно ушедших эпох. Просто разбогатев и принявшись напропалую демонстрировать свое богатство. Ибо для человека с психологией мещанина богатство и способность им кичиться — это и есть мечта, к которой надо стремиться. Впрочем, в то время она занимала вполне подобающее ей место, будучи элитой только в рамках определенного социального слоя или группы. И точно так же ломая шапки перед знатью. И есть та часть элиты, от которой зависит развитие и само существование социума. Среди наших сисанов как раз она обозначается обычно термином «истинная элита» или, как и раньше, «знать». Впрочем, в наше время смысл этого слова, как и причины его использования в этом значении, довольно сильно изменился. Истинная элита сейчас называется *знатью* совершенно не потому, что в наше время, как, скажем, раньше, подавляющая часть этой истинной элиты является потомственными аристократами, хотя таковые представлены в знати очень значимо (во всяком случае, там, где аристократия социально оформлена). А потому, что это слово очень коррелирует с такими понятиями, как *знание* и *значение*.

Социуму получить простую, так сказать, крестьянскую элиту (хотя так использовать это слово мне всегда не нравилось, уж больно от этого несет уничижением по отношению к людям, которые растят хлеб) очень просто. Достаточно какой-то части социума, обладающей богатством, начать

подражать тем, кого твой социум считает *большими*. Другим социумам, другим странам, другим планетам, которые с точки зрения господствующих в твоём социуме представлений считаются более успешными. Но этот путь может привести лишь к тому, что твой социум просто войдет в состав того, большого, в твоём представлении, социума на правах даже не младшего партнера, а прислуги. Дать своему собственному социуму шанс может лишь появление в нём истинной элиты или знати. А эту задачу простым подражанием не решить.

В принципе истинную элиту, или знать, отличают только две компетенции. Правда, ключевые. Во-первых, умение владеть собой и, во-вторых, способность к мышлению. И в первую очередь именно то, что мы, Гвардия, овладели этими умениями в полной мере, и делает нас истинной элитой Империи.

Владение собой означает, что ты овладел всеми четырьмя концами священного креста: телом, делом, словом и целью.

Ну, насчет тела... Вряд ли кто еще в Империи имеет такие физические кондиции и столь развитый потенциал выживания. И по степени психологической устойчивости и умению работать в условиях агрессивного воздействия внешней среды (все равно как проявляется агрессия — физически, психически или комплексно) нам тоже нет равных. Нет, конечно, и среди других социальных групп встречаются уникалы, способные в этом потягаться с нами на равных. Но как социальный кластер мы вне конкуренции. На самом деле это совершенно не главное. Так эту часть креста понимают как раз именно современные крестьяне. В значимом для элиты смысле владение телом заключается в том, что мы овладели *желаниями тела*. Похотью, чревоугодием, сластолюбием, ленью... да все это уже перечислено в Писании. В качестве смертных грехов. И является всего лишь более точным определением таких классных, с точки зрения крестьян (как бы они ни назывались в разные времена — менеджерами, пролами, рядовыми гражданами, солью земли и передовым отрядом всего прогрессивного человечества), вещей, как секс, вкусная еда, неслабая выпивка или вечеринка с забойным продолжением.

Это не означает, что все мы поголовно святые и сторонимся и секса, и вкусной еды, и вечеринок. Но я, например, которому Кысмет еще не послал ту, с которой я и пойду по жизни до самого последнего дня, уже не умею *не думать* о том, чем закончится мое знакомство с очередной симпатичной девчонкой. Нет, как оно будет *развиваться*, я знаю. Такой симпатичный парень, как я, который так классно танцует (ну еще бы, с нашей-то координацией движений!) и с которым так весело и легко, просто не может

ей не понравиться. Даже при том, что ни одна из них не догадывается, что имеет дело с гвардейцем. *Как бы* ни начиналось знакомство и в каком бы психологическом состоянии она ни находилась. Уж что-что, а работать с психикой, своей и чужой, в Гвардии учат очень основательно. И даже если бы я и хотел выключить все прочно усвоенные мной навыки и умения и позволить ситуации идти своим чередом, я уже просто не сумею *настолько* выключиться из этого ставшего теперь для меня совершенно обыденным состояния. Но вот после... после они непременно пытаются влюбиться. Всегда. А Долг и Честь, как и Воля Императора, требуют от меня защищать людей и помогать им, а не мучить их. Поэтому последние несколько лет я обычно ограничиваюсь одним, максимум двумя свиданиями.

Дело... дело может быть разным. Служим ли мы в Гвардии либо исполняем свой долг в аппаратах наместников, состоим ли в качестве топ-менеджеров в крупнейших банках или промышленных корпорациях либо просто тихо себе живем на маленькой ферме на окраинной планете — все это мы делаем так, что, как только какой-то из гвардейцев объявляет о намерении оставить службу, к нему мгновенно выстраивается целая очередь из агентов, жаждущих представлять его интересы, работодателей, предлагающих ему самому назвать сумму и форму желаемого дохода, и представителей муниципалитетов, предлагающих поселиться на своей территории. Потому что каждый знает: дело, порученное гвардейцу либо избранное им, будет делаться так, что самые смелые надежды окажутся недостаточно смелыми...

Слово. Ну со словом все понятно. Вторая сигнальная система. Разве можно хоть чего-нибудь добиться в человеческом обществе, не владея словом?

Цель... Не имея цели, человек не способен оказывать никакого влияния на свою жизнь. С ним все всегда *случается*. И хорошее, и плохое. Второе — чаще. Каким бы он ни был талантливый, какие бы способности и возможности ему ни достались в наследство, без цели он ничто. И все данное ему Господом или унаследованное им от родителей довольно быстро истает, в лучшем случае послужив лишь на потеху окружающим. Только имея цель, человек может начать хоть как-то распоряжаться своей жизнью, начинает разбираться, чего ему не хватает для ее достижения, какие еще умения ему надо развить и способен ли он по своим физическим, финансовым либо мыслительным возможностям сделать это. А если нет, то как, с помощью каких иных умений он сможет справиться со своими недостатками?

Но цель — это всегда идеальное. Целью не может быть нечто

материальное, скажем, машина, квартира или контрольный пакет акций корпорации. Это либо вообще ничего не значащие вещи, либо всего лишь задачи, позволяющие разделить дорогу к цели на некие конкретные и простые для воплощения куски. Хотя умение ставить себе задачи и добиваться их выполнения уже может помочь организовать и придать смысл какой-то части человеческой жизни. Но только цель делает осмысленной ее всю.

Наша цель — держать Империю. Все остальное — инструмент. Что бы ни делал гвардеец — служил, трудился в корпорации, тихо жил на ферме, расслаблялся ли на песках курортных планет или качал адреналин, прыгая с орбиты в легком комбинезоне на «крыле», — все это просто некие инструменты, ведущие его к одной и той же цели. Как вода океана может быть спокойной и тихой, а может бросаться всей мощью на берега и суда, застрявшие в шторме, сокрушая скалы и ломая борта, может быть теплой и ласкающей, а может — ледяной, мгновенно выстужающей тело, за считанные минуты выпивая из него тепло и жизнь, но это всегда вода.

Только овладев всем этим, человек — любой, не только гвардеец — может считать, что полностью овладел собой. Просто мы владеем этим все!

Мышление. Мышление — это не то примитивное думанье, которое позволяет нам спланировать очередную покупку или выстроить разговор с начальником так, чтобы он дал тебе очередной отгул. Мышление — вещь чрезвычайно редкая, сродни умению лошадей танцевать. И так же, как подобные танцы, возникает только в результате очень жесткого обучения. И для большинства людей оно недоступно во многом потому, что практически бесполезно в *обыденной* жизни. Оно необходимо только знати, то есть той части элиты, которая не только задает образцы и правила их потребления, но способна делать это *осмысленно*, используя эту свою функцию для управления собой и тем социумом, знатью которого они являются, или для исправления его. Если элитное крестьянство уж слишком сбило его с пути.

Во-первых, мышление всегда исторично. Первой, самой слабой ступенью историчности является умение помыслить себя, свое дело и свою цель хотя бы в шестидесятилетней перспективе. В перспективе трех поколений себя. Ибо мы есть то, что мы создали, сотворили. И наши потомки — это тоже мы... А ключевым оно становится, когда человек овладевает способностью оперировать как минимум в десятикратном по сравнению с этим временным промежутком. Что для *простого* человека выглядит как бредни или бесполезная чушь.

Во-вторых, мышление всегда как минимум троично. Если кто-то

предлагает тебе *поразмислить* и выбрать одно из двух, на самом деле он старается исключить у тебя любые намеки на мыслительный процесс. А если ты сам видишь всего лишь два возможных решения — ты еще даже и не пытался мыслить.

И, в-третьих, мышление всегда рефлексивно. Причем на самом деле настоящее мышление рефлексивно в степени — во второй, третьей... говорят, что теоретически можно войти в четвертую степень рефлексии. Но я с таким еще не сталкивался. Все сисаны, с которыми я был лично знаком, владели только третьей степенью рефлексивной возгонки, а подавляющее большинство гвардейцев владело лишь второй. И я в том числе. Но и это уже очень и очень много, ибо подавляющее большинство людей вообще не способно к рефлексии. То есть, наверное, способно. Как минимум к базовой, начальной. Все-таки, по оценкам сисанов, сегодня в мире практически нет людей, не способных овладеть хотя бы первыми двумя степенями антропрогрессии. Просто люди не обучены. Да и не хотят учиться. Что ж, это их выбор... и дай им господь здоровья и удачи. Но вот тем, кто претендует на то, чтобы стать *знатью*, без этого не обойтись.

И только это — умение владеть собой и способность мыслить — делает человека *знатью*. Ничто другое: ни деньги, ни кровь, ни близость к власти — не способно сделать его таковым. Единственное, на что способно все это, — лишь на какое-то время дать *иллюзию* его принадлежности к истинной элите. Но ведь все иллюзии рано или поздно развеиваются...

Но сейчас передо мной не было ни одного человека, про которого я мог бы сказать, что он хотя бы стоит *на пути*, на дороге, способной сделать его частью *знати*. И это было очень печально. Настолько, что если бы я не видел, как быстро мои ребята начали врубаться в *суть* и *смысл* и как яростно, надрывая жилы, они двинулись по *пути*, причем пока даже не догадываясь об этом, я бы засомневался, а ту ли я сторону выбрал. Ну ничего. Я — здесь. Стронем и этих...

* * *

Следующие несколько дней прошли относительно спокойно. Капитан, чья фамилия, как я выяснил, была Бушманов, кружил вокруг моего батальона, как гриф возле умирающего. Вот только позволить сделать батальон умирающим я не собирался. Поэтому, когда на третий день я внезапно обнаружил, что у Головатюка, вернувшегося с «беседы» с капитаном Бушмановым, светится здоровенный фингал под глазом, а губы

разбиты в кровь, я подхватил свой «дегтярь» и двинулся к землянке, которую капитан реквизирует у заместителя командира полка по тылу. У входа в землянку стоял часовой. Боец в фуражке с синим околышем окинул меня грозным взглядом и уже раскрыл рот, чтобы о чем-то строго предупредить, но я не дал ему этого сделать. Я протянул руку, захватил пальцами его воротник и сжал так, что у него сперло дыхание, а затем отодвинул в сторону и, пинком распахнув дверь землянки, вошел внутрь.

Капитан сидел за столом и с сумрачным выражением лица листал какие-то записи. Когда дверь землянки грохнула об косяк, он вскинул голову и недоуменно уставился на меня. Но едва узнал, как его лицо тут же помрачнело.

— Что это значит? — начал он раздраженно.

Я молча отпустил часового и шагнул внутрь. Солдат несколько секунд стоял, держась за горло и шумно дыша, а затем вскинул винтовку, направив мне в спину, и заорал:

— А ну стоять!

Я смотрел на капитана. Он на меня. Почти минуту мы бодались взглядами, затем капитан не выдержал и, отведя взгляд, бросил часовому:

— Микишкин, прикрой дверь.

Мы остались одни.

— Так что означает ваш визит, капитан Куницын? — высокомерно кривя губы, продолжил Бушманов.

Я молча сделал шаг вперед, второй, третий, руки капитана заскользили по столу, устремляясь к поясу, туда, где была прицеплена кобура с пистолетом, а я наклонился к нему так, что мое дыхание опалило ему ноздри, и с придыханием произнес:

— Ты что же это творишь, капитан?

— Что-оо?! — Бушманов попытался выкрикнуть это возмущенно, даже грозно, но его голос сорвался на последней букве.

— Эти люди прошли сотни километров по тылам врага, не раз шли грудью на пулеметы, взрывали склады, мосты, штабы немецких дивизий, а ты, погань тыловая, будешь им морду кровянить?!

С этими словами я протянул руку и, ухватив капитана за воротник точно так же, как часового за минуту до этого, рывком выдернул его из-за стола и, качнувшись назад, чтобы придать себе устойчивости, поднял его вверх. Капитан захрипел и заскреб ногтями по кобуре. Я левой ладонью хлестко ожег его по руке, будто ребенка, тянущегося к запретному или опасному. Впрочем, в его случае так оно и было... Дав ему несколько мгновений поболтаться в воздухе, я швырнул его на его табурет. Капитан со

всхлипом втянул воздух в горло, а в его взгляде, которым он смотрел на меня, я впервые увидел страх. И это было хорошо.

— Не трогай моих людей, капитан, — почти нежно после всего произошедшего произнес я. — Снимай показания, если считаешь, что это твоя работа, сопоставляй информацию, пытайся ловить меня на вранье, но людей не трогай! Понял?

— Ты... вы... да как вы... да я с вами...

— Ты — нет, капитан, — качнул я головой. — Запомни это. Другие — может быть. Кто знает... Но ТЫ — НЕТ! Не успеешь. Понял меня?

Капитан молча сидел на табурете, держась за горло и глядя на меня с ненавистью и страхом. Я несколько мгновений держал его взгляд, а потом развернулся и двинулся в сторону двери. Я сделал шаг, другой, третий, а затем резко обернулся и вскинул свой верный «дегтарь» на уровень глаз, так что мушка с целиком сошлись на переносице капитана. Пару мгновений мы смотрели друг на друга, а затем капитан с натугой засунул обратно наполовину вытащенный из кобуры ТТ. Я опустил пулемет и, распахнув дверь, вышел из землянки.

А на следующий день в расположении батальона появился майор, представившийся начальником строевого отделения корпуса. И батальон загудел как улей. Ко мне тут же примчалась делегация во главе с Кабаном.

— Товарищ капитан, как же это? Вы ж обещали!

— Что такое? — поинтересовался я, уже, впрочем, понимая, что происходит.

— Так товарищ майор там говорит, что нас расформируют и отправят на пополнение корпуса.

Я успокаивающе поднял руки:

— Спокойно, товарищи, спокойно. Я немедленно еду в штаб корпуса.

К генералу меня допустили сразу. Не успел ординарец засунуть голову в приоткрытую дверь, как тут же высунулся обратно и распахнул створки.

— Заходите, товарищ капитан.

Генерал обедал.

— Садись, капитан. Обедать будешь?

Я дружелюбно улыбнулся.

— Не откажусь, товарищ генерал.

— Онищенко!

— Я, товарищ генерал, — просунулась в приоткрытую дверь голова ординарца.

— Организуй котелок капитану, — благодушно приказал генерал и,

повернувшись ко мне, заявил: — Все подтвердилось, Куницын.

— Что?

— Ну твои сведения. И насчет мостов, и насчет складов. А еще разведчики соседей принесли информацию, что у немцев действительно проблемы с топливом.

Я кивнул, ну еще бы...

— Зачем пришел?

— Зачем вы расформировываете мой батальон, товарищ генерал?

Похоже, этот вопрос его сильно удивил. Он даже перестал есть и воззрился на меня. В этот момент дверь распахнулась, и шустрый Онищенко бухнул передо мной котелок со щами.

— Вот, товарищ капитан, кушайте, а ось и ложечка, — почти проворковал он, вытаскивая из-за голенища алюминиевую ложку, завернутую в чистую тряпицу, и вручая мне. Его круглое лицо сияло от удовольствия.

— Брысь! — сердито рявкнул генерал.

И Онищенко мгновенно исчез, будто его и не было.

— Ну ты и наглец, капитан, — генерал покачал головой. — Я что же, должен перед тобой отчитываться?

— Хотя бы поучите, товарищ генерал, — попросил я. — Должен же я понять, почему такой талантливый и опытный командир, как вы, принимает такое решение. Чего он собирается этим достичь?

Генерал озадаченно хмыкнул. Озадаченно, потому что мой перл оказался для него совершенно неожиданным. Он ожидал надрыва, горячего возмущения, страстного спича, но не такой спокойной лести...

— Да ты хоть понимаешь, что у меня в ротах по пятнадцать-двадцать человек? Да такую оборону немец пальцем может прорвать! Бумага папиросная, а не оборона!

— И вы собираетесь существенно изменить ситуацию, сделав в ротах по восемнадцать — двадцать пять? — несколько картинно изобразив удивление, поинтересовался я.

Генерал насупился. Я же спокойно продолжил:

— Вы сами только что сообщили, что моя информация, в которую изначально все отказывались верить, оказалась правдой. И вам не нужно подразделение, способное на такое?

Генерал еще сильнее насупился и отодвинул свой котелок.

— А если тебя у меня заберут? Да ты понимаешь, что твое подразделение — это единственный резерв в масштабах, считай, всей армии? Нет в армии больше таких полнокровных батальонов, нет... да

полков с такой численностью раз-два и обчелся!

Я несколько мгновений рассматривал генерала, даже не соображая, как на это реагировать. С таким... черт, эгоизмом и то назвать было сложно!.. — я еще не сталкивался. Впрочем, в его позиции был свой смысл. Во всяком случае, в *этом* момент и в *этой* армии. Но надо было что-то отвечать на его вопрос. Я задумался, а затем даже усмехнулся мысли, пришедшей в голову.

— По-моему, — вкрадчиво начал я, — капитан государственной безопасности Бушманов развернул большую работу среди моих людей. И... — я сделал паузу и одарил генерала многозначительным взглядом, — я бы создал капитану все условия для работы, но потребовал бы от него максимальной тщательности и дотошности в деталях.

Генерал несколько мгновений смотрел на меня, а затем в его глазах зажегся веселый огонек. Ну да, пока капитан не убедится в полной благонадежности личного состава (а в этом генерал, после того как информация полностью подтвердилась, уже не сомневался), трогать батальон и прекращать расследование вроде как и нельзя.

— А ты шельмец, капитан!.. — генерал рассмеялся. — Ну и шельмец! Нет, ну только гляньте на него!..

* * *

Когда я вылез из кузова попутки, добросившей меня до батальона, вокруг тут же собралась целая толпа. Люди молча стояли и смотрели на меня. Я поправил ремень, окинул их взглядом и... усмехнулся:

— Командиры подразделений ко мне! Хватит, отдохнули. Будем составлять расписание занятий...

И над перелеском вознесся в воздух дружный рев нескольких сотен глоток:

— Ур-рраа!..

А вечером ко мне подошел Кабан. Я сидел на поваленном пне.

— Товарищ капитан, дозволейте обратиться!

— Садись, Шабарин, обращайся.

— Я вот о чем, товарищ капитан... — начал он несколько издалека, — сдается мне, чем-то вы очень насолители товарищу капитану Бушманову. Уж очень он под вас копает. И уже накопал.

— И чего же? — поинтересовался я.

— Да много всего... Например, что товарищ лейтенант Сокольницкая

немцев лечила. И что вы с тем немцем, вместо того чтобы расстрелять, очень мило побеседовали, а потом отпустили. И вообще всех пленных фашистов велели лейтенанту Сокольницкой подлечить, да и потом отпустили. Нет, вы не думайте! — вскинулся он. — Я-то — могила. И наши все вам этим в глаза пенять — не дай боже! Да мы и сами, ну когда Головатюк с Иванюшиным в рейды ходили, они же точно так и делали. Только... боюсь я, товарищ капитан государственной безопасности все это против вас повернет.

Я усмехнулся:

— Пусть попробует. Но за информацию — спасибо. Хоть буду знать, в чем он меня обвинить хочет.

— Это мы завсегда, — расплылся в улыбке Шабарин, а затем, быстро оглянувшись, приблизил свою голову к моей и, снизив голос на два тона, зашептал: — А ежели вам еще какие мысли в голову придут, то вы, товарищ капитан, только намекните.

Я неодобрительно покачал головой.

— Эх, Шабарин, Шабарин...

Он слегка смутился.

— Да я че, товарищ капитан, я ж ниче... это я на всякий случай.

— Ну если только на всякий случай, — слегка поддразнил я его, хотя столь ярко продемонстрированная преданность грела.

— Точно так, товарищ капитан, — расплылся в улыбке Кабан. — И, товарищ капитан, мы тут уже почти вычислили, какая сука на вас Бушманову наплела...

— А вот это отставить! — Я тут же посерьезнел. — То есть оперативную, так сказать, работу можете довести до конца. Но больше — ни-ни. И вообще, Шабарин, у меня к тебе просьба.

— Какая, товарищ капитан? — живо откликнулся он.

— Дальше все может повернуться по-всякому. Так вот, дай мне слово, что не будешь торопиться.

— То есть?

— Там поймешь, — отрезал я. — Просто в любом случае — не торопись. Жди моей команды.

Кабан задумался.

— А ежели, к примеру, вас поблизости не окажется?

— Я рано или поздно появлюсь. Уж можешь мне поверить. Так как?

— Не вопрос, — серьезно кивнул Шабарин.

На том и порешили.

А на следующий день я стал случайным свидетелем одного разговора.

За прошедшие несколько дней у моих ребят появилось много приятелей и знакомцев из полка, в расположении которого мы стояли. И часто вечерами эти знакомцы приходили в гости к моим орлам. Почесать языки, поменяться чем-нибудь да просто поломать глаза на новые лица. Я как раз шел мимо небольшой купы кустов, за которой и расположилась подобная группа.

— Не, — развалившись на траве, несколько развязано заявил какой-то боец, — я в вашем батальоне ни за какие коврижки служить бы не стал. Эвон как вас гоняют. Шкура клочьями слазит.

— И дурак, — отозвался другой голос в ответ.

Я присел на пенек и заинтересованно наострил уши.

— Это чего дурак-то?

— А вот скажи мне, ты энту войну-то пережить хочешь?

— Ну ты и спросил...

— А вот я тебе скажу, что у тебя, милоч, это вряд ли получится.

— С чего бы так?

— Вот смотри, — за кустами зашебуршало, — вона тот пенек видишь?

— Ну да?

— А теперь гляди... — за кустами гулко зазвенел воздух, как будто кто-то с силой метнул камень. — Считай. Раз — попал! Два — опять! Три, четыре, пять! А теперь на-тко, сам попадай.

— Буду я еще с тобой в игрушки играть. Это вы вон все детством маетесь. Как ни глянешь — все в бирюльки играете.

— Что, струсил?

— Да пошел ты!

— Ну хорошо, ежели ты хотя бы два раза из пяти в тот пенек попадешь, я тебе пузырь поставлю.

— Да вы ж не пьете все!

Опаньки! Разговор становился для меня все интереснее и интереснее. Резкое сокращение тяги к употреблению алкоголя считается одним из самых ярких признаков первого уровня антропрогрессии. Это не означает, что люди полностью отказываются от спиртосодержащих напитков, нет. Просто перестают чувствовать от их употребления тот же уровень удовольствия, который чувствовали раньше. Это что же, у меня весь батальон уже побывал *там*, а я ни сном, ни духом...

— Да пьем-пьем, тока не любим.

— Это как это? — в голосе второго собеседника ясно чувствовалась озадаченность.

— Да тебе-то какое дело? Я же тебе бутылку поставлю, а не сам ее

вылакаю.

Второй голос помолчал, но, как видно, соблазн был слишком велик.

— Ну смотри, сержант, никто тебя за язык не тянул!

— Давай не болтай... И... не повезло! И еще... опять никак! А... вот теперь молодец! Ну еще разок?.. И последняя попытка... Облом, родной! Пролетел ты против своей бутылки.

— Да ладно...

— А вот никакого ладно. Просто имей в виду, что это вроде как баловство большой смысл имеет. И смысл этот в том, что на одной и той же дистанции, на которой я уже по пятерым фрицам не промажу, — ты с трудом одного завалишь.

— Так мы по ним не булыжниками швыряемся.

— Хочешь из трехлинейки попробовать? Так еще больше проиграешь.

— И че?

— А то, что нас всех так, как ты говоришь, «гоняют», чтобы мы все вот так умели. И, слушай сюда. Как думаешь, когда немец в атаку пойдет, до твоих и моих окопов его равное число доберется? Или все-таки до моих поменьше?..

Несколько мгновений за кустами висела тишина, а затем мой сержант (судя по голосу, это был Сотников — весь свой личный состав я помню наизусть) удовлетворенно подытожил:

— То-то же. А потому у меня, которого эвон как гоняют, шанс в бою уцелеть куда как больше, чем у того, кто, пока затишье, только лежит — пузо греет. Особоливо если нас гоняют всех, а вы опять же все только пузо греете. Понятно?

— А че нам, в бирюльки играть, что ли? — раздраженно отозвался первый. — Ваш-то вон вас, почитай, сразу, на третий день в оборот взял, а наши командиры не чешутся. Чего мы сделать-то можем?

Ну а вот это уже была моя забота. Я встал и, мысленно поблагодарив неизвестного бойца за идею, двинулся в сторону землянок управления полка...

А еще через два дня меня срочно вызвали в штаб корпуса.

Генерал встретил меня мрачнее тучи.

— Ну что, Куницын, доигрался? — резко прервал он мой доклад.

— Не понял, товарищ генерал.

— Вот, полюбуйся!

Он сгреб со стола и ткнул в мою сторону какие-то листки. Это оказались какие-то списки. Я мельком пробежал их глазами. Сто двадцать

три человека.

— Что это?

— Это список личного состава твоего батальона, ордера на арест которых затребовал капитан Бушманов. И получил! И ты там — в первой строчке!

— Я видел, — спокойно отозвался я, а затем задумчиво произнес: — Поторопился капитан, поторопился... Мы же с вами хотели от него тщательности и основательности. А он...

— Что ты здесь мне лирику разводишь? — вскинулся комкор. — Да ты понимаешь, чем это тебе грозит?

— Мне? — картинно-удивленно осведомился я. — Не напомниме, товарищ генерал? По-моему, вы расценили мой батальон как единственный резерв корпуса, а то и армии. И лишить корпус этого резерва в преддверии скорого наступления немцев — это ошибка. Или... — Я многозначительно замолчал.

Генерал молча смотрел на меня. Сыграть с капитаном на его поле... страшновато, что и говорить. Но я не собирался давать генералу ни единого шанса спраздновать труса.

— У капитана есть непосредственное начальство?

— Ну... да. Майор Буббиков. Он сейчас в штабе армии.

— Я думаю, вам необходимо срочно связаться с ним и попросить его вместе с вами прибыть в расположение моего батальона.

Я продолжал сверлить генерала взглядом до тех пор, пока он не протянул руку к телефонному аппарату и не снял трубку, бросив туда:

— Соедините меня со штабом армии...

В коридоре меня окликнули:

— Товарищ капитан! Капитан Куницын...

Я резко обернулся и... сразу напрягся. Ко мне быстрым шагом приближался младший лейтенант с петлицами василькового цвета. А я был в первой строчке того списка...

— Товарищ капитан, — снова начал этот младший лейтенант, — я... ну в общем... А! — Он махнул рукой, как будто решаясь на какой-то отчаянный поступок. — Короче, капитан Бушманов сегодня утром приезжал в особый отдел и, захватив с собой два взвода бойцов НКВД, час назад уехал обратно.

Я несколько мгновений смотрел прямо в отчаянно горящие глаза младшего лейтенанта, а затем медленно кивнул:

— Спасибо, лейтенант, я этого не забуду...

Я почти опоздал. Когда я выпрыгнул из кузова подвозившей меня

попутки, мои ребята из списка уже были погружены в кузова нескольких грузовиков, по углам которых молча стояли бойцы НКВД с винтовками наперевес. И в первом из них, сразу за кабиной, сидели Вилора и рядом с ней Кабан...

Капитан Бушманов неторопливо прогуливался около радиатора первой машины, похлопывая по голенищу сапога тонкой веткой.

Едва мои ступни коснулись земли, как по угрюмым шеренгам людей, заполнявших кузова грузовиков, пролетел возбужденный шелест:

— Командир... командир... командир...

Капитан Бушманов обернулся. Его лицо прорезала злорадная усмешка, он демонстративно лениво махнул рукой, подзывая к себе троих бойцов, и потянулся к кобуре. Я двинулся вперед, скидывая с плеча свой старый, добрый «дегтярь», и, чуть напрягая голосовые связки, приказал:

— Батальон...

От звука моего голоса сорвало в воздух тучу птиц, перепрыгивающих с ветки на ветку в радиусе как минимум полкилометра в округе.

— В ружье!

Толпа людей, заполнявших перелесок, вот уже который день служивший местом расположения моего батальона, до сего момента взиравшая на все происходящее с угрюмой скорбью и безнадежностью во взгляде, внезапно пришла в движение. Перелесок мгновенно огласился звоном вгоняемых в приемники магазинов, лязгом затворов, досылающих патроны в патронники, щелканьем взводимых курков.

— Ко мне! К бою! — пролаял я, вскидывая «дегтярь» на уровень глаз.

Капитан резко затормозил и ошарашенно повел глазами вокруг. На него смотрели сотни стволов.

— Что... Что вы себе позволяете, Куницын?! Да вы понимаете...

— Так точно, — оборвал я его. — А теперь освободи моих людей.

Капитан несколько мгновений сверлил меня ненавидящим взглядом, а затем нехотя кивнул лейтенанту, как видно, командовавшему энкавэдэшниками.

— Вы за это ответите.

— Непременно, — согласился я, опуская пулемет. — Тем более что твое непосредственное начальство, капитан, уже едет сюда. Так что пошли, подождем-ка его в твоей землянке. И не будем впутывать сюда никого лишнего.

Бушманов ничего не ответил, а только развернулся и с независимым видом двинулся в сторону своей землянки. Я немного задержался.

— Головатюк, Иванюшин, — окликнул я своих ротных, уже

спрыгнувших с грузовика, — время обеденное, так что организуйте-ка товарищу лейтенанту и его людям, — я кивнул в сторону настороженного косящихся на меня энкавэдэшников, — обед. И без обид мне! Люди исполняли приказ. За это награждать надо, а не кукситься. Понятно?

— Так точно! — дружно отозвались оба моих ротных.

Ну вот и славненько. А то еще под воздействием эйфории от того, как оно все повернулось, не дай бог, устроят мне тут драку с энкавэдэшниками. Пусть лучше задружатся. Мой объект воздействия — капитан Бушманов, и только он. Отвлекаться на оптимизацию всей системы госбезопасности в настоящий момент я не собирался. И статус пока не тот, и ресурсов для этого явно недостаточно. Так что всему свое время...

Первым в землянку, пригибаясь, чтобы не задеть фуражкой притолоку, вошел генерал. Окинув меня тяжелым взглядом, он молча сел за стол. Рядом с ним так же молча уселся старший дивизионный комиссар.

Майор государственной безопасности Буббиков вошел в землянку, даже не пригибаясь. Ему этого не требовалось. Низкоросл, сухощав, некоторые комплексы читаются практически влет... В то же время хитер, трусоват и подл. Да-а-а... органами мне придется заниматься всерьез. Впрочем, раз в них встречаются ребята вроде того младшего лейтенанта, возможно, все еще не так запущено...

— Товарищ майор госбезопасности, — начал капитан Бушманов, поднимаясь с табурета.

Но я не дал ему продолжить.

— А теперь признавайся, сволочь! — грозно рыкнул я, вставая из-за стола и включая голосовые связки почти на полную мощность. А ведь недаром идет слух, что, когда говорит гвардеец, вздрагивают даже буддистские монахи. — Кто тебя завербовал? Когда?

— Что?! — изумленно проблеял капитан, буквально задавленный моим ревом, который я еще подстраховал обертонами психопринуждения второго уровня.

У меня никогда не было особенных талантов к психопринуждению, но овладение этими навыками входит в обязательную программу обучения гвардейца, видимо, для того чтобы суметь установить подобное воздействие в отношении себя самого и уметь ему противостоять. Поскольку даже в методиках ведения допроса психопринуждение находится в перечне дополнительных мер, не рекомендуемых к стандартному использованию. Только в случае крайней необходимости. Ибо считается, что сведения, полученные с его помощью, не обладают достаточной достоверностью и непременно требуют проверки. А более

нигде: ни в руководящих документах, ни в боевых уставах — оно не упоминается. Гвардейца слушаются, потому что он практически всегда прав, и его приказы или рекомендации в любой ситуации наиболее верны, а не потому, что он кого-то *заставляет* себя слушаться. Ну да в *данной* ситуации и с *этими* людьми немножко психопринуждения не помешает.

— Признавайся, кто дал тебе поручение в преддверии наступления немцев лишить корпус единственного резерва? Говори!

— Я не... — Капитан ошеломленно сглотнул.

Но я не дал ему опомниться:

— Адреса, пароли, явки? Быстро!

Капитан бросил отчаянный взгляд на майора государственной безопасности. Под таким углом он свои действия совершенно не рассматривал. Он... просто...

— И чем же вы можете оправдать свои вредительские действия, товарищ капитан? — ернически заметил я, создавая у Бушманова (да и у остальных) иллюзию того, что якобы предоставил ему возможность оправдаться. А он вроде как не воспользовался.

Капитан дрожащей рукой вытер лоб. Я смотрел на него безо всякой жалости. «Возможно, капитан, ты искренне считал, что в том, что ты делаешь, и состоит твой долг. Но в реальности ты выступал на стороне врага. Так что ты сам выбрал свою судьбу. И я бы все равно тебя задавил, но, возможно, не так. Полегче. Если бы ты, сучонок, не посмел тронуть моих людей. Тебе же было об этом сказано открытым текстом».

— Ну?

— Я просто...

— Молчать!

Капитан осекся.

— Ну?

Капитан востропнулся.

— Я...

— Молчать! — чуть возвысив голос, снова рявкнул я.

Капитан окончательно стушевался и затих, глядя на меня затравленным взглядом. Я состроил самую угрожающую рожу и прорычал:

— Что, сказать нечего?! — после чего развернулся в сторону майора государственной безопасности, который молча наблюдал за моим представлением. — Товарищ майор! Большое спасибо, что своевременно отреагировали и пресекли предательство! — Я в два шага подскочил к майору, стиснул его руку и взволнованно ее затряс. И снова слегка подключил обертоны. — От имени личного состава батальона заверяю вас,

что немцы здесь не пройдут! Можете, так и передать руководству, что благодаря вашему своевременному прибытию этот участок фронта теперь надежно перекрыт. Предательство не достигло своей цели!

Майор некоторое время ошеломленно пялился на меня, а затем перевел взгляд на совершенно раздавленного капитана. Да, система, при которой предъявления обвинения уже практически достаточно для объявления виновным — страшная вещь. Но ведь вы сами, ребята, такое с собой сотворили...

— Коломиец... — негромко произнес он, поведя подбородком в сторону капитана.

Из-за спины майора вывернулся довольно дюжий старший лейтенант и, подойдя к капитану, с каменным лицом вытащил у него из кобуры ТТ, после чего отступил на шаг и замер за его спиной.

— Что ж, товарищи, — майор легким шевелением пальцев освободил свою руку из моей и повернулся к командиру корпуса и старшему дивизионному комиссару, — значит, я могу доложить, что на вашем участке за фронт можно быть спокойным?

Комкор медленно поднялся из-за стола и, покосившись на меня, также медленно кивнул:

— Так точно, товарищ майор. Здесь немец не пройдет. Можете не сомневаться.

— Отлично, отлично, ну а с... гражданином капитаном мы разберемся.

— Товарищ майор... — сиплым голосом снова начал тот, но, наткнувшись на мой злой взгляд, почувствовал, как у него перехватило горло.

«Ничего, сучонок, скажи спасибо, что я прямо здесь не устроил тебе разрыв сердца. И вовсе не из-за приступа гуманизма. А вот теперь сам попробуй, повертись на сковородке, на которую собирался отправить моих ребят и Вилору!»

Когда за майором государственной безопасности закрылась дверь, генерал вперил в меня долгий взгляд. Я молча ждал.

— Да-а, капитан, не хотел бы я попасть в число твоих врагов!..

— Все в ваших руках, товарищ генерал, — негромко ответил я.

Пусть потихоньку избавляется от иллюзий по поводу того, кто кем будет командовать. В ответ он слегка повел плечами, как будто по его спине пробежали мурашки, а затем поднялся и вышел из землянки. Старший дивизионный комиссар молча последовал за ним.

А я вздохнул. Что ж, первый этап прошел успешно. Я полностью легализовался, создал некоторую базу, провел некоторый предварительный

отбор и первичное обучение людей и обзавелся кое-какими связями. Пора было приступать к более масштабным проектам...

Послесловие

Итак, вы прочитали мою книгу. Если вы читали ее как приятный боевичок и просто пролистывали те странички, на которых автор разводил «нудную морализаторскую тягомотину», то можете сразу бросить читать это послесловие. Оно не для вас и нечего забивать им голову. Вернетесь к нему позже. Лет через несколько, когда будете перечитывать эту книгу. Ну или какую другую. Скажем «Империю», или «Время вызова», или «Путь князя»...

Это послесловие для тех, кто все-таки вчитывался в мою «тягомотину». И для кого она стала пусть не самым, но хотя бы не менее вкусным «блюдом», чем боевик. Кто, если и не полностью был согласен с теми мыслями, которые я (уж как смог) пытался выразить на этих страницах, но для кого они хотя бы послужили поводом задуматься о чем-нибудь таком. Или кто об этом давно уже и сам думал, а сейчас получил еще один импульс.

Итак, *на самом деле* эта книга об элите.

Честно говоря, я — сволочь. Я пишу свои книги из чисто меркантильных соображений. Я хочу, чтобы мне хорошо жилось. Причем не вообще, а на этой земле и в своей стране. И потому я пишу книги, наивно полагая, что великий русский поэт Владимир Высоцкий был в чем-то прав, когда писал:

Если, путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почем, —
Значит, нужные книги ты в детстве читал!

Поэтому мне не очень интересно писать книжки про вампиров, космодесантников, магов, императоров или бессмертных, просто *самовыражываясь*. Мне хочется, чтобы мои книги еще и что-то делали с тем пространством, в котором я живу. Чтобы если не я, то мои дети, а даст бог, и внуки жили в мире, который был бы более приспособлен не для тупо жующей скотины или гламурного быдла, а для того, чтобы в нем, пусть хоть чуть-чуть, но легче было бы стать человеком.

И я считаю, что наша страна очень подходит для этого. В конце

концов, ни у кого в мире не было такого набора испытаний (причем при любой власти!), чем у нас. Если мы возьмем перечень всех «покорителей Европы» и «потрясателей Вселенной» — все они так или иначе здесь потоптались. А многие здесь и косточки сложили. Причем часть из них мы даже и не шибко заметили.

Этим летом я путешествовал по Скандинавии. По странам викингов, норманнов — тех, о защите от кого почти два столетия молились во всех соборах и монастырях Европы. Не было в Средние века напасти и угрозы большей, чем они. И что же я узнал? Оказывается, первую столицу шведов Сигтуну разорили... славяне! Вторую столицу шведов Бирку — они же. То есть для нас викинги были не бичом Божиим, не страхом Господним, а... обычными соседями, рядом с которыми жили, с которыми торговали, а ежели кто озоровать начинал — то давали по сусалам. То есть обычная спокойная жизнь. При этом надо помнить, что именно Русь викинги называли Гардарикой — страной городов, а вовсе не просвещенную и вроде как городскую Европу. И на Русь они чаще всего приходили *служить*, а не грабить и захватывать.

Сколько раз нашу страну хоронили. И когда сюда пришли монголы, растоптав и разрушив одну из самых гордых держав того времени, породниться с которой считали за честь самые блестящие и могущественные царственные семьи Европы. И когда она оказалась ввергнута в Смуту. И когда была втянута в Первую мировую, а затем и в Гражданскую войну, почти разрушив себя до основания. А ведь всего за десятилетие до этого великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев писал: «Россия развивается невиданными темпами и уже научилась производить все — от иголок до броненосцев, так что к 1920 году она станет сильнейшим государством Европы. Если ей не помешают социалисты...» И в 1941-м, когда на страну, тогда называвшуюся Советским Союзом, напал Гитлер, сосредоточивший в своих руках промышленную, финансовую мощь и резервы всей Европы (до уровня которых, относительно конечно, только начинает доходить современный Евросоюз). И в 1991-м, когда наши западные друзья с триумфом констатировали конец истории. Но она все никак не умирает. Значит, она чем-то так важна этому миру! Причем именно в том виде, в котором существует. И потому Бог хранит ее. Потому что Он посылает испытания лишь тем, кого любит. А на остальных не обращает внимания.

Еще десять лет назад все мы считали, что основная наша проблема как страны в том, что мы бедные... Мол, нам бы не долгов сто миллиардов, а денег бы столько — и все. Заживем в шоколаде. Ну вот есть они у нас.

Причем даже в пять-семь раз больше, чем нам *тогда* хотелось. Зажили? Оказалось, дело в том, что деньги есть — *дать* их некому! Нет, потратить их вроде как есть на что. Дыр-то сколько... Но деньга являются чем-то таким виртуальным, только пока они находятся на счетах Банка России или в госрезервах. То есть пока отвечают за них три-пять человек. А как только они приходят в реальную экономику, сразу образуется столько рук, пытающихся отщипнуть от них «свой» кусочек, что когда дело доходит до пенсии конкретной бабушки, зарплаты конкретного учителя, стоимости куска асфальта или мостового пролета, на них уже денег не хватает. Все *раньше* кончилось...

Вроде и не беда, мол, всегда в России воровали, однако эвон какое государство — от Балтийского моря до Охотского! Даже сейчас, когда оно всего лишь осколок того, что когда-то создали эти самые «вороватые», «темные», «находящиеся под гнетом самодержавия» предки, — и то парочка США или Китаев. Но сейчас как-то все не складывается. А не складывается потому, что да, были в те времена в России и воры, и взяточники, но были и люди, которые вели полки, стояли на качающихся палубах кораблей, обустраивали острожки в неведомых землях. Была элита! Плоть от плоти своей страны. И на Запад ездили, и англоманами были, и скупили едва не четверть итальянских и французских живописцев, коими ныне увешаны стены наших даже многих провинциальных музеев. Но при этом были *своими*! Всегда возвращающимися. Причем возвращающимися не «в шахту», где «бабло рубится», а именно живущими здесь. И *сюда* привозящими и переносящими все то, что понравилось *там*. Если этого нет, значит, сколько бы у тебя ни было денег, с каким бы чиновником ты ни был на короткой ноге, сколько бы твое мурло ни пиялилось на нас из телевизора, ты не элита. Потому что истинную элиту в первую очередь отличает *бремя*, которое она взваливает на свои плечи. Все остальное вторично.

Не понимаю я Абрамовича. Тебе, тезка, КРАЙ размером почти с полторы Франции или две Германии дан, считай, во владение. Так твори! Строй университеты, города, переманивай людей, сажай их на твоей земле. Ну сколько тебе нужно для полного счастья со всеми твоими яхтами, самолетами и дворцами с усадьбами? Миллионов сто, двести, миллиард? А остальное-то зачем? Учись не только получать, Рома, но и тратить! У тебя есть возможность поиграть в «Цивилизацию» вживую. Есть ли в мире вызов более гордый? Есть ли задача более интересная? Есть ли возможность для реализации своего Я более сильная? Чего ж ты бежишь от этого как черт от ладана?.. Компьютерные игры не любишь, что ли?

Я написал эту книгу в первую очередь для того, чтобы показать, какой должна быть настоящая, истинная элита. Какие у нее мотивации, образ действия и какой может быть (или должна быть) выстроена социальная машина по ее созданию и воспроизводству. То есть дать *образец* элиты, совмещающей в себе и верность древним традициям, что дает устойчивость, и способность адекватно отвечать на вызовы современного быстро и постоянно меняющегося мира. Элиты, способной обустраивать этот мир для себя и своего народа, способной жить в нем и владеть им.

А иначе зачем вообще она нужна?

---

notes

Примечания

Эльзас — провинция, долгое время служившая предметом спора между Францией и Германией и не раз переходившая из рук в руки. Так, с 1870 года до Первой мировой войны принадлежала Германии, а в период между Первой и Второй мировыми войнами была частью Франции. Возвращена в состав рейха после поражения Франции.

ДОТ (долговременная огневая точка) — мощное защитное сооружение из земли и бетона.

3

Малая саперная лопата.

4

Так немцы называли оккупированную Польшу.

Горюче-смазочных материалов.

6

Большая саперная лопата, длина — 110 см.